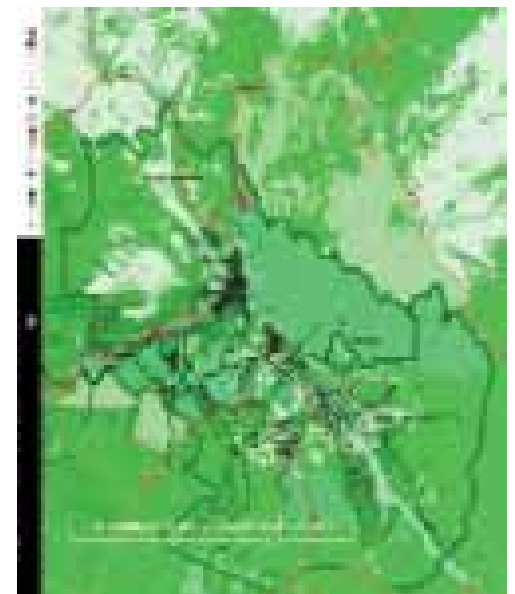
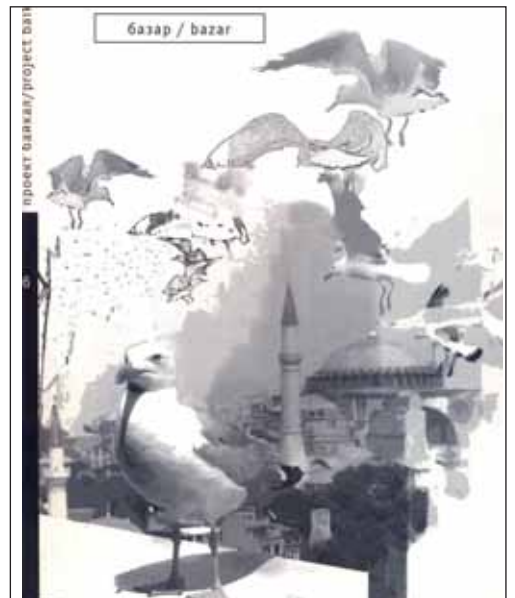
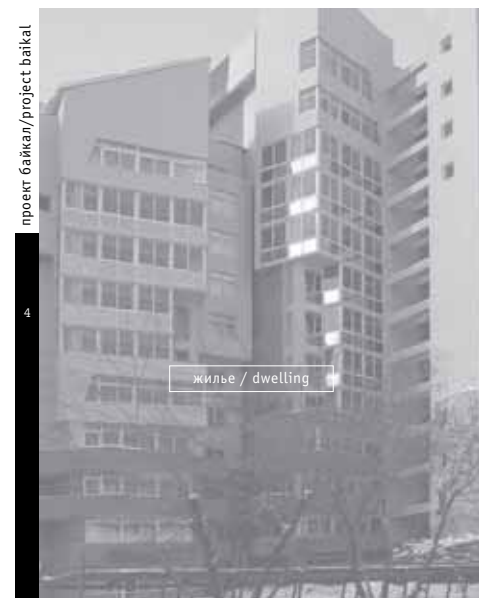
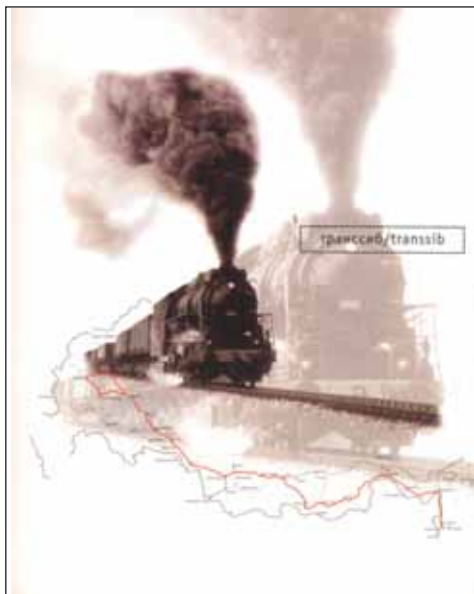
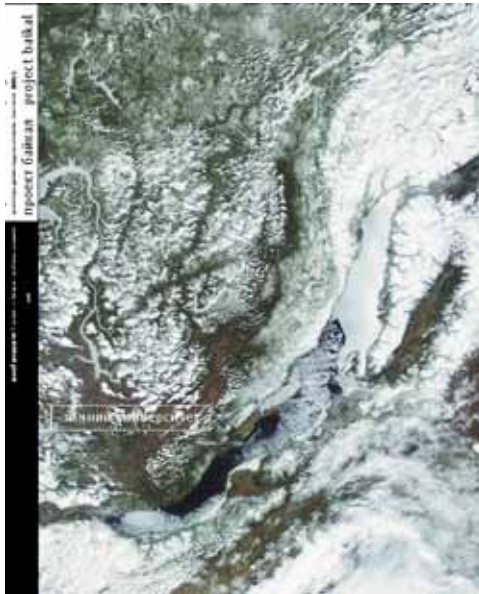

соседи / neighbours

события	
Новости Союза архитекторов.....	II
Научная сессия Российских академий наук.....	V
Семинар Schiesso в Иркутске	VIII
выставка	
Михаил Белов и другие в МуАре.....	X
новостройки	
Гамбург. Богеналлее, 10-12.....	XI
Жилое здание в Дуисбурге, Германия	XVI
Центр для пожилых людей, Германия.....	XIX
дерево	
Корни города	XXII
книга	
Уильям Брумфилд. «Иркутск...»	XXIV
трибуна	
Железный символизм	XXV
Зачем аскету кабинет? (философия аскетизма в интерьере).....	XXIX
новые технологии	
Конструкции из стекла	XXXIII
ИНГЕО – 15 лет.....	XXXIV
дизайн	
Диалоги и жесты Владимира Дейкуна	XXXVI
интернет-дайджест	
Дом над озером и др.	XL

Издательская группа выражает благодарность за помощь и поддержку в создании журнала главному редактору журнала **проект россия** Барту Голдхоорну и издательству **А-Фонд**

адрес редакции
г. Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.: 3952 33-28-39
3952 33-28-40

e-mail: sar@irk.ru

главный редактор
Владимир Бух
координатор проекта
Елена Григорьева
редактор раздела «События»
Хадича Дулатова
редактор раздела «Интернет-дайджест»
Наташа Шкедова
переводчики
Анна Григорьева
Надежда Манакова
менеджмент и верстка
Светлана Середёнкина

допечатная подготовка
Александр Калинин
корректор
Галина Костина
отдел рекламы
Ольга Павлова
Евгений Большаков
Надежда Недаболук

Выражаем благодарность за участие в подготовке номера Константину Позднякову, Татьяне Анненковой, Константину Лидину, Валерию Козлову

печать
ОАО «Иркутская областная типография № 1»
им. В.М. Посохина
Тираж 999 экз.
Подписано в печать 01.12.06
периодичность
4 раза в год
Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции.
За содержание рекламной информации редакция ответ-

ственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов

на обложке
12 Азиатский конгресс архитекторов
фото Николай Прокудин

С 19 по 22 октября в Москве в Манеже прошел 14-й Международный фестиваль «Зодчество». Открытие ознаменовалось присутствием самых неожиданных персонажей: космонавта Леонова, депутата Ельцова и коммуниста Зюганова. Вел церемонию открытия Святослав Белза. Внимание легендарного космонавта и обаятельного телеведущего – приятно, всем известных политиков и депутатов – понятно.

Выставка необъятная и разная: блестящие объекты соседствуют с провальными. Все как в жизни. Регионы на высоте – к Краснодарскому и Хабаровскому краям поднялась Омская область. На заключительной церемонии, проходившей впервые здесь же в Манеже, омскому губернатору пришлось подниматься на подиум за наградами несколько раз. А не ударить ли по XV-му Фестивалю градостроительством Иркутской области, ведь, кажется, лед тронулся? Во всяком случае, впервые за последние годы главный архитектор Иркутской области участвовал в работе Совета главных архитекторов субъектов федерации и муниципальных образований. А попутно получил из рук Президента Международной Академии Архитектуры красивую награду – серебро ИНТЕРАРХА и приз Палаты архитекторов Болгарии (см. ПБ № 9).

Блестящий мастер-класс Андрея Бокова вдохновил иркутян на решительный шаг – приглашение Маэстро на ЗВС-07.

Фестиваль же славен не только смотрами-конкурсами, мастер-классами, экскурсиями и дискуссиями. Он стал неизменным местом встречи архитекторов большой страны, их ближних и дальних коллег из-за рубежа. Роскошь общения. Смелость участия. Радость победы. Золото в постройках поделили москвичи, питерцы и нижегородцы. Национальная архитектурная премия «Хрустальный Дедал» досталась авторам реконструкции Александринки.

Пленум Союза архитекторов России состоялся 23 октября в Центральном доме архитектора в Москве. На пленуме были приняты три документа, завершающие подготовительный этап перехода к саморегулированию. Среди них «Положение о квалификационной комиссии», в котором четко структурированы функции трех уровней комиссии: центральной, межрегиональной и региональной. Квалификационные комиссии будут выдавать персональные аттестаты архитекторам, претендующим на самостоятельную деятельность. Региональные отделения САР, имеющие в составе более 100 членов, получат право иметь собственную квалификационную комиссию. В Восточной Сибири это Иркутск и Красноярск.

Новая форма аттестации архитекторов аналогична международной практике и будет иметь такую же систему проверки профессиональных знаний. На пленуме было принято «Положение о контрольной комиссии». В ее задачи входит контроль соблюдения членами саморегулируемой организации Союза архитекторов России устава, стандартов и правил архитектурной деятельности, включая страховку профессиональной ответственности проектных организаций.

Участники пленума обсудили последнюю редакцию профессиональных стандартов и приняли их с некоторой корректировкой.

Теперь, как только Государственная Дума примет поправки к ФЗ «Об архитектурной деятельности», касающиеся перехода на саморегулируемую основу, Союз архитекторов России, не дожидаясь Федерального закона о саморегулируемых

организациях, обретает новый статус. Это очень важный шаг для всех архитекторов России, так как, по официальному письму, с 1 января 2007 г. прекращается ныне действующая система лицензирования.

Пленум утвердил ПОЛОЖЕНИЕ о минимальных ставках авторского вознаграждения за создание и использование произведений архитектуры и РЕКОМЕНДАЦИИ по определению категории сложности проектирования объекта. Проекты этих двух документов были розданы участникам Конференции ИРО САР 2 октября с.г.

На пленуме САР обсуждался вопрос об архитектурных конкурсах. Практически все конкурсы, проходящие в разных городах и регионах страны без патронажа или участия Союза архитекторов, нарушают правила. Разговор обострился в связи с неприличной историей, которая происходит в Питере.

Крупнейший монополист «Газпром» объявил международный конкурс на проект офисного здания высотой в 300 м, которое он решил поставить в историческом центре Санкт-Петербурга на берегу Невы напротив Смольного. Пригласив к участию в конкурсе шесть звезд мировой архитектуры, включая Массимилиано Фуксаса, «Газпром» не согласовал программу конкурса с Союзом архитекторов России и не определил состав жюри. Согласно международным правилам члены жюри должны вначале ознакомиться с формулировкой программы конкурса и только после этого дать (или не дать) согласие на участие. Этот порядок

был нарушен, и сейчас «Газпром» столкнулся с тем, что не может собрать в жюри звезд российской архитектуры. Вслед за питерским Союзом к бойкоту конкурса присоединились РААСН и Союз архитекторов России.

Официальный регламент, озвученный главным архитектором Санкт-Петербурга Александром Викторовым на пленуме САР, предусматривает в этом месте исторического центра постройки не выше 48 м, и то при обосновании и визуальном анализе.

Парадоксально, что сама программа имеет гриф «конфиденциально». Таких «конкурсов» ещё не знала история архитектуры. Конкурс организован келейно с нарушением всех международных норм и правил (в том числе и Правил, утверждённых в Санкт-Петербурге), без участия Международного союза архитекторов, Союза архитекторов России и органов охраны памятников истории и культуры.

В связи с чрезвычайной ситуацией, сложившейся в Санкт-Петербурге пленум принял обращение к архитекторам России, членам творческих Союзов, деятелям культуры и науки России, в Международный союз архитекторов, ЮНЕСКО, к общественности и средствам массовой информации с призывом остановить произвол «Газпрома», поддержанный администрацией города.

В целом работа осеннего пленума была плодотворной. Компактность зала способствовала созданию деловой и откровенной обстановки. Украшением дня был новый фильм о Фрэнке Гэри и его работах, привезенный Феликсом Новиковым.

7 октября в Иркутском драматическом театре им. Н.П. Охлопкова Александр Тишанин вручил губернаторские премии 2006 года в области культуры и искусства.

Лауреатами премии стали заслуженный архитектор России, советник РААСН Виктория Астраханцева и архитектор Михаил Ульянов. Высокой награды удостоен их проект реконструкции типового кинотеатра под размещение в нем Братского драматического театра. Эта работа на разных этапах реализации успешно выставлялась на фестивалях «Зодчество Восточной Сибири – 2002» и «Зодчество Восточной Сибири – 2004» и была награждена Золотыми дипломами. Статья об интерьерах театра была опубликована в № 1 ПБ.

29 сентября состоялся традиционный футбольный матч иркутских архитекторов, посвященный Международному дню архитектуры.

В упорной борьбе со счетом 10:9 победила команда, созданная на базе АПЦ «Фортуна». В ее составе играли: капитан команды Константин Бурла, Николай Соболевский, Борис Морозов, Иннокентий Белтуев и Юрий Петрук.

В команде соперников играли: капитан Игорь Козак, Сергей Сероштан, Александр Ашихмин, Никита Шимараев и Павел Поздняков. Возраст архитекторов-футболистов – от 20 до 50 лет. Судил матч Олег Бадула.

30 сентября в Доме архитекторов состоялись соревнования по дартсу, посвященные Международному дню архитектуры.

Состязания прошли в два этапа по личному и командному первенству. В личном первенстве победу одержал Артемий Михайлик, II место досталось Олегу Бадуле, III – Юрию Петруку. Все они сотрудники АПЦ «Фортуна». В групповом первенстве лидировала команда «Фортуна», в которую вошли

Олег Бадула, Юрий Петрук, Александр Сидоров и Сергей Демков. На втором месте оказалась команда в составе Сергея Ананьева, Владимира Горбенко, Олега Старовойтова и Артемия Михайлика. Под занавес состязаний Константин Бурла исполнил «Лунную сонату» Бетховена. Награждение победителей соревнований по футболу и по дартсу состоялось на праздновании Международного дня архитектуры.

К сведению желающих присоединиться – соревнования проводятся два раза в год: «Арх-Дартс-Весна» в рамках фестиваля «Зодчество Восточной Сибири» и «Арх-Дартс-Осень» в преддверии Международного дня архитектуры.

Международный день архитектуры выпал в этом году на 2 октября. Правление Иркутской региональной организации Союза архитекторов России впервые решило провести профессиональный праздник в формате конференции.

Праздничную конференцию иркутских архитекторов почтили своим присутствием депутат Государственной думы Сергей Дубровин, депутат Законодательного собрания Иркутской области Сергей Курилов и главный архитектор Иркутской области Алексей Буйнов. Несмотря на регулярные приглашения, в очередной раз уклонились от участия в архитектурном мероприятии представители городской администрации.

На Конференции были подведены итоги проделанной за год работы с акцентом на международную деятельность организации и анонсирована очередная – VIII – зимняя сессия Байкальского Международного

Градостроительного университета, курируемого депутатом ГД Сергеем Дубровиным.

Главный архитектор Иркутской области Алексей Буйнов рассказал о перспективах, связанных с процессом агломерации, выносом аэропорта, строительством крупных жилых комплексов, привлечением инвестиций в строительство и туристический бизнес, возведением гостиниц международного класса. Алексей Буйнов предупредил коллег, что привлечение в Прибайкалье строительных компаний и инвесторов из других регионов усилит конкуренцию на рынке труда, к этому нужно быть готовыми и постоянно учиться.

Решив ряд уставных вопросов, участники конференции перешли ко второй части. Борис Литвинов рассказал о прошедшей в сентябре летней сессии **Европейского градостроительного университета в Сержи-Понтуа под Парижем**. Сам Борис Трофимович, как всегда, был членом экспертной комиссии, Дарья Жуковская выступала в качестве ассистента, а Александра Козак – в качестве участницы workshop'a. Рассказ сопровождался демонстрацией конкурсных работ.

Татьяна Петрова поделилась впечатлениями о **столице Монголии Улан-Баторе и пустыне Гоби**, а Елена Григорьева – о **Пекине и Шанхае, где в середине сентября проходил Конгресс азиатских архитекторов**.

На Конгрессе рассматривались актуальные вопросы роста городов. Не случайно темой Международного дня архитектуры в этом году стал девиз «Города – магниты надежды». Президент Международного Союза архитекторов Газтан Сью говорил

в своем выступлении на Конгрессе о том, что к 2020 году городское население планеты удвоится, и к нынешнему добавится еще два миллиарда человек.

Видеоряд свежих архитектурных объектов Пекина и Шанхая произвел сильное впечатление масштабом, качеством и темпами воплощения.

Интерес и одобрение присутствовавших вызвала непредусмотренная программой Конференции демонстрация фильма об очередной молодежной акции в подмосковном Сухоново. Студентки 6-го курса архитектурного факультета ИрГТУ Надежда Ульянова и Ирина Максимова в составе команды «Иркутск» вместе с нашими старыми знакомыми и лауреатами ЗВС Женей Золотухиным, Иваном Пашкевичем и Татьяной Чеботаревой участвовали в третьей части многосерийной инсталляции, организованной Андреем Асадовым. «Город детства» продолжает движение, начатое в «Городе на воде» и «Городе на снегу». И это, пожалуй, единственно возможный путь, когда наступление «Города» на подмосковную усадьбу не наносит ей ущерб, а совсем напротив – обогащает.

Третья часть праздничного вечера открылась презентацией монгольских водок «АРХИ» и «ЗОДЧИ» с последующей дегустацией. «Пекинская рисовая» тоже пользовалась популярностью, но явно проигрывала по названию. Монголы оказались ближе, понятнее.

Участники соревнований по дартсу. За роялем – Константин Бурла

Ирина Максимова и Надежда Ульянова

С 3 по 6 ноября с.г. в Мельбурне состоялось очередное ежегодное заседание Комиссии по профессиональной практике Международного союза архитекторов.

В работе Комиссии приняли участие представители национальных архитектурных организаций из Австралии, Франции, Германии, Греции, Гонг Конг China, Индии, Японии, Кореи, Китая, Малайзии, Нигерии, Новой Зеландии, России, Сингапура, Таиланда, Великобритании и США. В качестве приглашенных присутствовали представители руководства Королевского Архитектурного Института Австралии и Архитектурного Совета Европы. Сопредседатели Рассел Коуни (США) и Джуанг Веймин (Китай) вели заседания.

Отдельные моменты обсуждаемых вопросов могли бы найти применение в СНГ в ближайшее время.

Международные конференции, проводимые под эгидой МСА, конгрессы МСА будут включены в международную программу непрерывного образования с вручением участникам сертификатов для подтверждения практики. Аналогично ежегодные фестивали «Зодчество» и сессии РААСН могут получить статус элемента российской (или международной) системы непрерывного образования с вручением соответствующих сертификатов.

Было отмечено, что методике расчета гонораров не учат в архитектурных вузах, есть лишь единичные примеры ознакомления в период

интернатуры. Полезно было бы обсудить включение в курс менеджмента в архитектуре в российских вузах изучения двух документов по минимальным ставкам и категориям зданий, принятых на последнем Пленуме СА.

Известно, что по количеству архитекторов на 10000 жителей Россия сильно уступает странам Европы и большинству стран мира. К примеру, в парижском регионе, по словам гостя Международного фестиваля «Зодчество» мсье Зюблена (Франция), больше архитекторов, чем во всей России. Известно также, что в Германии сейчас 50% архитекторов не имеют работы и в целом по Европе ситуация немногим лучше. В США работы мало. А между тем со вступлением в ВТО, когда Россия должна будет

открыть рынок, привлекательность архитектурного рынка в нашей стране приобретет практическую ценность для безработных зарубежных коллег.

Одновременно могут вступить в силу и документы Международного Союза архитекторов, утвержденные Советом МСА и направленные в ВТО для утверждения. Результаты работы комиссии UIA/RPC можно посмотреть на сайтах: www.coac.net/internacional.praprof_w.htm www.aia.org/about_uia.

Следующее собрание Комиссии состоится в начале октября 2007 г. в Сеуле, принимающая сторона – Корейский Институт Зарегистрированных Архитекторов.

Прием в мэрии

Экскурсия на площади Федерации

Работа Комиссии

фото Елена Григорьева

5-6 октября 2006 г. в Москве на научной сессии Российских академий наук, имеющих государственный статус, обсуждалась тема «Здоровье и образование детей – основа устойчивого развития российского общества и государства». Открыл сессию президент РАН академик Ю.С. Осипов, он зачитал обращение к ученым Президента России В.В. Путина. В работе высокого научного собрания приняли участие 616 членов Российской академии наук, Российской академии медицинских наук, Российской академии образования, Российской академии художеств, Российской академии архитектуры и строительных наук и Российской академии сельскохозяйственных наук.

Первое пленарное заседание состоялось в Колонном зале Дома Союзов. На нем рассматривались проблемы научных основ и научного сопровождения развития в 2007 и последующих годах национальных проектов в сфере здравоохранения, образования, сельского хозяйства и обеспечения доступного жилья с целью формирования здорового поколения россиян. С докладами на пленарном заседании выступили академики М.И. Давыдов (РАМН), А.П. Кудрявцев (РААСН), Н.Д. Никандров (РАО), З.К. Церетели (РАХ).

Президент Российской академии образования Н.Д. Никандров поставил проблемы негативного воздействия на детей через средства социализации, под которыми имеются в виду:
1) Образование, масс-культура и реклама;
2) Теле- и видеопродукция;
3) Улицы и уличная реклама;
4) Домашняя реклама, рассылаемая по почте. Доминирующие посылы социализации: «Деньги всевластны», «Насилия много, оно естественно» заполо-

нили продукцию масс-культуры. Экзотические виды насилия, несвойственные нашему миру, перегруженность сексуальной тематикой, дегроизация личности в традиционном понимании не могут пройти бесследно при формировании нравственных основ подрастающего поколения. Участники сессии считают, что в настоящее время свобода информации не сопряжена с ответственностью, и это чревато серьезными последствиями. Они напомнили, что ст. 55 п.3 Конституции РФ говорит о том, что «права и свободы могут быть ограничены во имя здоровья и нравственности», и, видимо, пришла пора воспользоваться этим во имя существования нации.

Президент РААСН академик А.П. Кудрявцев выступил на пленарном заседании с докладом на актуальную для страны вообще и Прибайкалья в частности тему «Здоровые города – здоровые дети: развитие отечественной градостроительной науки как основа охраны и укрепления здоровья детей, их всестороннего культурного и художественного воспитания, устойчивого развития современного общества». В начале выступления он привел высказывание известного мецената и покровителя архитектуры наследного принца Чарльза: «Архитектура больниц могла бы сыграть большую роль в деле выздоровления».

В решении научной сессии содержится вывод, что «Здоровье детей и подростков в значительной степени формируется под влиянием градо-экологического и архитектурно-художественного состояния среды обитания. От качества архитектурно-градостроительных решений зависит качество здоровья, воспитания и образования детей. Требуется всестороннего изучения влияния на здоровье и психику детей световой и цветовой среды, объемы помещений и их ориентация, применение новых строительных материалов. Необходимо комплексный подход к формированию среды жизнедеятельности подрастающего поколения, совместное определение основных функциональных, технических и эстетических сторон пространственной организации зданий, соору-

жений и их комплексов, обеспечения физического и психического здоровья детей. Необходимо ввести научные и проектно-экспериментальные разработки типологии зданий и сооружений для детей, где оптимально сочетались бы требования по медицинским, педагогическим, общеразвивающим показателям, формирующим полноценного человека. В этой связи необходимы специальные разделы в национальных проектах, посвященных детям».

После пленарного заседания работа продолжилась по секциям в Колонном, Октябрьском и Пресс-залах Дома Союзов.

В третьем секционном заседании на тему «Научные основы обеспечения безопасных условий жизнедеятельности детей» соведущим был главный архитектор Москвы академик РААСН А.В. Кузьмин. Здесь выступили с докладами академики Ю.А. Сдобнов («Научные основы безопасности и устойчивого развития городов и поселений как основа здоровья индивидуума и коллектива») и В.И. Колчунов («Современные проблемы обеспечения безопасности дошкольных и школьных учреждений»). Большой интерес у участников вызвал доклад члена-корреспондента РАМН Л.И. Колесниковой «Здоровье школьников: медико-экологические компоненты формирования и управления его состоянием», включавший статистику по результатам исследования здоровья школьников в Иркутске и Ангарске.

На круглом столе, посвященном теме «Среда обитания как фактор, формирующий физическое и нравственное здоровье детей», в числе

прочих с докладами выступили архитекторы, члены-корреспонденты РААСН Е.И. Григорьева («Школа и ее территория. Травмирующие факторы архитектурной среды») и А.В. Боков («Научные основы формирования спортивно-оздоровительных комплексов как основа условий для здорового образа жизни детей»).

Среди участников сессии было много имен, известных широкому кругу россиян: академик РАН Е.П. Велихов, проф. Л.М. Рошаль, академик РАМН Л.А. Бокерия, педиатр академик РАМН А.А. Баранов, главный санитарный врач страны академик РАМН Г.Г. Онищенко и министр образования Москвы академик РАО Л.П. Кезина. В заключительном пленарном заседании с темой о взаимодействии властей и общества в формировании демографической политики выступил депутат Госдумы академик РАМН С.И. Колесников.

Члены шести академий с государственным статусом выразили серьезную озабоченность проблемами здоровья и образования подрастающего поколения российских граждан. Жаль, что министры образования и здравоохранения не нашли времени, чтобы принять личное участие в работе столь представительной научной сессии и выслушать аналитические данные и рекомендации известных ученых, врачей, педагогов, градостроителей, архитекторов и других специалистов. По ходу работы выяснилось, что правительственные органы не привлекали ученых профильных академий и научно-исследовательских институтов к разработке и экспертизе приоритетных национальных проектов по образованию, здравоохранению, жилью. Не удивительно,

Президент РАН академик Ю.С. Осипов открывает сессию

Фото Елена Григорьева

Андрей Бокон

что многие специалисты сходятся во мнении, что содержание законопроектов явно сырое и не совсем продуманное. Стало недобрым правилом проводить обсуждение проектов важнейших законов в жестко ограниченные сроки, так чтобы профессионалы не успели нормально ознакомиться с ними и внести свои предложения и замечания.

Участники научной сессии указали на грубое упущение и в национальных проектах. Так, в проект «Здравоохранение» не вошел очень важный раздел «Питание». Этот же раздел, по мнению ученых, необходимо было бы ввести и в проект «Образование», потому что вопросы питания школьников – это проблема государственной важности. Недостаток питания пациентов больницы, холодная некачественная пища в школьных столовых – это прямая угроза здоровью подрастающего поколения со всеми вытекающими последствиями.

На пленарных заседаниях президенты академий озвучили данные о состоянии здоровья детей.

На каждую тысячу новорожденных приходится 50 детей с врожденными и наследственными заболеваниями. К окончанию школы более половины детей имеют ограничения в выборе профессии по состоянию здоровья. Ранняя трудовая занятость подростков является существенным фактором ухудшения их здоровья. Темпы роста предотвратимой смертности подростков

выросли в 6 раз у юношей и в 3 раза у девушек, преимущественно за счет увеличения травматизма и отравлений.

На фоне неуклонного уменьшения численности детей отмечаются неудовлетворительные показатели состояния их здоровья. Число инвалидов в возрасте до 18 лет составляет 605 тыс. человек, оно увеличилось за последние 5 лет на 155 тыс. Частота психических расстройств и отклонений в поведении возросла среди подростков на 27%. Число практически здоровых детей снизилось до 30%, нервно-психические нарушения выявляются у 60% выпускников школ. Показатели психической болезненности детского населения и подростков в два раза выше, чем взрослых, и имеют неуклонную тенденцию к росту.

Статистические данные по курению: среди детей 10-14 лет курят 17%; среди 15-17 летних – 62%. Среди детей 10-14 лет 37% употребляют алкоголь; 15-17 лет – 70%. За 10 лет детский алкоголизм вырос в два раза и продолжает увеличиваться.

Смертность от самоубийств в России очень высока по сравнению с другими странами, суициды наблюдаются даже у детей 5-10 лет. По мнению Всемирной организации здравоохранения, превышение порога в 20 случаев самоубийств на 100 тысяч человек указывает на чрезвычайную ситуацию в обществе. В России этот показатель среди подростков 14-18 лет составляет 21,55. В то же время число социальных сирот в России приближается к миллиону.

Средняя продолжительность жизни в России составляет у мужчин – 58 лет, у женщин – 72 года. По прогнозу ООН к 2010 году численность 5-19-летних граждан России сократится на 33%. Эти цифры ясно показывают тенденцию к вымиранию нации.

Участники научной сессии не только констатировали тревожное положение, но и выдвигали конкретные предложения по решению проблем. В проекте решения сессии говорится: «Повышение конкурентоспособности

России на мировом уровне во многом определяется благополучием и здоровьем детей, их успешным развитием, своевременным включением в социально-значимую деятельность, что определяет будущее любой страны. Чем ниже качество жизни детей, тем выше риск роста масштабов бедности, ухудшения показателей здоровья, социальной напряженности и экономической нестабильности. Предотвращение этих негативных тенденций – ключевая задача государственной политики».

Специалисты уже много лет говорят о важности разработки типологии сельских школ для разных регионов страны. В последние годы советской власти эта проблема сдвинулась с мертвой точки, но заглохла в постперестроечные времена. В настоящее время решением этих проблем вообще никто не занимается.

По Иркутской области при наметившейся тенденции повышения рождаемости уже сложился дефицит мест в детских садах в областном центре и других городах. Государственная политика по привлечению в Россию русских людей, проживающих в других странах, напрямую касается и Иркутской области. Их приезд автоматически вызовет спрос не только на жилье, но и на места в детских учреждениях. Следовательно, местные и региональные власти уже сейчас должны решать проблемы разработки нескольких современных типовых проектов школ и детских садов для городов и поселков области, поставить их строительство на индустриальную основу. Решение этих проблем должно быть комплексным, с привлечением специалистов народного образования, здравоохранения, архитектуры и градостроительства. И координирующую роль в этом должны взять на себя региональные власти.

В конце 80-х годов и даже в 90-е годы прошлого века руководство города Иркутска активно занималось строительством зданий школ и дошкольных учреждений с учетом современных на тот период требований: хороши-ми спортзалами, бассейнами, спортплощадками и хоккейными кортами во дворах. В кон-

це 90-х наш город прославился на всю страну проектами новых школ с атриумами. Но в последние годы в Иркутске наметилась прямо противоположная тенденция, связанная с ростом стоимости земли. Застройщики, не стесняясь, покушаются на школьные территории, теснят их высотными постройками, ухудшая нормативы инсоляции, уничтожая зеленые зоны и т.д. Хоккейные корты и детские спортивные площадки уничтожаются, в центре города их уже практически не осталось. Создается впечатление, что властям безразлично здоровье детей, их нормальный досуг.

Специалисты-градостроители считают, что при реконструкции кварталов, в которых расположены школы, надо доводить школьные территории до нормативной величины и строить при них стадионы, которыми смогут пользоваться жители прилегающих кварталов.

На сессии обсуждались вопросы создания детских больниц нового типа и семейных детских домов. Российские средства массовой информации регулярно освещают проблему развития сети семейных детских домов как более эффективную социально адаптированную систему воспитания сирот.

Общеизвестно, что в традиционного типа детские дома вкладываются большие деньги, а результат получается удручающий. Как правило, оттуда выходят бездомные, не приспособленные к обычной жизни люди. Экономические расчеты показывают, что государству выгоднее доплачивать людям, желающим взять на воспитание детей-сирот, чем содержать традиционные детдома. Но здесь также не стоит уповать на добровольцев, которые решаются взять на себя эту нелегкую ношу. Дети рано или поздно вырастут, и тогда перед их приемными родителями встанет проблема обеспечения воспитанников жильем. В настоящее время даже вполне благополучные семьи с трудом решают жилищные проблемы повзрослевших детей. Тысячи молодых семей рутшатся из-за отсутствия жилья и бешеных цен за аренду частных квартир. Что уж тут говорить

о сиротах с их призрачными надеждами на государство. Пресловутый национальный проект «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» вообще умалчивает о квартирах для сирот. В нем речь идет только о коммерческой продаже жилья да парочке программ с небольшими льготами для молодых семей и военных. Государство должно пересмотреть содержание такого «национального» проекта и разработать реальную программу обеспечения населения доступным жильем.

В Иркутской области обсуждается проект, предложенный председателем Комитета по ЖКХ областной администрации П.А. Ворониным. Он позволяет снять с плеч муниципалитетов заботу по покупке жилья для выпускников детских домов, а также обеспечению квартирами молодых семей и других категорий населения. Идея проекта проста – государственное стимулирование банков, частных инвесторов и строительных компаний для инвестирования средств в широкомасштабное строительство социально ориентированного жилья.

Выдающийся педиатр академик РАМН А.А. Баранов говорил о необходимости отдельного закона о здоровье детей, учитывающего региональные социальные и климатические условия. Показатели детского здоровья по Сибири и Дальнему Востоку существенно отличаются в худшую сторону от данных европейской части страны.

Большое впечатление на участников сессии из регионов произвел доклад академика РАО, министра образования Москвы Л.П. Кезиной «Организация здоровьесберегающей работы в общеобразовательных школах». При всех обидях и зависти к Москве региональным управленцам по многим параметрам не мешало бы равняться на нее. В столице идет системная работа по оздоровлению школьников. Там принята собственная программа «Образование и здоровье. Комплексный межведомственный подход», над разработкой которой совместно трудились врачи, педагоги, градостроители и представители СМИ. Все заинтересованные стороны высказали свои пожелания и предложения по формированию здорового образа жизни, формированию идеала, созданию благоприятных психологических факторов для детей. Оздоровительные центры создаются в каждом столичном округе. В помещениях детских садов созданы секции и кружки, которые охватывают 22 тысячи детей, проживающих поблизости. Конечно, для Москвы такое количество не велико, но это только начало пути. В столице действуют 416 бассейнов, 400 тренажерных залов. Во всех новых детских садах есть бассейны. По экспериментальному проекту в одном из них даже столовая вынесена отдельно. К 2010 году к столичным детским садам будет построено 50 новых спортивных блоков.

По специальной программе в Москве действуют 250 компенсирующих детских садов, 430 комбинированных детских садов, в которых занимаются детьми с нарушениями речи, слуха и интеллекта. Там же имеются группы для кратковременного пребывания особых детей, где их готовят к планомерному переходу в школу.

Министерство образования Москвы разработало отдельную программу «Одаренные дети», предназначенную решать задачи воспитания юных гениев, у которых, как известно, свои трудности. Существуют школы здоровья для детей с хроническими заболеваниями. Будущий 2007 год в Москве объявлен Годом ребенка. Из городского бюджета на статьи «Здорово-охранение», «Образование», «Семья» выделяется 10 млрд. рублей.

Можно ли сравнить столичный подход к заботе о здоровье юных москвичей с деятельностью иркутских чиновников? Да, но сравнение будет не в пользу иркутских чиновников. Со всех сторон только и слышишь о дефиците мест в детсадах. И это при том, что в городе множество специализированных детсадовских зданий, каким-то образом оказавшихся в частных руках. Может быть, пора администрации вернуть эти здания городу, открыть в них снова детские сады, чтобы молодые женщины могли учиться или работать, не ломая голову над проблемой, с кем оставить малышей?

Академики сурово критиковали внедряемую по инициативе

Министерства образования РФ систему ЕГЭ. Их оценка сопрягается с тем, о чем говорилось на сессиях РААСН: «ЕГЭ производит повторителей, а не создателей». ЕГЭ не должен быть единственным способом проверки знаний, так как, по мнению ученых, ЕГЭ развивает механическую память, но уничтожает систему мышления. Мы наступаем на грабли, от которых в свое время уже пострадали американцы. По мнению многих специалистов, Федеральный закон о ЕГЭ построен на полуправде, полупрофессионализме. Научного анализа никто не проводил, но, как и в случае с Градостроительным кодексом, 20 октября этот закон уже должен был обсуждаться в Госдуме.

Академик Баранов закончил свой доклад словами, что это только начало большого разговора и что главное заключается в том, чтобы власть услышала ученых и использовала их богатейшие знания на благо развития подрастающего поколения Российского государства.

Рефреном по ходу научной сессии звучала мысль: «В обществе, в котором нет здоровья, не будет ни науки, ни искусства, и даже богатство становится бессмысленным».

www.bsk.ru

ЦЕНТР КРОВЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ И ТЕХНОЛОГИЙ

- УСТРОЙСТВО ПРОМЫШЛЕННЫХ КРОВЕЛЬ
- УСТРОЙСТВО ПЛОСКИХ КРОВЕЛЬ
- РАЗВЕРДЕНИЕ МАНСАРД И СКАТНЫХ КРОВЕЛЬ
- РЕМОНТ КРОВЕЛЬ ЛЮБОЙ СЛОЖНОСТИ
- УСТАНОВКА КРОВЕЛЬНЫХ АКСЕССУАРОВ
- УСТРОЙСТВО ВЕНТИЛИРУЕМЫХ ФАСАДОВ
- ЭКСПЕРТИЗА КРОВЕЛЬ С ВЫЕЗДОМ НА ОБЪЕКТ
- МОНТАЖ ВОДОСТОЧНЫХ СИСТЕМ
- ГИДРО-ПАРО-ТЕПЛОИЗОЛЯЦИЯ
- РАСЧЕТНО-СМЕТНЫЕ РАБОТЫ
- ТЕХНИЧЕСКИЕ КОНСУЛЬТАЦИИ

Иркутск, ул. Ст. Разина, 6, тел. (3952) 200-154
Улан-Уда, ул. Ермаковского, 32, тел. (3012) 222-488

КРОВЛЯ НА ВЕКА

Семинар Schueco в Иркутске

SCHÜCO

DORMA

SCHÜCO
StahlSysteme
JANSEN

Одно из последних событий, попавших на верстку журнала, – материал о семинаре, проведенном фирмой «ШУКО Интернационал Москва» 21 ноября для иркутских архитекторов.

К назначенному часу зал заполнился желающими расширить свой кругозор. Александр Пен, руководитель представительства ЗАО «ШУКО Интернационал Москва» в Сибирском регионе, взял приветственное слово. Представив лекторов, он ознакомил присутствующих с программой мероприятия. Выступление сопровождалось показом видеоролика «О компании ШУКО». Затем слово было передано г-ну Бринкманну, начальнику архитектурного отдела ЗАО «ШУКО Интернационал Москва». Г-н Бринкманн подробно рассказал о структурном остеклении, его технических особенностях и возможностях применения.

Для российского потребителя марка Schueco известна, в основном, как производитель пластиковых окон. Но это

далеко не так. На сегодняшний день Schueco имеет в своем арсенале полный комплект предложений во всех областях облицовки зданий, начиная от входных, стальных групп до энергосберегающих конструкций, использующих солнечную энергию.

Базовые системы Schueco FW 50+ и FW 60+ уже хорошо зарекомендовали себя на многочисленных объектах во всем мире. Область их применения действительно очень широка: вертикальные фасады, светопрозрачные крыши, накладные конструкции на деревянный или стальной каркас, огнестойкие фасады, оконные фасады, подвижные и раздвижные перегородки и т.д.

О теплофизических показателях систем Schueco и вариантах улучшения их теплофизических характеристик рассказала Ольга Кузнецова, технический консультант фирмы. Во время перерыва устроители семинара отвечали на вопросы присутствовавших. Некоторые архитекторы пришли с проектными разработками и прямо на семинаре получили возможность консультации со специалистами фирмы. Была также показана видеопрезентация «Объекты, реализованные в Schueco».

Кроме продукции фирмы Schueco на семинаре была представлена немецкая фирма DORMA, производящая дверную технику, автоматические дверные системы, передвижные звукоизолирующие стены, системы контроля доступа, системы крепления стекла. Ревина Валерия показала ряд объектов, уже построенных в России с применением системы SPYDER, выпускаемой фирмой.

Заключительная часть семинара, проведенная техническим консультантом Игорем Зарубиным, была посвящена противопожарным системам Schueco Jansen для выполнения внутренних перегородок и фасадов зданий. Участникам семинара был показан фильм об испытаниях на сопротивление огню алюминиевых перегородок, проведенных в городе Королеве. Кроме того, были представлены интерьеры из нержавеющей стали Schueco Jansen.

По завершении семинара был проведен традиционный фуршет, где участники смогли обсудить все увиденное и услышанное в неформальной обстановке.

Системное партнерство

Schüco International – ведущий поставщик профильных систем из алюминия, стали и ПВХ для всех сфер строительства. Являясь европейским лидером в области строительных технологий, фирма Schüco сотрудничает с архитекторами, инвесторами и заводами-изготовителями из практически всех стран мира.

Благодаря полной совместимости системных компонентов для всей оболочки здания, а также использованию специального программного обеспечения для проектирования, конструирования, расчета и изготовления, мы предлагаем эффективные и экономичные решения проектов для архитекторов и заказчиков.

Дополнительную информацию Вы можете получить на нашем сайте www.schueco.ru или по телефону +7 (095) 937 52 37.

Михаил Белов и другие в МуАре

Тем архитекторам из регионов, кто давно не заглядывал в Музей архитектуры им. Щусева (Москва), следует это сделать. Это теперь нечто совсем другое, чем прежде. Другое пространство – оказывается, здесь есть двор, и войти в экспозиционные залы можно не с узкого тротуара Калининского проспекта, а иначе, уже переключившись, сменив тональность и ритм. Другая суть. Другая даже пыль, не музейная, а от незаконченной реставрации, пыль руин («Руин»?). В начале октября здесь открылись две выставки: архитектора Михаила Белова и художницы Ирины Затуловской.

Еще в 80-х годах прошлого века Миша Белов был знаменит как яркий молодой архитектор, принимавший участие в международных конкурсах – и более чем успешно. Часто такие конкурсы объявлял японский архитектурный журнал. Были в этом ряду «бумажной» архитектурной молодежи Илья Уткин и Александр Бродский («занимались изобразительным искусством на грани архитектуры»).

Экспозиция выставки построена в хронологическом порядке. При просмотре работ в обратном порядке возникает парадоксальное ощущение прогресса. Но

затем несколько современных проектов, размещенных на центральных пилонах, помогают поставить все на свои места. Главное впечатление от выставки – это понимание харизматичности автора, вошедшего, как бы громко это ни звучало, в историю российской (или все-таки советской?) архитектуры, и восхищение его сложной творческой палитрой, включающей Классику и Авангард.

Вторая выставка носит название «И.З. Классики» и представляет портреты литераторов XIX – начала XX века от Пушкина, Гоголя и Грибоедова до Бродского, Пастерна-

ка, Ахматовой и Цветаевой. Большинство портретов выполнены на утилитарных бытовых предметах типа кухонных досок. Что было бы оптимально экспонировать в избе, но и в руинах ничего. Такая техника как-то одомашнивает писателей, делает их родными и близкими. А вы читали Лотмана – о Гоголе?

Елена Григорьева
фото автора

Гамбург. Богеналлее, 10-12 Hamburg. Bogenallee, 10-12

Возрождение
Общественное здание, использовавшееся как коммерческое с 1974 г., расположенное во дворе большого городского квартала, в тупике, было преобразовано в жилой дом с 15-ю квартирами. Здание сохранило в основе сооружение с тонкостенными железобетонными оболочками и технологию жилищного строительства, а фасад и наземная часть были перестроены.

Главной идеей была разработка однородного здания, которое бы одновременно делало возможным разнообразие частных квартир. С этим подходом планы открытого первого этажа были индивидуально видоизменены путем добавления дополнительных жилых пространств (так называемых «гибких коробок») в различных точках. При «выворачивании» внутренних помещений эти специальные элементы функционируют в качестве пространственных расширений, которые вмещают в себя кухни, спальную комнату или ванную комнату, предоставляя пространство для сауны, ванной или обеденного стола.

Из-за направления здания на восток/запад была выбрана концепция меняющегося фасада: перфорированный фасад, выходящий на улицу (Богеналлее), и полное остекление высотой во всю комнату, выходящее во внутренний двор. План первого этажа не разбит стенами на отдельные комнаты, но целое пространство одной квартиры подразделено на полезные пространства структурой энергоблоков: ванной комнатой, кухней и санузелом. Не нарушая про-

странство открытого первого этажа, были установлены высокие вращающиеся двери с дверным механизмом, находящимся на полу, чтобы, где это необходимо, разделить площади на комнаты.

Несмотря на закрытый характер фасада, выходящего на Богеналлее, здание активно взаимодействует с непосредственной средой. Посредством бокового остекления коробок ориентация комнаты повернута изнутри на 90 градусов, и в необычной манере снаружи можно посмотреть в свою же квартиру, в свое же здание, когда находишься в промежутке между защищенной частной собственностью и городским пространством.

Фасад построен с использованием материала, который удовлетворяет требованиям покрытия объектов и, в то же время, поддерживает «неоднозначность» поверхности здания. Панель из ламината высокого давления с фанерой из настоящего дерева используется в качестве подвесного фасада, наполненного воздухом. Синтетическая обработка дерева позволяет по-разному интерпретировать здание – в зависимости от расстояния и перспективы.

Revitalization

The once commercially used public building from 1974, located in the court of a large urban block in a cul-de-sac, was converted into a residential house with 15 apartments. The building was cored to its shell construction and the housing technology, facade and superstructure were rebuilt.

The underlying idea was to develop a homogeneous building that simultaneously enables and displays the diversity of the individual apartments. From this approach the open ground plans were individually modified by adding extra living spaces (so-called «flex-boxes») at different points. By turning the inner rooms «inside out» these special elements function as spacial extensions accommodating kitchen, bedroom or bathroom, providing space for a sauna, the bath or the dining table.

Due to the east-/ west-direction of the building a varying facade concept was chosen: perforated facade facing the street (Bogenallee) and complete, room-high vitrification towards the court-yard.

The ground plan is not broken down by walls into single rooms but rather the total space of one apartment is subdivided into its utility

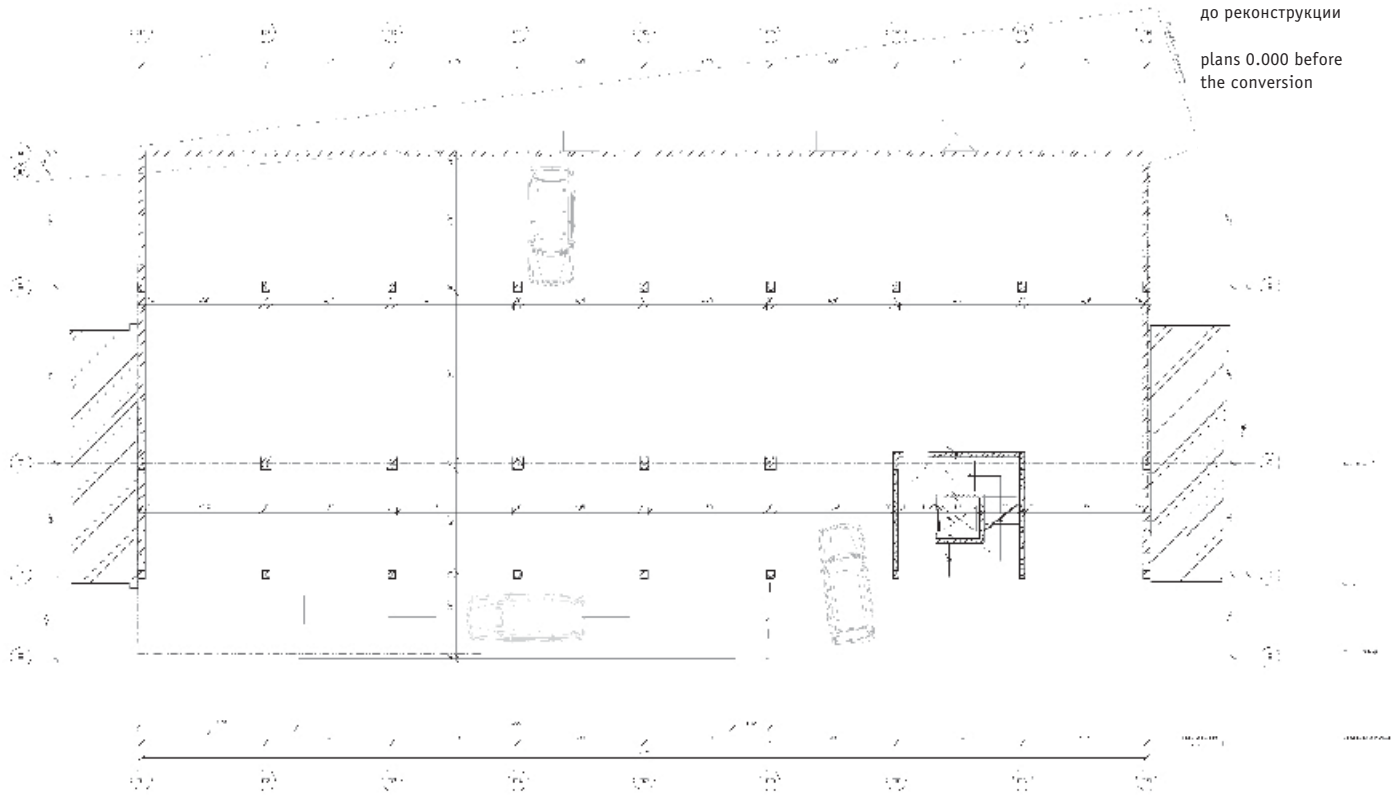
spaces by the structure of the supply units bathroom, kitchen and WC. Despite the open ground plans room high swing doors with door checks on the floor were installed in order to partition the necessary areas into rooms when required.

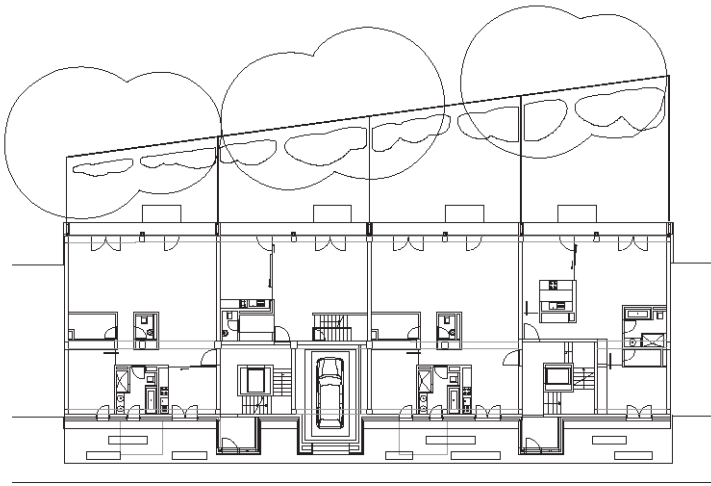
Despite the closed facade towards the Bogenallee the building interacts intensively with its immediate environment. Through the lateral vitrification of the boxes the room alignment is turned around from the inside by 90 degrees and, in an unusual manner, one looks from the outside onto one's own apartment, one's own building; one is located in an interspace between protected privacy and urban space.

The facade is created by a construction and a material that satisfy the requirements of an all-round covering of the bodies while simultaneously identifying with the «ambiguity» of the surface of the building. The HPL-panel with real-wood veneer is used as suspended, air-filled facade. The synthetic processing of the wood allows several interpretations of the building - depending from what distance and perspective you look at it.

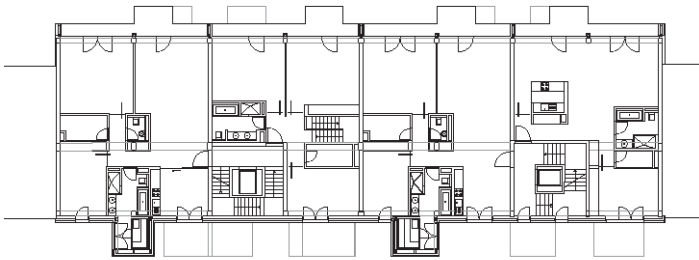

План на отм. 0.000
до реконструкции
plans 0.000 before
the conversion

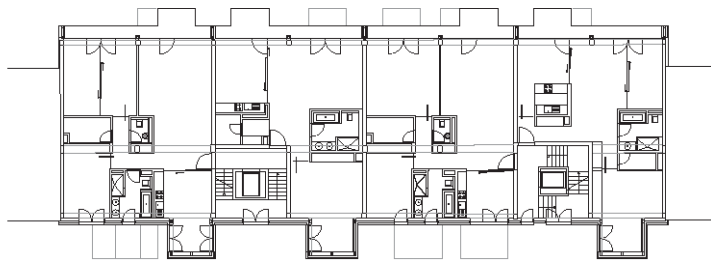

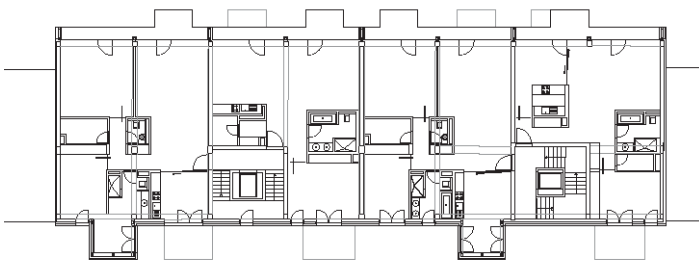
План первого этажа
Plans level 00

План второго этажа
Plans level 01

План третьего этажа
Plans level 02

План четвертого этажа
Plans level 03

Состояние: реализация

State: Realization

Дата: завершение строительства
14 января 2005 г.

Date:
Completion Jan.14th, 2005

Расположение: г. Гамбург,
Богеналлее, 10-12,

Location: Bogenallee 10-12,
Hamburg

Использование:
15 квартир, 80-110 м²

Usage:
15 apartments, 80-110m²

Период строительства:
8 месяцев

Construction period:
8 months

Общая площадь помещений:
2973 м²

Gross floor area:
2.973 m²

Общий объем: 8625 м³

Gross cubic volume: 8.625 m³

Полезная площадь помещений:
1620 м²

Net floor area:
1.620 m²

Управление проектом:
Карстен Венус

Project Management:
Carsten Venus

Проектирование:
Клаудиа Гросе-Хартлаге
Ханна Хаердтер
Михаэль Маурер

Planning:
Claudia Grosse-Hartlage
Hanna Haerdter
Michael Maurer

Управление участком:
Дирк Фишер-Аппельт

Site management:
Dirk Fischer-Appelt

Заказчик: КОГИТОН
ООО «Проект Харвестехуде», г.
Гамбург
www.cogiton.de

Client: COGITON
Projekt Harvestehude GmbH,
Hamburg
www.cogiton.de

Фото:
Кристиан Шаулин, г. Гамбург
www.fotografieschaulin.de

Photo:
Christian Schaulin, Hamburg
www.fotografieschaulin.de

Жилое здание в Дуйсбурге, Германия Residential Building in Duisburg, Germany

текст
**Ауер+Вебер+Партнер,
Штуттгарт**

фото:
**Фридгелм Кришер,
Дуйсбург**

text
**Auer+Weber+Partner,
Stuttgart**

photo
**Friedhelm Krischer,
Duisburg**

Городская планировка гавани Дуйсбурга, разработанная сэром Норманом Фостером и партнерами – проект ИБА Эмшер Парк, предлагает большую возможность развития внутригородской территории гавани, связанной напрямую с центром города.

Граница квартала особым образом отвечает своим местам его расположения на юг и восток:

- вдоль улицы Штреземанштрассе с высаженным на ней рядом старых деревьев застройка изначально повторяет границу улицы, но затем, расширяя ее, позволяет солнечному свету максимально освещать южный фасад. Квартиры имеют окна двух фасадов, получая преимущество фасада с лоджиями, находящегося на солнечной улице, а также фасада с балконами, выходящего во внутренний двор с зелеными насаждениями,

- на «Канале», где вода соединяется с внутренней

гаванью, стоящие друг против друга ряды домов формируют уличный пейзаж с небольшими деревьями.

По направлению к востоку, в сторону внутреннего двора, металлическая структура поочередно переходит в зимний сад или балкон.

Многочисленные и разнообразные разделения внутреннего пространства облегчены простой структурой, уменьшенной до нескольких несущих внутренних колонн. Крупномасштабная форма квартала посредством различного толкования фасадов образует в некотором отношении частные дома, при этом жилые секции становятся различимы с улицы.

Поверхности стен покрыты светлой штукатуркой, чередующейся с элементами из дерева или стекла. Выразительные балконы и зимние сады придают ощущение уютной городской атмосферы всему кварталу.

The urban planning of the harbour of Duisburg by Sir Norman Foster and Partners, which is a project of the IBA Emscher Park, offers numerous opportunities to develop an inner city harbour area connected directly to the center of town.

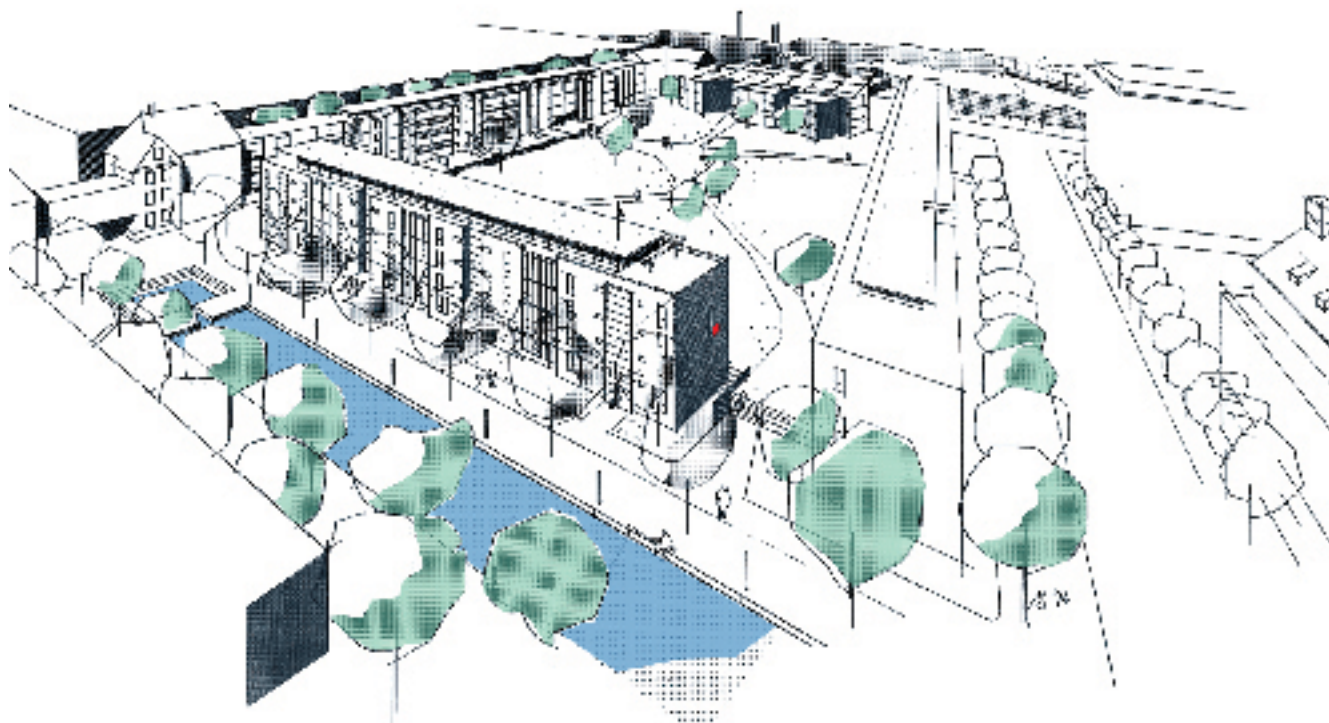
The edge of the block reacts in a special way to the qualities of the location to the South and to the East:

- along the Stresemannstrasse, with its row of old trees, the building initially picks up the street edge but then, by extending it, thus providing an optimum of sunlight to the South Facade. The appartements are oriented towards two facades, taking advantage of the sunny street facade with its loggias as well as of the green courtyard facade with its layer of balconies.

- on the «Gracht», the body of water connected to the Inner Harbour, opposing rows of housing form

a streetscape planted with small trees.

To the East, towards the courtyard, a layer formed by a steel structure is developed alternately as a wintergarden or a balcony. Numerous and variable divisions of interior space are facilitated by a simple structure reduced to a few loadbearing interior columns. The large-scale form of the block creates through the differentiated treatment of facades, in a way individual houses, in a way, which make the living units readable from the street. Wall surfaces covered in a light stucco, alternating with wooden and glass elements, generous balconies and wintergardens lend an urban and comfortable air to the whole quarter.

Проектные данные:

Адрес:
Хансаграхт/Штресеманштрассе
47053 Дуисбург

Заказчик:
ГЕБАГ, Дуисбург

Архитекторы:
Ауер + Вебер + Партнер, Штутгарт
Партнер Гётц Гуггенбергер

Наружные постройки:
Бюро Коппин, Утрехт

Инженеры-проектировщики:
Инженерное бюро проектирования
несущих строительных
конструкций, Дуисбург

Завершение работы: 1998 г.

Общая площадь: 13982 м²

Общий объем: 39744 м³

Project data:

Address:
Hansagracht/Stresemannstrasse
47053 Duisburg

Client:
GEBAG, Duisburg

Architects:
Auer + Weber + Partner, Stuttgart
Partner Gotz Guggenberger

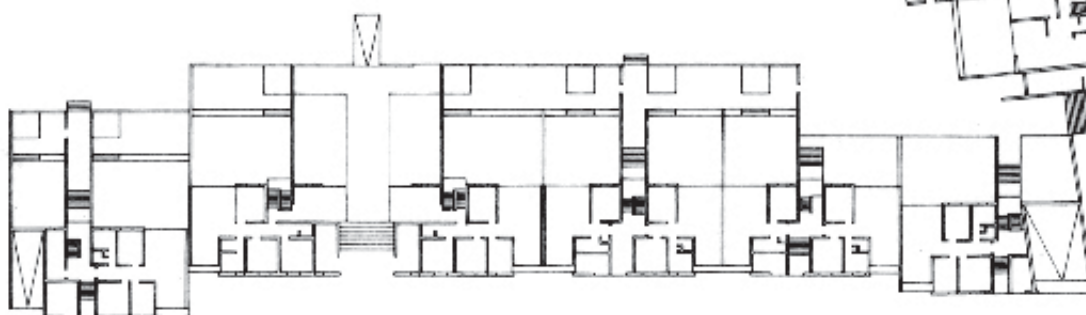
Outdoor facilities:
Buro Copijn, Utrecht

Engineering-structural:
Ing. Buro fur Tragwerksplanung,
Duisburg

Completion of work 1998

Gros square area: 13.982 м²

Gros cubic volume: 39.744 м³

Floorplan level 1

Коллектив Дома престарелых и Центр для пожилых людей, Германия

Collective of retirement home and centre for the elderly, Germany

Архитекторы Шеттлер и Виттенберг
Германия, Ваймар,
D-99423, Шиллерштрассе, 14

www.schettler-wittenberg.de

Фото: Клаус Бах
Германия, Ваймар,
D-99423, Шванзеештрассе, 58

Перевод с немецкого на
английский:
Моника Балке, 03.08.2006 г.

Schettler&Wittenberg Architekten
Schillerstrasse 14
D-99423 Weimar / Germany

www.schettler-wittenberg.de

Photo: Herr Klaus Bach
Schwanseestrasse 58
D-99423 Weimar / Germany

Translation by: Monika Balke
03.08.2006

В 1998 г. квартирный кооператив «Общественное жилищное товарищество Веймара» решил создать жилой микрорайон на 170 квартир для пожилых людей и семей, соединенный с инфраструктурными зданиями, плавательным бассейном и сауной на участке промышленной целинной земли в Северном Веймаре.

На первой стадии проектирования архитекторы и заказчик столкнулись с вопросом: в каких условиях захотят жить пожилые люди?

Все согласились со следующим подходом к содержанию:

- для пожилых людей жизнь означает самостоятельность вплоть до самой старости;

- общение и социальные контакты так же важны, как и потребность в тишине и уединении;

- необходимыми аспектами жизни являются домашний уют и неограниченная независимость, которые позволяют быть самостоятельным вплоть до самой старости;

- свободные территории, а не здания, являются местом для общения разных поколений.

Архитекторы сосредоточились на разработке плотной структуры городского жилья.

После 1900 г. Северный Веймар развивался, являясь частью расширения города Веймара. Сейчас эта часть города имеет архитектурные «острова», растущие один за другим:

- сооружения-виллы от «Грюндерцайта» (период между 1871 и 1873 гг., когда в Германии открывается много промышленных компаний),

- квартальные дворы со зданиями 1950-х,

- ряды домов с длинной стеной, параллельной контурным линиям холмов,

- и ряды домов, повернутых на 90 градусов,

- одиночные высотные здания.

Все эти острова соединены системой узких дорожек и зеленых участков.

In 1998 the «Gemeinnuetzige Wohnungsgenossenschaft Weimar», a flat cooperative, intended to create a residential estate with about 170 flats for elderly people and families combined with infrastructural facilities and a swimming pool and sauna space on the ground of an industrial fallow land in Weimar-North.

At the beginning of the planning both, architects and the client, were confronted with the problem of how elderly people would like to live.

They all agreed on the following approach in content:

- for elderly people living means self-determined living up to old age;

- communication and social contacts are as equally important as the demand for silence, privacy and seclusion;

- homeliness and a need for independence without barriers are the required aspects of living.

They allow self – determined living up to old age;

- not the buildings, but the free areas are the places for communication of the different generations.

The architects put their focus on a denser structure of urban living.

After 1900 Weimar-North has developed as a part of the expansion of the town Weimar. It is now part of the town Weimar with architectural «islands», grown one after the other: villa structures from the «Gruenderzeit»(the period between 1871 and 1873 when many industrial firms were founded in Germany), quarter yards with buildings from the 50s, rows of houses with the long side erected parallel to the contour lines of the hills and rows of houses turned by 90 degrees, single high-rise buildings. All these islands are connected by a slender way system and green areas.

Структура вновь построенного жилого микрорайона также представляет собой подобный «остров». Он объединяет окружающие здания сетью дорог и большими и малыми площадями. Строительство этого жилого микрорайона вносит важный вклад в полномасштабное восстановление и структуру городской территории в Северном Веймаре.

Трехэтажное здание – один из шести домов, которые имеют ориентацию север-юг, – окружает зеленый участок, расстилающийся с севера. Этот зеленый участок приобретает все более и более искусственную форму и заканчивается у площади, целиком созданной искусственно над подземной автостоянкой.

Это место является не только концом зеленой оси, но также распределительной и поворотной точкой в существующем торговом центре района Северный Веймар. В направлении восток-запад через всю территорию идет нечеткая

сеть дорожек для пешеходов и велосипедистов, которая объединила уже существующие дорожные структуры района.

Середина жилого микрорайона остается свободной от транспорта. Развитие территории пролегло через уже существующую улицу Айден-Штрассе и примыкающую к ней новую улицу Шульце-Делицш-Штрассе. На западе была продлена существующая улица Альштедтер Штрассе. Движение транспорта по этой территории запрещено. На обеих улицах имеются напрямую соединенные стоянки, а под площадью находится центральная подземная стоянка.

Запланированная плотность застройки требовала строгой иерархии в структуре внешних территорий. Соответствующее разделение пространства на общественные и частные свободные зоны потребовало структурных границ.

The structure of the newly built residential estate is such an «island» as well. It connects the surrounded buildings with a network of ways and smaller and bigger squares.

The building of this housing estate is an important contribution to the full scale re – establishment and structure of the urban area in Weimar-North.

The three storeys high building – parts of the six houses, faced towards North-South, surround a green area spreading from the North. This green area becomes a more and more artificial shape and ends at the completely artificially designed square built over the underground car park.

This place is not only the end of the green axle but also distributor and turning point into the existing shopping centre of the district Weimar-North.

In East-West direction there is a vague net of ways for pedes-

trians and cyclists through the whole area that has connected the already existing way structures in the district.

The middle of the housing estate remains traffic – free. The development of the area has been exclusively made via the already existing Eiden-Strasse and the adjoining newly built Schultze -Delitzsch-Strasse. In the West the already existing Allstedter Strasse has been prolonged. Traffic through this area is not allowed. At both developed streets there are directly connected parking lots and the central underground car park under the square. The planned density of the development needed strict hierarchies in the structure of the outside areas. The consequent separation in space between public, common and private free areas required structural boundaries.

Корни города

КОВАЛЕВ Павел, доцент кафедры графического дизайна Уральской государственной архитектурно-художественной академии, член Союза дизайнеров России, г. Екатеринбург

Приезжая время от времени в Иркутск, на свою малую родину, оценивая изменения в облике города, я наблюдал и агонию плано-социалистического застройки, и монструозное новорусское творчество, но общий дух «большой деревни» оставался неизменным, несмотря на растущие толпы туристов и иномарок. В центре родного города всегда оставались уголки, хранявшие первородный запах и бардачок пролетарской и даже еще купеческой жизни старого Иркутска, навевавшие ностальгию и желание залить тоску по беззаботному детству баночкой «Холстена» из ближайшего киоска. Такие местечки в изобилии попадаются и сейчас, хотя в окружении технологичного и бюджетного новостроя выглядят обреченными или, скорее, приговоренными. К сожалению, развитие центров российских городов предполагает, как правило, суровую зачистку территории от мало-

этажной и ветхой застройки. В стремлении утвердить повсеместно евростандартную бизнес-среду, принятую в качестве эталона цивилизованности, россияне меры не знают. Говорю так, поскольку на моих глазах произошло второе перерождение центра Екатеринбурга (первое совершили большевики, сравнив с землей памятники соборной архитектуры).

Центр стал просторнее, улицы шире и удобнее для образования обильных автомобильных пробок, офисные коробки и элитные жилые дворцы отражают серое небо в запыленных стеклах. Деревянные избушки и их обитатели исчезли, каменные особнячки покрашены в кондитерские цвета и для верности спрятаны за рекламными щитами. Ни в коем случае не хочу обвинять кого-то в неких ошибках – процесс украшения вверенной территории

заморскими «шедеврами» для России естественен и непреодолим, но замедленный по сравнению с западными областями темп иркутской жизни все же оставляет надежду на более продуманное отношение к исторической застройке.

Деревянный дом «живет» вместе с хозяевами – впитывает запахи, хранит следы семейных драм, бытовых коллизий, выражает и поддерживает атмосферу взаимоотношений жильцов. Пожилой, опытный дом имеет свое неповторимое лицо, отчетливо воспринимаемое с фасада, содержит также «внутри», воспринимаемое гостем как здоровое или же «не очень», ну и, конечно, стыдливо прячет интимные кладовочки и нечистые задворки. В отличие от стерильного, невосприимчивого железобетона, деревянные строения остро реагируют на перестройки и переделки – привыкая к изме-

нениям, скрипят, проседают, открывают щели и трещины, никогда до конца не сдаются – отторгают ненавистные обои, штукатурку, лохмотьями сбрасывают краску. Вместе с тем древесная привязанность к земле и влаге заставляет дом жадно впитывать грязь, пыль и сырость в отчаянной надежде снова «прорасти» и «укорениться».

Возраст дерева сразу виден по степени почернения, истресканности, прогнившим и замшелым участкам. Сколы, дырочки, занозы гвоздей, пятна химической и термической природы даже после недавней покраски выдают истинный срок жизни строения, так же – как слоем грима не удается скрыть старческие морщины. Этот субъект явно не партнер для бурной вечеринки и не эскорт-леди для бизнес-переговоров. Зато этот некто знает и помнит о реально происходившем вокруг и внутри в

течение десятилетий и даже столетий. Это повседневная история и образ жизни поколений, то, что дает городу возможность помнить себя и рассказывать туристам экзотические байки о своем прошлом, не прикрываясь декоративно-штукатурными корочками нашего лицемерного времени.

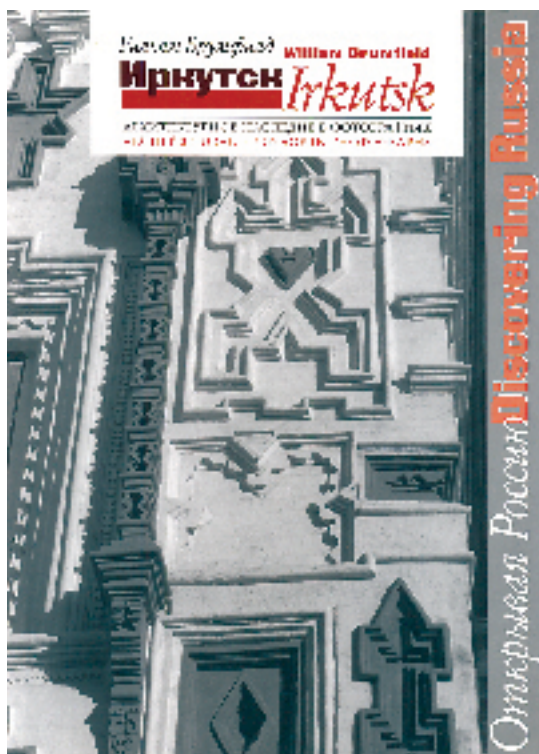
Считаю, что в уважающем себя городе должны быть исторические Руины или Развалины. С большой буквы «Р». На худой конец – Раскопки (не связанные с прокладкой кабеля или канализации). В той же самой Европе вы можете прикоснуться рукой к древней каменной стене и быть уверены, что это именно ТА САМАЯ стена «надцатого» века, а не новодел-симулякр. Втихую подправляя и «облагороживая» историю, в России принято сперва заровнять ее непарадные свидетельства Бульдозером, и деревянные строения в этом отношении особенно уязвимы. Как могут они устоять перед лицом умышленного поджога или хотя

бы перед пожарной инспекцией? Не получив живописных каменных руин (хотя старые бани на набережной – очень даже ничего), иркутские не могли бы войти в историю бережным отношением к старой деревянной застройке, продолжая ее естественное, постепенное и неторопливое обновление, уважая ее мудрую, красивую и достойную старость. Думаю, что некоторые районы вместе с их обитателями представляют для туристов большой интерес, чем потемкинские усадьбы, отстроенные современным немецким инструментом, пропитанные антисептиками и оснащенные Интернетом.

Павел Ковалев
фото автора

Иркутск. Архитектурное наследие в фотографиях

Автор этой книги – Уильям Крафт Брумфилд, стипендиат Национального гуманитарного центра в 1992-1993 годах и Фонда Гугенхайма в 2000-2001, профессор славистики в Tulane University (Новый Орлеан), где читает лекции также в Школе архитектуры. В 1973 получил звание доктора в Калифорнийском Университете, Беркли. В 1974-1980 – ассистент-профессор в Гарвардском Университете. Преподавал в университетах Висконсина (1973-1974) и Вирджинии (1985-1986). Лауреат премии Факультета свободных искусств (Tulane) 1997 г. Автор многочисленных книг о русской архитектуре с авторскими фотографиями. Кроме того, он выступил составителем «Архитектурного обозрения Санкт-Петербурга, 1840-1916» (Kennan Institute, Woodrow Wilson Center, 1994). Имеет множество других публикаций, посвященных архитектуре, фотографии и литературе России; часто читает лекции в музеях и университетах Северной Америки и Европы. В 2002 г. избран членом Российской Академии архитектуры.

Книга, представляющая собой второй выпуск в серии «Открывая Россию/Discovering Russia», посвящена, по словам автора предисловия Блера Рубла, великому сибирскому городу Иркутску – как важнейшему центру культурной жизни. В своих поездках в Иркутск профессор Брумфилд тесно работал со специалистами из Центра по охране памятников архитектуры и благодарен им за помощь, оказанную во время его работы в Иркутской области. Издание осуществлено благодаря финансовой поддержке Института Кеннана в России. Все фотографии – из коллекции Уильяма Брумфилда в Национальной галерее искусств, Вашингтон.

Как фотограф и ведущий западный специалист по российскому зодчеству Уильям Брумфилд имеет к сибирской архитектуре давний интерес. В течение нескольких десятилетий он самостоятельно создавал обширный фотографический архив российского архитектурного ландшафта и выпустил на этой основе немало научных и художественных изданий, включая фундаментальную «Историю русской архитектуры». Сибирь теперь занимает важное место в этой работе. Брумфилд понимает, какая часть русской жизни течет вдали от столиц и как велика роль российских регионов для страны в течение всей ее истории.

В восприятии российских просторов Сибирь занимает особое место. Она сурова и величественна, одна из величайших экосфер нашей планеты. Сибирь вызывает в памяти противоречивые примеры человеческого опыта как регион, в котором всегда ценили свободу и человеческое достоинство, и одновременно как место каторги, описанной в произведениях Достоевского и в книге Джорджа Кеннана «Сибирь и ссылка». Однако несомненен тот факт, что сибиряки и сибирский опыт сделали огромный вклад в русскую культуру.

С помощью этой книги читатель может новыми глазами взглянуть на самобытность этой части России

и получить новые впечатления о российской культуре.

Книга составлена не просто как анализ архитектуры города, а как увлекательный рассказ о его жизни с момента зарождения (с интересными историческими фактами и параллелями) и собственно архитектуре как лице города, на котором видны все отпечатки прошлого и настоящего. Особый интерес для автора представляет церковная архитектура от начала XVIII до начала XX века, хотя, как я уже сказала, обзор ведется с конца XVII века. Именно в это время Иркутск становится одним из наиболее важнейших центров церковной архитектуры – «здесь очевидно чрезмерное использование различных декоративных стилей и разнообразных форм, сочетающих русские и украинские влияния с мотивами, которые, как иногда кажется, заимствованы из азиатских и буддистских источников». Таким образом, церковная архитектура Иркутска приобретает свой отличный стиль, получивший известность как «сибирское барокко». Так же ведется анализ архитектуры и близлежащих к городу поселений. Образцом классической архитектуры Иркутска является особняк купца Сибирякова, известный нам под именем «Белый дом». Образцы деревянного зодчества представлены домами Трубецкого и Волконского. Для более поздних образцов характерен цветистый «купеческий» стиль с обилием резных украшений, с аналогичными примерами в других сибирских городах – в частности, Томске и Чите. Ярким представителем псевдоготического стиля является Римско-католический храм Успения Богородицы, известный нам как «Польский костел». В этот период в городе были построены мечеть и синагога. Среди выдающихся зданий эклектической архитектуры следует упомянуть Восточно-Сибирский филиал Российского географического общества. Самой впечатляющей постройкой XIX века стал городской театр, представляющий собой сочетание барочного Beaux Arts с классическими элемен-

тами. Влияние стиля модерн заявило о себе в таких зданиях, как Русско-Азиатский банк и здание компании «Треугольник» на ул. Карла Маркса. Из современных построек отмечено здание нового католического храма, которое несет несомненный отпечаток нетрадиционного деконструктивистского стиля.

Центральная часть Иркутска сохраняет по сей день приятную атмосферу, унаследованную со времен бурного строительного и торгового роста начала XX века. Будучи одним из ведущих культурных, образовательных и промышленных центров Восточной Сибири, Иркутск имеет все основания для защиты своего богатого архитектурного наследия. Хотя проблемы, возникающие при попытках сохранить ценнейшие образцы архитектуры, указывают на то, что многие из построек возможно донести до будущих поколений лишь в виде фотографий, в том числе Рабочий клуб Машиностроительного завода архитектора Андрея Оля, сохранившийся физически, но искаженный до неузнаваемости.

Книга прекрасно иллюстрирована. Я получила огромное удовольствие от общения с альбомом и, несмотря на то что все эти дома я видела сотни раз, я рассматривала каждое фото в течение нескольких минут. И тем более приятно, что автор этой книги, человек, не живущий в России и даже не родившийся здесь, с такой любовью и профессионализмом пишет о России, а в частности, о мною бесконечно любимом городе Иркутске.

Несмотря на наличие спорных умозаключений и даже определенных неточностей, крайне приятно, что именно Иркутску посвящена вторая книга серии «Открывая Россию/Discovering Russia» (первая «Тотьма»). Будем с нетерпением ждать следующих альбомов – «Тобольск», «Тюмень», «Каргополь», «Коломна».

Юлия Шевченко

ЖЕЛЕЗНЫЙ СИМВОЛИЗМ

орнаментальный декор в архитектуре Иркутска

«Архитектура – это кров с символами на нем. Архитектура – это кров с декорацией на нем» (Р. Вентури.

«Определение архитектуры как укрытия с декорацией на нем и другие оправдания банального символизма в архитектуре»)

«К искусству относится лишь самая малая часть архитектуры: надгробие и монумент. Все остальное, как служащее цели, должно быть исключено из мира искусства» (А. Лоос. «Орнамент и преступление»)¹

Вынесенные в эпиграф высказывания – далеко не единственные примеры полярных мнений о том, какую роль играет орнамент в архитектуре. Расцвет модерна в Москве начала XX века вызвал острое раздражение у В. Стасова, который обозвал лепные декоры нового стиля «болячками, нарывами и лишаями». Героическая эпоха модернизма – конструктивисты и Баухаус, Ле Корбюзье и Мис ван дер Роэ – с презрением и негодованием отказались от декоративного оформления фасадов и интерьеров. Хай-тек и деконструктивизм призывают нас любоваться чистой красотой металла, стекла и бетона, не загрязненных узорами и орнаментами. Вот уже столетие

прошло, как архитектура в своем «мэйнстриме» взялась сражаться с орнаментом не на жизнь, а на смерть.

Впрочем, следует признать: орнамент оказался вполне достойным противником. Категорически уничтожаемый архитекторами модернизма и постмодернизма, он как-то незаметно просачивается и проступает сквозь структуру фасада, возрождаясь в ритме окон, балконов, выступов и проемов конструкции, в артикулированных эпюрах напряжений функционализма.

Роберто Вентури пишет об этом явлении так: «Пытаясь исключить символизм и декорацию, и подчеркивая структурную и пространственную выразительность, они (архитекторы XX века – КЛ) покончили с архитектурой абстрактного экспрессионизма: чистая, но ограниченная, она скоро стала недостаточной. Таким образом они заменили декорацию артикуляцией. Артикуляцией, через преувеличение структурных и функциональных элементов. Структура проступает ритмически, функции проявляются ощутимо, грани фонарей пульсируют на крышах.

<...> В частных случаях оргия сложных и противоречивых артикуляций создает драматическую выразительность, которая становится экспрессионизмом в архитектуре. Как бы в отместку, исключение орнамента-аппликации превращает целое здание в орнамент. Результат получается гораздо более безответственным, чем при наложении орнамента на неартикулированные формы»².

У «гидры орнамента» есть еще одно замечательное свойство. То тут, то там декоративные детали как-то нечувствительно пересекают границы стран и культур и вдруг обнаруживаются за тысячи километров и лет, в совершенно чуждом контексте. Японско-китайские мотивы проступают в капризных изгибах модерна и шинуазри. Чешуйчатый декор индуистского храма опознается в облике барселонского кафедрала Саграда Фамилия. Фантастические зверюшки нероновского Золотого дома воспроизводятся в рельефах московской церкви Троицы «что на Грязех».

В декоре сибирских церквей особенно впечатляют внезапные реминисценции тибетского буддизма. Храмы Тюмени и Тобольска начала XVIII века демонстрируют над главными окнами высокие стрельчатые сандрики, которые буквально воспроизводят канонический мотив пламенеющей ауры буддийской танка и зубчатый профиль ступы. Да что говорить, если на северных и южных фасадах иркутской церкви Воздвижения Креста гордо расположились символические изображения колеса Дхармы – с восемью стреловидными спицами и кольцевой ступицей в центре – в точности как в Лхассе³.

Всепроникающий характер орнамента остается таинственным и непонятым явлением до тех пор, пока мы рассматриваем декор как знак – с позиций классической семантики.

Эстетика архитектурного декора веками и тысячелетиями культивировала знаковую сторону орнамента.

Фасад готического собора превращался в «Библию для неграмотных» европейцев, а храмы Каджурахо – в «Кама-Сутру» для таких же неграмотных индусов. Это происходило за счет сплошного ковра скульптурных и рельефных иллюстраций на тему священных текстов. Каждая деталь декора в стилистике классицизма, а тем более – барокко, ампира, модерна существует как означающее, как намек на нечто, известное культурному зрителю и недоступное профану.

Эстетика постмодернизма нанесла сокрушительный удар по знаку как элементу архитектурного декора. Ничем не ограниченное перемешивание стилей, стран и эпох в большинстве случаев сделало невозможным обращение к какой-либо знаковой системе, ведь каждая из них жестко привязана к своему хронотопу и существует только в нем. Как, например, использовать изображение императорской короны, если двести лет назад этот знак нес смысл принадлежности к августейшей фамилии, сто лет назад мог означать поставщика высочайшего двора (соответственно, гарантию качества), пятьдесят лет назад он был бы воспринят как антисоветский намек, а сегодня, скорее всего, прочитается как признак непомерных амбиций (возможно, иронических)?

Иное дело – не знаки, а символы. Великий культуролог и психолог Карл-Густав Юнг проводит резкую границу между этими двумя понятиями. В его трактовке знаки обладают лишь конвенциональным смыслом. Для непосвященного зрителя, которому смысл знака не сообщен, данный знак содержательно пуст и никакой информации не несет. Напротив, смыслы символов лежат в области коллективного бессознательного. Информация символа архетипична и может быть воспринята, даже если данный символ зрителю незнаком. Можно сказать, что значения символов относятся к врожденному знанию, и полнота их восприятия зависит толь-

1. Адольф Лоос – венский архитектор. Оглох в двенадцать лет. Предсказал последующей архитектуре явление конторского небоскреба «Чикаго трибюн» в виде дорической колонны. В тридцать восемь лет опубликовал статью с криминальным названием «Орнамент и преступление». В сорок один год построил «настоящий» дом в Вене, напротив Императорского дворца. Критики-газетчики довели его до безумия. Лоос рассчитывал доставить радость современникам, но его даже не поблагодарили. Умер в год прихода к власти Гитлера.
2. <http://cih.ru/k3/ventury.html>
3. Подробнее о буддийских мотивах в сибирской храмовой архитектуре см. William C. Brumfield, «Photographic Documentation of Architectural Monuments in Siberia: Tiumen Province», Visual Resources, 16 (2000)4:311-33. и другие работы Уильяма Крафта Брамфилда

Терракотный барельеф с южного фасада церкви Воздвижения Креста, г. Иркутск

Колесо Дхармы. Лхасса, Тибет

Терраотовое украшение с южного портала церкви Воздвижения Креста, г. Иркутск

Фрагмент буддийской иконы (танка)

Пример использования мотива пламени в традиционной буддийской иконописи

Спасская церковь в Тобольске. Над окнами хорошо видны высокие стрельчатые «пламенеющие» сандрики

ко от индивидуального уровня чувствительности зрителя к собственным ощущениям.

Твердая статика квадрата, активная динамика треугольника и послушная подвижность круга, пульсирующая природа спирали и волнообразный бег меандра – эти свойства базовых графических символов очевидны и не нуждаются в разъяснениях. Каждый элемент орнамента содержит набор качеств (состояний), и этим совпадает с другими архетипическими образами – с образами стихийных сил, свойств явлений природы, с характерами природных божеств. Начиная с эпохи неолита, формируется набор первичных геометрических фигур, связанных с природными стихиями одинаковыми свойствами. Квадрат означает стихию Земли потому, что его архетипические свойства совпадают с тяжестью и неподвижностью этой стихии. Точно так же круг связан с Водой, а треугольник – с Огнем, спираль – с дыханием, а свастика и другие символические колеса – с Солнцем.

По принципам симпатической магии, сходство есть признак глубокой связи и возможности влияния. Так геометрические фигуры превращаются в заклинания стихийных сил. Если квадрат

похож на Землю, то, украшая одежду ромбическим орнаментом, можно перенять у земли ее плодородие. Волюты ионического ордера и мотивы аканта античной вазописи придают мрамору и керамике живое дыхание. Изображая свастику на знамени, можно перенять у Солнца его грозную мощь.

Поклонение стихийным силам природы в русской культуре всегда уживалось рядом с христианским монотеизмом. Языческие корни русского «двоеверия» проявились, в частности, в традициях орнаментально-го заклинания природных духов, призывания на дом их милости и стремления отвлечь их гнев. Отсюда обычай ограждения орнаментом самых «уязвимых» мест здания – окон, дверей, карнизов. Орнаментальная резьба ставней, наличников и полотенец вокруг окна, на косяках дверей и под крышей – не украшения, а заклинания-обереги. Мотивы «засеянного поля» (узор из центрированных квадратов и ромбов), стилизованные растительные элементы – заклинания плодovitости, богатства, изобилия. Солярные символы (центрированный круг, различные свастики) – заклинание Солнца, чтобы светило и грело, но не сжигало. Меандры и

похожие на меандр мотивы – заклинания текучих вод, речных волн и дождя.

Православное христианство никогда и не пыталось бороться с графической магией орнаментов. Напротив, церковь сама активно использует древние символы. Вот, например, канонический рисунок православного креста (в Иркутске можно увидеть на храме Воздвижения Креста). В основе его лежит восьмиконечный крест (крест св. Лазаря) – символ звезды (индивидуальность, личность, человек). Число лучей – число Зевса-Юпитера, число власти, царское число. В целом восьмиконечный крест означает пришествие Иисуса Христа, Царя небесного. Из центра креста (верхнее перекрестие) исходит четыре раза по три луча (три – число духовности) – знак сияния Духа святого. В основании креста изображен лежащий полумесяц – символ женского начала, лунная ладья, означающая Богородицу. Концы лучей креста завер-

шаются орнаментальными деталями «плодоносящее дерево» – символ животворности процветшего креста Господня. Все элементы православного символа веры очень древние, по отдельности их можно найти в орнаментах Месопотамии, Египта, на археологических памятниках Китая и Индии. Архетипичность, символичность храмового декора позволяют зданию «говорить» с человеком на том языке, который понятен без перевода – на языке общечеловеческого врожденного знания.

По мере того, как Иркутск богател и в нем развивалось каменное строительство, менялись и приемы орнаментального украшения фасадов. Резьба по камню и кирпичу, трудоемкие и дорогие способы нанесения графических заклинаний, в основном использовались в экстерьере храмов. Дома же купечества и мещанства украшались коваными и литыми орнаментами.

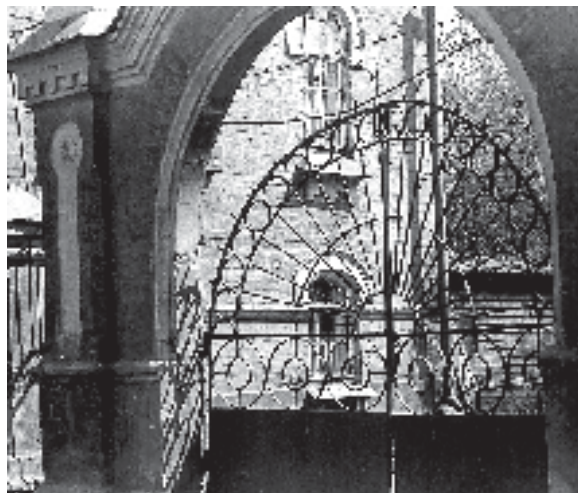
Современного человека поражает осознанность и

Росписи стен Золотого дома (Рим). Засыпанные землей руины дворца, построенного Нероном, были обнаружены в XV веке. Причудливые рисунки фресок получили название «гротески» – от «гротто» (пещера, подземелье) и стали объектом подражания на многие последующие века

Архитектор С.И. Вашков (при участии архитектора Л.Л. Кравецкого, инженера П.К. Микини; рельефы выполнены артелью «Мурава»). Доходный дом церкви Троицы «что на Грязех». 1908-1909. Чистопрудный бульвар, 14, Москва

точность использования орнаментальной символики в металлических украшениях иркутских фасадов. Вот, скажем, декор здания Областного краеведческого музея (К. Маркса, 1). Здание в целом представляет собой яркий образец «билибинской» эклектики – смешение элементов романского и византийского стиля, направленного баварской романтикой в духе короля Людвига II. Однако кованый орнамент – стилистически чистый византизм. Восьмиконечная звезда в круге составляет имперский символ единоличной власти, распространяющейся на всю Вселенную (одно из значений круга). Навершая гребня на крыше образуют символические лилии – процветание императорской власти в Византии (позже – королевский знак «Fleur de lys» во Франции). Дугообразная цепь из кругов символизирует павлиний хвост, а павлин – символ звездного неба и солнца, роскоши и богатства, божественного досто-

инства и власти. На блазоне (геральдическом языке) павлин с распущенным хвостом называется «павлин в своей гордости». Что же, иркутскому купечеству было чем гордиться. Торговый Иркутск, евразийский перекресток, во многом был похож на богатые византийские города времен василевсов.

Изобильно присутствует в кованых орнаментах Иркутска тема растительной символики, что и неудивительно. Лес всегда оставался главным богатством Сибири. Плантоморфная символика весьма разнообразна – от древнейших архетипических мотивов спиральных волот до натуралистических венчков и гирлянд в духе поздней римской античности. Модерн оставил прекрасные примеры упругой, изящной графики кованых украшений – столь чистые примеры стиля можно найти, пожалуй, только в парижском метро. Однако у спиралевидных растительных символов имеется еще один смысловой слой. В античности мотив

аканта (растение, известное в России под именем «медвежья лапа») с его спиральными усиками означал творчество, художественное самовыражение, искусство. Смысловая цепочка символа вполне очевидна: молодые, весенние растения – свободное легкое дыхание – самовыражение – творчество. Насыщенность орнамента спиральными мотивами (например, рисунок литой решетки вокруг памятника Александру III) можно прочесть и так: богатство Сибири заключается не только в лесных массивах, но и в ярких, творческих людях. Традиции сибирской интеллигенции, декабристов, путешественников дают достаточные основания для такой трактовки.

Даже в тех случаях, когда орнамент эклектичен, его элементы соединяются со смыслом, а не «просто так». Вот, скажем, решетка католического храма на площади Кирова. Псевдоготическая стилистика здания определяет основные мотивы узора решетки

– параболические стрельчатые «арки» в верхней части и повторенный два раза ряд силуэтов четырехлепестковой розы. Параболическая арка, контаминация дуги и треугольника, символизирует вселенское стремление вверх, в небо, к Богу. Расположение Бога вверху связано с его мужским характером. Острый треугольник, направленный вверх (с горизонтальным основанием), символизирует связан с мужским началом «ян» – светлым, дневным, деятельным. Воинственная маскулинность готической культуры закономерно опирается на развитую символику треугольника.

В отличие от пятилепестковой розы – символа микрокосма, человека, – четверичная роза связана с «телесным» числом четыре. Католический четырехлучевой крест означает телесное воплощение Сына и его телесную гибель, основные мистерии Нового Завета. Роза с четырьмя лепестками прочно связана с символикой ордена розенкрейцеров,

Византийские мотивы «павлиньего хвоста» и императорских лилий в кованых орнаментах. Павлин, символ звездного неба и солнца, также означает царственное достоинство и гордость (и даже гордыню). Иркутские купцы осознавали себя наследниками имперского и торгового Константинополя

4. Фраза приписывается Петру Первому

Изысканная графичность стиля модерн с его «японизированной» грациозной линией также нашла свое место в ряду растительных орнаментов Иркутска

Евро-азиатская сибирская эклектика (решетка католического собора на пл. Кирова). Стрельчатые параболические навершия и четырехлучевые розы розенкрейцеров (знак сердца Иисуса в католической традиции) – чисто европейские элементы. В основании орнамента повторяется мотив восьмеричного колеса дхармы. Все-таки, в основе сибирской культуры есть нечто азиатское...

Ограда сквера между Драматическим театром и памятником А. Вампилову. Завитушки и цветочки заплетены безо всякого смысла. В результате по центру орнамента внезапно возникает откровенный и совершенно неуместный вагинальный символ. Ну что тут скажешь? Гламурненько...

Ворота автостоянки перед клубом «Эстрада». Завитки кованых спиралей расположены под неожиданными, лишенными закономерности углами, диаметры этих завитков соотносятся в диких пропорциях, и посреди S-образных деталей (интегралы?) вдруг возникают многолепестковые розетки. Все это местами покрыто облезлыми пятнами позолоты. Дисгармония рисунка явно перекликается с истошным оранжевым цветом ТЦ «Вояж» и «Иркутского» или с дивным обликом гостиницы «Европа». Стиль купеческого самодурства

где она означает сердце Иисуса.

Четкий ряд символов европейского происхождения, однако, внезапно соседствует с элементами иного типа. В основании решетки мы видим ленту изображений восьмилучевого колеса Дхармы – индуистского, а позже – тибето-буддийского бога закона и справедливости. Дхармараджа, «царь закона», Грозный Судия олицетворяет принцип неизбежности воздаяния каждому «по делам его». Так в рисунке решетки оказывается символически выражена мысль о соединении европейских и азиатских мотивов на иркутской земле. Мало того, в орнаменте решетки можно прочесть и еще одну, весьма взрывоопасную идею: о том, что посланные в Сибирь поляки понесли наказание по заслугам, по справедливости. В современном контексте эта мысль выглядит напрочь лишённой политкорректности, но во времена постройки собора такое имперское верноподданничество вполне могло быть искренним.

Вряд ли художники, придумывавшие узоры иркутских орнаментов, отдавали себе сознательный отчет о смыслах своих творений. Скорее всего, чувствительная душа заменяла им ученость и эрудицию. Чтобы понимать и точно использовать язык символов, не обязательна книжная премудрость – достаточно внимательного, уважительного отношения к своему городу, к его жителям, к его истории и характеру.

Переходя к современности, мы вынуждены признать, что древнее искусство орнамента в Иркутске переживает глубокий упадок. Металлические элементы декора фасадов, ворота и решетки продолжают появляться в городе, но смысл их не поддается прочтению. Случайно соединенные фрагменты выглядят как «просто завитушки» – они не складываются в связный рассказ. Как глупая кокетка, обещавшись рюшечками, новый иркутский орнамент лопочет что-то бессвязное и бессмысленное. Какой, скажем,

смысл украшать уличные цветочные горшки спиральным растительным орнаментом? Ведь это всё равно, что написать на каждом горшке «Это мы, цветочки».

Исключения редки и весьма показательны. Вот, скажем, решетка одного из коммерческих банков по улице Разина (автор рисунка Л. Антипин). Решетка сварена из толстых стальных прутьев квадратного сечения. В монотонной шеренге угловатых, ломаных линий чудится что-то то ли солдатское, то ли тюремное. Впрочем, твердый рисунок решетки вполне согласуется с brutальной архитектурой здания банка в популярном стиле «тюремок». Мотив меандра, дважды повторенный в орнаменте решетки, вызывает образ тяжелой железной волны. Что же, сегодняшняя наша действительность дает довольно оснований для подобных образов.

Языком символов орнамента город разговаривает с теми, кто хочет его услышать. Архетипические моти-

вы делают городскую среду говорящей, полной смысла и содержания. Упадок, забвение символического языка орнаментов может означать только одно: сегодняшним «хозяевам города» незачем и не о чем с ним беседовать. Как в известной фразе, им хотелось бы, чтобы город перед их лицом «выглядел лихим и придурковатым, дабы рассуждением своим начальство не смущал».⁴

Орнамент вечен, как вечен его древний язык. Ни архитектурные течения, ни власть гуманитарно безграмотных правителей не смогут избыть орнамент. Сменяются времена, и металлические узоры расскажут потомкам о нас, о наших мыслях и переживаниях.

Константин Лидин
фото на развороте из архива
Люциана Антипина

Ограда коммерческого банка, автор рисунка Л. Антипин. Брутальный, жесткий характер линий стилистически соответствует архитектуре здания – «крепости». Мотив меандра в нижней и верхней части узора решетки можно прочесть как образ «железной волны». Так художник увидел накалившуюся на нас эпоху первичного накопления капитала. Навершая решетки в контексте образа ассоциируются с тюремным забором. Спираль колючей проволоки казалась бы вполне уместной. Где деньги – там и криминал.

Спиральные волюты в сочетании с растительной символикой и символами плодородия и богатства «засеянное поле» (центрированные прямоугольники). Со времен античности спиральные узоры аканта символизировали творчество, искусство, свободное развитие личности. Изобилие Сибири – природное, растительное, но и талантливыми людьми прирастает ее богатство

ЗАЧЕМ АСКЕТУ КАБИНЕТ?

философия аскетизма в дизайне кабинета

У великого датского философа Сёрена Кьеркегора (1813-1855) был очень строгий отец, воспитывавший будущего философа сурово и аскетично. В обычаях того времени полагалось чаще наказывать ребенка, чем хвалить, и в целом детство рассматривалось как временная неприятность, что-то вроде легкой быстротекущей болезни – кори или ветрянки.

К тридцати годам Кьеркегор полностью разочаровался в обыденной жизни и ее буржуазных ценностях, заперся в своем рабочем кабинете и с поразительной трудоспособностью писал книгу за книгой. Одним из величайших открытий Кьеркегора стало положение о созидательной, плодотворной природе отчаяния. Безнадежная абсурдность «бытия к смерти» удивительным образом превратилась в фундамент внутренней свободы и духовных исканий. Крайние степени тоски и печали, стыда и отвращения оказались тем замечательным «питательным субстратом», из которого оказались способны вырастать жизнерадостные, преобразующие мир креативные идеи, творческие устремления и полные жизни художественные образы. Аскетическое затворничество в тесном кабинете привело Кьеркегора к вершинам философских прозрений и писательского творчества.

Зачем аскету кабинет? Для чего суровому мыслителю, отрешенному от бытовых забот, собственное пространство? Разве нельзя, подобно индийским риши и свами, предаться экзистенциальной медитации прямо на улице?

По-видимому, кабинет нужен аскету не для того,

чтобы соприкоснуться с отвращением или стыдом. Ведь смертная тоска и отчаяние всегда рядом с нами (что вполне убедительно доказали и Федор Михайлович Достоевский, и полвека спустя, Жан-Поль Сартр). Как уединенная келья средневековому монаху, как гималайская пещера для тибетского ламы, как сиденье лицом к стене для Буддхидхармы – кабинет нужен для того, чтобы целенаправленно и плодотворно работать с мрачной материей печали. Преобразование этого черного перегиба в мысли и образы – трудная и тонкая работа, требующая высокой квалификации.

Для общения с базовыми образами смерти и жизни, с сокровенным смыслом того и другого, необходимо «выпасть» из привычной системы знаково-символьных структур. Любое общество создает свои собственные смыслы для жизни и для смерти и навязывает их каждому отдельному человеку. Тем самым социум защищает личность от отчаяния, потому что отчаявшиеся люди обществу не только не нужны, но даже вредны. Чтобы не испугаться плодоносной тоски, а, повернувшись к ней лицом, обрести душевную силу и творческую энергию, надо уметь оставаться в пустоте одиночества. В школах этому не учат.

Впрочем, в истории западной культуры были специальные школы как раз для такого обучения. Школа киников исходила из того, что истинная личность должна демонстративно игнорировать общественное мнение. Путь нравственного развития и обучения в школах

киников состоял из трех ступеней – аскеза, ападейкия и автаркия. Первая ступень заключалась в отказе от комфорта и благ, которые дает общество, – киники ходили в ветхой одежде, в лохмотьях, даже в дождь и холод, не признавали теплых вещей, очень мало ели, не имели постоянного жилья, могли спать под открытым небом и не мыться. Таким образом преодолевалась, с их точки зрения, зависимость от общества, которое в обмен на комфорт требовало от человека измены самому себе. Вторая ступень заключалась во внушении человеку мысли о необходимости игнорировать знания, накопленные обществом, – неграмотность считалась даже достоинством. На третьей ступени независимости человека приучали не обращать внимания на общественное мнение, на похвалу и порицание. С этой целью придумали специальное упражнение: ученик должен был просить подаяние у мраморной статуи, несмотря на ее каменное, холодное молчание. Точно так же учеников приучали не обращать внимания на насмешки, оскорбления и угрозы, которыми сопровождалось их появление в городах в рваной и грязной одежде. Фактически киники, стремясь к независимости, учили не столько самодостаточности, сколько негативизму по отношению к обществу.

Прошли века и тысячелетия. В конце шестидесятых годов XX века от Рождества Христова в уважаемой Британии зародилось и стремительно разрослось движение панков. Панк – полужаргонное словечко, означающее «мусор»,

«дрянь», «отбросы». На первый взгляд казалось, что панки – это просто уличные хулиганы, жалкий и отвратительный осадок на дне урбанистической цивилизации. Однако вскоре стало ясно, что эта тошнотворная смесь китча и агрессии обладает собственной эстетикой и идеологией, успешно противостоящей приторному консюмеризму официальной культуры.

«...Мы не работаем больше, видя, что нет работы, а то, что нам предлагают, это куча дерьма, монотонная мусорная работа... Кто хочет провести свои лучшие годы, работая на какой-нибудь идиотской работе, копя на квартиру и глядя в этот помоечный телик весь вечер?.. В любом случае, какой смысл экономить, планировать будущее, когда завтра мы все можем погибнуть от взрыва гребаной водородной бомбы?».

Парадоксальный, но бесспорный факт заключается в том, что отталкивающий имидж стиля панк не помешал ему сделаться самым влиятельным и плодотворным течением в новейшем изобразительном искусстве и дизайне. И сегодня, через тридцать пять лет после рождения, эстетика «панк» продолжает оставаться «мэйн-стримом» западного дизайнера.

«Если это и есть британское искусство, то тогда британское искусство – это концептуальное дерьмо», – сказал министр культуры Ким Хоувелс после посещения выставки 2002 года, где были представлены произведения финалистов конкурса премии Тернера, самой престижной премии Велико-

Экспонаты выставки Sensation, устроенной галереей Saatchi в 1997 г.

Рон Мют. «Папа умер»

Произведение Криса Офили, нарисовавшего Деву Марию слюновыми экскрементами.

Скульптурный автопортрет Марка Квинна, выполненный из замороженной крови художника

No-stop-city (Город без остановок). Группа Archizoom, 1970–72 гг. Понятие города здесь растянуто до бесконечности. Город становится миром, где невозможно найти отличия между городом и пейзажем и где нельзя проложить между ними границу

британии в области изобразительного искусства.

«Самой показательной в этом смысле выставкой в Великобритании и во всем мире за последнее время стала экспозиция 1997 года под названием Sensation. В тот год свои работы представило движение «Молодые британские художники», а самым большим откровением стало произведение Криса Офили, нарисовавшего Деву Марию слоновьими экскрементами.

Рядом Мэт Коллишоу предлагал вниманию публики смазанный кровью развороченный череп, заботливо помещенный на ложе из спутанных волос («Пулевое ранение в голову»). Рон Мюк, в свою очередь, изображает своего отца – обнаженного, беззащитного, с желтоватым цветом кожи – лежащим на ковре («Папа умер»). Среди других периодически упоминаемых экспонатов особое внимание заслужили голова быка, вся изъеденная ползающими по ней опарышами, и органы внутренней секреции вместе с кишечником свиньи».

Два года спустя, когда экспозиция Sensation переехала в Бруклинский музей, мэтр Нью-Йорка Рудольф Джулиани запретил посещение музея лицам младше 17 лет без сопровождения взрослых. И, как следствие, во время выставки была зарегистрирована самая большая посещаемость музея за все 175 лет его существования. Британское искусство, считавшееся до того времени отсталым и провинциальным, теперь стало восприниматься как самый настоящий авангард – и Великобритания была приглашена на Arco-2001.

Со своей стороны эстетизацией отбросов занимаются несколько известных фирм –

Home & Planet, Crate & Barrel или Restoration Hardware. Эти фирмы выпускают продукцию для зажиточной части общества и гордятся тем, что все их товары сделаны из переработанного мусора – металлолома, использованных мешков и тряпок. Точно так же и калифорнийские дизайнеры Джордж Хансен и Сьюзан Деюти не так давно представили новую линию аксессуаров (сумки, ремни, заколки, ожерелья), изготовленных только из старых тканей, о чем свидетельствуют соответствующие сертификаты. Новое веяние немедленно подхватили китайцы и выбросили на рынок сумки и ремни из поддельных старых тканей. А в Сан-Паулу братья Умберто и Фернандо Кампана собирают на улицах мусор, затем делают из него дорожную эксклюзивную мебель, фотографии которой появляются в журналах Vogue и Wallpaper.

Винсент Верду всерьез утверждает: «Сегодня какая-нибудь нация, мода, компания, направление в искусстве не будут выглядеть современными, если не отнесутся серьезно к нечистотам. На заре капитализма считалось, что одна страна опережает другую, если она производит большую гору мусора, чем страна-конкурент. Сегодня же значение имеет лишь количество переработанных отбросов».

Художественные стили «карте повера», «ар брю», «трэш» – близкие родственники панка – в основном так и не стали основой для повседневной дизайнерской практики. Однако отчаяние, пессимизм и ирония умирающей «шестидесятнической эры» все же проникли и в прикладные области изобразительного искусства. Молодые итальянские дизайнеры вступили в битву с элегантны-

ми красотами «bell design-по». Группы «Archizoom», «Superstudio», UFO, «Группа 9999», «Strum», школа-лаборатория «Global Tools» объединили провокаторов и насмешников, разрушителей модернизма.

В качестве идеологического авангарда движения выступили члены группы «Archizoom». Именно они начали исследования в области архитектуры и городского планирования, которые легли в основу проекта No-stop city (1970–72). Андреа Бранци – один из идеологов радикального дизайнера, – говорит: «Проект No-stop city был очень важен для меня и моего поколения, для многих художников, которые появились потом». No-Stop City – это ироническая критика идеологии архитектурного модернизма, доведенная до абсурда. Здания этого города представляют собой огромные крытые, похожие на гаражи, помещения. В их бесконечных, освещенных искусственным светом и снабженных системой кондиционирования интерьерах расположены туристические палатки, установленные среди огромных валунов. По существу это не жилища, а место обитания городских бродяг в их непосредственном окружении.

При всей дерзости итальянских семидесятников нельзя сказать, чтобы «антидизайнеры» действительно находились в оппозиции к современному им обществу в отличие от британских панков, так и не вписавшихся в истеблишмент (даже столь популярный панк-рок остался маргинальным явлением). Так Этторе Соттсасс, авторитетнейшая фигура антидизайна, успешно сотрудничал с Olivetti, Poltronova и еще с целым рядом фирм-произ-

водителей мебели и аксессуаров. В конце семидесятых и начале восьмидесятых он спроектировал мебель и светильники в составе групп «Alchimia» и «Memphis». Несмотря на то, что его конструкции напоминают склеенные между собой обувные коробки, кое-где выкрашенные дешевой гуашью, они пользуются устойчивым коммерческим спросом. В манифесте группы «Archizoom» заявлено: «Мы хотим принести в дом все, что раньше оставалось снаружи: нарочитую банальность, сознательную вульгарность, урбанистические элементы и порок». Европейские критики объявили антидизайн тем единственным, что Европа может противопоставить поп-арту и американской культурной экспансии.

Впрочем, аскетический нонконформизм не обязательно выглядит столь уж порочным. В конце восьмидесятых в атмосферу венского бидермайера мощно врывается эстетика Фриденсрайха Хундертвассера. В планировке «Дома Хундертвассера» в Вене неожиданно встречаешь приемы, знакомые по суровым временам сталинских коммуналок. В ткань дома вкраплены общественные зоны: небольшая спортивная площадка (стол для пинг-понга), садик, игровая рекреация для детей. Каждая из этих функциональных зон могла бы присутствовать и в квартирах, но «общественный» вариант, конечно, экономней. Оформляя декор общественных зон, Хундертвассер использует отходы керамической плитки, бой и обрезки – так дешевле. Плиточники работают без эскизов, выкладывают картинки на свой непритязательный вкус. Согласно киническим принципам, ученость про-

Табуретки из вторичного упаковочного картона

«Кресло фетишиста». Автор Аллен Джонс (Allen JONES), Великобритания. Цветной пластик, ручная формовка. Сидение из натуральной кожи и конского волоса. 1969 г.

Классическим образцом «Антидизайна» является кресло-мешок «Sacco» итальянских дизайнеров (Пьеро Гатти, Чезаре Паolini, Франко Теодоро, 1968). Несмотря на «антидизайнерские» декларации, с точки зрения выполнения главной функции – удобно сидеть, кресло-мешок безупречен. Кожаная оболочка не туго наполнена пластмассовыми гранулами. Наполнитель легко принимает форму, удобную для сидящего, и столь же услужливо меняет ее для следующего пользователя

типоволожна творчеству – истинно новые и ценные образы рождаются только в пустоте незнания. Да и сам творческий метод Хундертвассера – это непредвзятый взгляд самоучки (знаменитый мэтр только три месяца проучился в Венской архитектурной академии). С детской непосредственностью заявляется: в современном городе самым ярким и живописным местом является помойка. Не зря последней (по мнению некоторых аналитиков – самой мастерской) работой Хундертвассера стал дизайн завода по переработке городского мусора.

Но самое, пожалуй, явное воплощение кинического принципа автаркии в современном дизайне жилища – это лофт.

В переводе с английского «лофт» означает «верхний этаж склада или промышленного помещения». Лофт – просторная квартира (от нескольких сотен до тысячи квадратных метров), расположенная в бывшем индустриальном здании. Детали заимствованы из промышленного прошлого – балки, трубы, бетон и кирпич. Они придают «фабричному» жилью особую прелесть. Пространство лофта обычно не разделено перегородками (изолируются лишь спальни и санузлы). Функциональное зонирование и соответствующее членение пространства выполняется средствами света и цвета, а также обозначается «говорящими», семантизированными светильниками, мебелью, аксессуарами. Отсутствие жесткой планировки предоставляет жильцу лофта уникальные возможности для компоновки и устройства интерьера по любому своему капризу.

Первые лофты появились в США во времена Великой депрессии. Это было вынужденное явление – самая дорогая разновидность жилья возникла в результате самой большой экономической катастрофы западного мира (в ту пору никому и в голову не приходило, что со временем квартира на чердаке заброшенного завода превратится в знак элитного и престижного образа жизни). На протяжении двадцатых годов экономика

США испытывала мощный подъем, вызванный Первой мировой войной. Америка превратилась в мировой источник денег: Германия под высокий процент получала кредиты в США для выплаты репараций Франции и Англии. Страны-победительницы тут же возвращали полученное США в счет погашения военных долгов. В результате скорость обращения денег непрерывно росла. В круговорот кредитования быстро втягивалось и население Америки: в конце 1920-х годов порядка 60-80 процентов дорогих покупок, таких как автомобиль или радиоприёмник, осуществлялись в долг. Образовалось нечто вроде финансовой пирамиды, которая неизбежно рухнула – это и был «черный четверг» 24 октября 1929 года. К 1933 году в США обанкротились около 9000 банков, инвестиции в производство сократились в пятьдесят раз, безработица выросла с 3,2 до 25%. Ни пособий по безработице, ни системы иных социальных выплат в США тогда не существовало. В стране начался голод. Потерявшие жилье люди селились в палатках и самодельных «домах» из фанеры и картона. Естественно, что их аскетизм был вынужденным, и в подобном жилище никакой речи о наличии отдельной комнаты в функции кабинета, не стояло.

В Советском Союзе тем временем происходило нечто похожее: мигранты, массово переселяемые в зоны сырьевого освоения, вынуждены были возводить себе подобные «скваттерные» жилища. Ненамного комфортнее выглядело советское коммунальное жилище 30-х гг., где в каждой комнате проживало по одной семье. Однако в СССР никто не смел занимать заводские здания под жилье: индустриализация придала фабричным корпусам статус почти священный.

В Англии первые лофты появились во время правления Маргарет Тэтчер. Политика «железной леди» привела к тому, что арендная плата за производственные помещения сравнялась с таковой для офисных площадей, и в городах начали пустеть здания заводов и фабрик. Освободившиеся

площади сначала освоила артистическая богема, а затем лофт превратился в модную новинку и стал символом нонконформистского стиля жизни. Огромные пустые пространства, потолок высотой 5 – 15 метров, окна во всю стену, грубый бетон и кирпич, металлические балки, обнаженные трубы и кабели в сочетании с уникальной авторской фурнитурой – вот парадоксальный образ аскетизма «общества изобилия».

С точки зрения «философско-функциональной принадлежности» минималистский интерьер лофта в основном представляет собой кабинет. Существование столь огромного пустого пространства может быть оправдано только одним: его жильцу необходимо постоянно соприкасаться с пустотой, с бессмысленным и случайным набором цветовых пятен и световых акцентов. Необходимо, приходя домой, отрешаться от сверхплотной знаково-символьной среды современно города. Именно в пустоте аскетического кабинета происходит внутренняя работа по осознанию конечных фундаментальных образов смерти и жизни, «отшелушивание» их от условностей социума. Аскеза ведет к автаркии.

Однако как же быть тем, у кого недостает средств на приобретение жилплощади в 1200 квадратных метров с потолком высотой 12 метров? Да и авторская мебель из итальянского мусора не каждому по карману. Где-то на поворотах истории потянулись приемы нищенской жизни киников. Так насколько же сегодня возможно использовать принципы аскетизма в дизайне кабинета, не позволяя себе дорогостоящих излишеств?

Главный принцип дизайна аскетического кабинета состоит в том, что кабинет является самой интимной зоной жилья, оспаривая этот статус у спальни. Именно в кабинете человек погружается в самые личные, самые сокровенные глубины себя. Поэтому никакие стилистические законы, правила хорошего тона, требования моды или общественное мнение не должны влиять на внутренний образ кабинета. Кабинет может быть странным, нелепым, отвратительным, смешным или страшным. Но в любом случае он обязан быть индивидуальным, предназначенным только для одного человека – своего обитателя и хозяина.

Далеко не всегда дизайнеру удастся точно угадать неповторимую индивидуальность заказчика. Душа – не нога, с нее мерку не снимешь и не пошьешь кабинет «на заказ», как пару обуви. Поэтому аскетический кабинет проектируется дизайнером как пустой объем, в котором заказчик сам размещает маркеры своей индивидуальности. Кабинет формируется как перетекающая пустота, полная возможностей. Подобно физическому вакууму в модели Поля Дирака пространство кабинета в каждой своей точке предполагает возможность

«Гувервилль» – сквоттерное поселение в штате Оклахома, 1930 г.

Гарнитур Iríde. Изготовитель Zanotta. Дизайн Этторе Соттсасса. 1990-е гг.

Примеры аскетического решения интерьера кабинета современных дизайнеров

возникновения акцента. Ничто не должно быть привязано к структуре кабинетного пространства – письменный стол, стеллаж для книг, монитор компьютера, фотографии и картины могут разместиться там, где заблагорассудится. Стол можно поставить в любой из углов, посреди комнаты или вовсе убрать, работая на полу или диване. Стеллаж может встать возле одной из стен, или перегородить функциональную зону кабинета пополам, или вообще исчезнуть – и книги будут стопками громоздиться на подоконнике или прямо на полу. Исходная форма кабинета или габариты пространственного объема ничего не диктуют дизайнеру и даже ничего не подсказывает жильцу, они вообще молчат – и в этом молчании у владельца появляется шанс сказать что-то глубоко своё.

В случае лофта эффект «пустого кабинета» достигается самым простым и расточительным способом: у кабинета нет стен и поэтому нет формы. Находясь посреди пустого объема в десять тысяч кубических метров, нетрудно ощутить пустоту вокруг себя. Для более скромного по объему случая аналогичный эффект можно получить за счет применения венецианской штукатурки или многослойной лессирующей покраски, или эффекта размытого

отражения матовой поверхности металлических или пластиковых листов, облицовывающих стены. Мягкое мерцание чистого, прозрачного цвета может создать иллюзию «растворяющихся» стен: твердые плоскости выглядят как цветной туман, формируя желаемую бесформенность. Более резкий и агрессивный вариант той же зрительной иллюзии заключается в использовании локального акцента яркого открытого тона на тусклом и нюансном по цвету фоне. Возникает то, что психологи называют рамочным эффектом. Глаз, приравливаясь к резкому цветовому «удару» акцента, вообще перестает видеть фон. Если рядом со стеной из серого бетона поставить ярко-алое кресло, оно будет выглядеть повисшим в серой пустоте (подобные приемы очень любит, например, Заха Хадид).

Особенно заметен рамочный эффект в том случае, когда акцент бросается в глаза не только по цвету, но и по форме, и по смыслу. Так, мебель группы «Мемфис», как будто слепленная из кусков разноцветного пластика, «шибает в нос» кичем, дерзкой неправильностью форм и пропорций настолько, что любой фон просто исчезает.

Разумеется, ударных акцентов в кабинете не может быть много. Вся остальная, не акцентная мебель выглядит спокойно

и бесформенно. Она как бы случайно расположена, ее серо-бежевые или тускло-пастельные тона, вялые и ослабленные формы застенчиво молчат, не претендуя на внимание зрителя, и послушно играют роль фона.

Аналогичным образом строится свет. Структура световых потоков может весьма эффективно размывать форму помещения и предметов, растворить углы и плоскости. Идеально найти такое расположение светильников, чтобы казалось – светится воздух, само пустое пространство. Подобный эффект особенно успешно создают светодиодные панели (они, как и любая техническая новинка, пока еще весьма недешевый элемент интерьера). Однако и умелое сочетание обычных рефлективных источников света вполне способно формировать соответствующую световую среду. Уместно и введение эффектов звездного неба или даже применение точной имитации созвездий, светящихся в темноте люминофорными цветами.

В аскетическом лофте-кабинете применимы и зеркала. Занимая всю стену (например в виде зеркальной плоскости или зеркальных створок шкафа-купе), они создают эффект удвоения пустых объемов, в котором иллюзорные «двойники» предметов вполне созвучны идеям плодотвор-

ного отчаяния. Так же уместна может быть и прохладная глубина аквариума (при условии, что его размер будет сомасштабен размеру помещения). А вот комнатные растения, как правило, трудно «вписать» в аскетическое настроение кабинета – слишком они живые, конкретные, слишком чужды экзистенциальной пустоте. Хотя композиции из мертвой природы – сухоцветов, камней, песка, ракушек, иссушенных солнцем трупиков рыб и мелких морских животных, омытых прибоем коряг, и отполированной ветрами гальки – в немалой степени соответствуют психологическому настрою аскетического кабинета.

Эстетическая, психологическая и витальная ценности «отрицательных» эмоций – тоски, пустоты, отчаяния, отвращения еще только начинают осознаваться западной культурой. Теория и методология дизайнера пока не рассматривают их как предмет своего исследовательского интереса. Реалии ассимилирующей их аскетической философии еще очень далеки от повседневной практики дизайнера жилища. На этом пути дизайнеров ждет еще немало удивительных открытий.

**Константин Лидин
Марк Меерович**

Кресло и лампа группы «Мемфис», середина семидесятых гг.

Фернандо и Умерто Кампана. Кресло, склеенное из непроданных мягких игрушек... ..и еще одно кресло – из текстильного лоскута

Конструкции из стекла – современные технологии для модного интерьера

Архитектура XXI века влюбилась в стекло сразу и навсегда. В «застывшей музыке» этому материалу часто достаются первые партии, которые, надо сказать, исполняются в прямом и в переносном смысле с блеском. Так что для людей, желающих получить модный и стильный интерьер, сегодня существует рецепт стопроцентного успеха – проверенная веками красота стекла плюс профессионализм архитектора и новейшие технологии.

Стекланные двери, перегородки, козырьки – явление относительно молодое в архитектуре. Конструкции из стекла, еще недавно бывшие экзотикой, с каждым годом расширяют сферу своего применения. Легкость и прозрачность стеклянных изделий сочетаются с прочностью и безопасностью закаленного стекла. Компания «Зодчий» уверенной рукой опытного мастера формирует рабочие пространства офисов и торговых центров. Ее знания и опыт в освоении передовых технологий грамотно реализуются в создании современных изящных конструкций.

Бесконечные возможности дизайна и конструирования обеспечиваются огромным выбором фурнитуры для стеклянных перегородок, дверей и других конструкций – элементов, связывающих стекло в единое целое. Правильное их применение гарантирует прочность и красоту. Кроме того, верно подобранный вид стекла обеспечит необходимый визуальный эффект и гармоничное сочетание конструкции из стекла с окружающим ее помещением.

Специалисты компании «Зодчий», объясняя заказчикам возможности конструктивного применения зака-

ленного стекла, выделяют несколько групп.

Декорирование

Двери с утонченными, изысканными рисунками превосходно сочетают в себе функцию разделения пространства и его художественного оформления.

Новейшие технологии художественной обработки стекла позволяют наносить на дверное полотно рисунок любой сложности, вплоть до воспроизведения фотографий.

Одной из таких технологий является пескоструйная гравировка. Уникальность ее заключается в очень высокой степени детализации рисунка. Нанесение рисунка осуществляется с помощью абразивной пыли, которая под давлением сжатого воздуха подается на поверхность обрабатываемого материала. Повсюду, где абразив контактирует с глянцевой поверхностью, он закругляет и разрушает ее. Для получения красивого трехмерного эффекта достаточно последовательно, один за другим, удалять соответствующие части шаблонов. Технология пескоструйной обработки может применяться также для создания непрозрачной «вуали» на поверхности стекла.

Гравировка стекла – это с компьютерной точностью вырезанный на поверхнос-

ти стекла рисунок. Рисунок может быть как полированным, так и матовым.

Цельностеклянные маятниковые двери

Стекланные маятниковые двери открываются в обе стороны. Устанавливаются без дверной коробки в качестве отделанного проема. Держатся на двух креплениях – в пол и потолок. В пол монтируется напольный доводчик, который либо возвращает дверь в закрытое положение, либо фиксирует ее в открытом положении под углом 90° или 105°.

Это самый комфортный и универсальный вариант двери. Устанавливается как в жилых, так и в офисных помещениях. Такие двери можно монтировать в помещениях с повышенной влажностью – бассейнах, душевых, саунах, ванных комнатах.

Двери с притвором

Стекланные двери с притвором открываются только в одну сторону. Устанавливаются либо в дверную коробку (чаще всего деревянную), либо в качественно отделанный проем. Крепятся двумя или тремя боковыми петлями. Возможен вариант арочных дверей.

Автоматические раздвижные двери

Стекланные автоматические раздвижные двери могут быть как цельностеклянными, так и в алюминиевых рамах. Такие двери не требуют от входящих никаких механических действий – при приближении объекта они автоматически отъезжают в стороны. Створки из закаленного стекла целесообразнее применять на

внутренней линии тамбура, так как они чуть менее герметичны, чем створки на основе алюминиевых профилей.

Автоматические двери незаменимы для мест с высокой посещаемостью и благодаря удобству для посетителей положительно влияют на имидж заведения.

Двери откатные

Откатные стеклянные двери при открывании отъезжают в сторону. К потолку или стене крепится алюминиевый рельс или труба из нержавеющей стали, по которым на каретках бесшумно движется дверное полотно. Такие конструкции помогают существенно экономить полезное пространство помещений. Служат как дверь в гардеробную комнату, в кабинет, в бассейн. Помогают отгородить кухню, кладовую или балкон от гостиной или спальни.

Перегородки

Пространство современных офисов, торговых центров и других зданий нуждается в правильной организации. Стекланные перегородки позволяют наилучшим образом решить эту задачу.

Стекланная перегородка помогает отделить друг от друга рабочие места, разделить на зоны торговую площадь. А отсутствие громоздких непрозрачных элементов (стоек, профилей) сохранит целостность пространства. При этом стеклянная перегородка может иметь сложную форму и содержать в себе двери из закаленного стекла или даже автоматические двери со створками из стекла без обрамления.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗАКАЛЕННОГО СТЕКЛА:

Прочность: по сравнению с обычным стеклом у закаленного в 5-7 раз выше прочность на удар, в 2-3 раза – прочность на изгиб.

Термостойкость: температурный диапазон эксплуатации от -150 °С до +300 °С. Закаленное стекло выдерживает перепады температур от 120°С, в то время как обычное стекло способно выдержать перепады температуры лишь в 40°С.

Внешний вид: не отличается от обычного стекла. Возможно использовать под закалку практически любых видов стекол: тонированного в массе, с покрытием, узорчатого.

Безопасность: Закаленное стекло прочнее обычного в пять-семь раз. При разрушении стекло рассыпается на очень мелкие осколки, не имеющие заостренных краев и не ранящие человека.

Широта использования: Конструкции из закаленного стекла – это фасады зданий и входные группы, прозрачные

потолки и полы, распашные и раздвижные двери, стеклянные тамбуры, а также другие элементы интерьера (ограждения и лестничные марши из стекла) и многое другое.

Эксклюзивность: При общих особенностях ни одна конструкция не повторяет другую и отражает характер каждой архитектурной или дизайнерской разработки.

Уникальность: При всех достоинствах других конструкций, в них стекло используется только как светопропускающий материал и требует обрамления для придания механической прочности. А закаленное стекло – это самонесущий элемент конструкции, в силу чего сохраняется светопередача, целостность пространства, объем и структура интерьера.

Престижность: Такие элементы оформления дома или офиса выгодно подчеркнут ваш вкус и респектабельность.

Зодчий
СВЕТОПРОЗРАЧНЫЕ
КОНСТРУКЦИИ

г. Иркутск,
ул. Баррикад, 129
Т.: (3952) 23-10-30,
270-480

Окна, лоджии, автоматические двери, защитные жалюзи, витражи, двери, офисные перегородки, секционные ворота, перила из нержавеющей стали

ООО «ИНГЕО» – 15 лет надежного партнерства и успешной работы

Никита Михайлович Шимараев,
генеральный директор ООО «ИНГЕО»

В этом году компании ООО «ИНГЕО» исполняется 15 лет. Это уже тот возраст, когда можно оглянуться назад, подвести некоторые итоги и попробовать заглянуть в будущее.

Созданная осенью 1991 года, во времена перестройки и начала кооперативного движения, ООО «ИНГЕО» уже тогда четко определила основные направления своей деятельности – это комплексные инженерные изыскания для проектирования и строительства объектов гражданского и промышленного строительства на территориях с инженерно-геологическими условиями любой сложности. Первые годы существования компании были самыми тяжелыми, поскольку мы создавались заново, без участия чужого капитала, так сказать, «с чистого листа», рассчитывая только на свои силы, знания и энергию. Кроме того, в то время очень непросто было пройти процедуру лицензирования и получения заказов на производство работ из-за постоянно меняющихся требований к соискателям и настороженного отношения к вновь созданным «неизвестным» организациям. Первым нашим средством производства была буровая установка, купленная за незначительные средства, восстановленная и собранная своими руками.

Необходимо было длительное время кропотливой и добросовестной работы для поиска и утверждения своего положения на сложном и специфическом рынке инженерных изысканий. Но у нас было главное – огромное желание работать и развиваться, а также хорошая школа, которую, несмотря на свою молодость, успели пройти ведущие специалисты ООО «ИНГЕО» – это предприятия «почтового ящика №...» Министерства среднего машиностроения и «ВостСибТИСИЗ», на тот момент времени небезосновательно считающиеся организациями с богатыми традициями и хорошей школой. Уже теперь, спустя годы, мы с уверенностью можем сказать, что персонал, который сейчас составляет кадровую основу ООО «ИНГЕО», – это молодые специалисты, прошедшие нашу школу, прекрасно владеющие всеми необходимыми знаниями и навыками для выполнения сложных работ. Это выпускники геологоразведочного и горного факультетов ИрГТУ, географического факультета ИГУ, ИГРТ, ИКТС, которые уже сами способны передавать свой опыт. Например, в ближайшее время мы готовимся принять у себя сотрудников нашего совместного с монгольской стороной СП «ИНГЕОТЕХ» для обучения работе с программными комплексами, применяемыми при выполнении изысканий.

Сейчас мы располагаем собственной базой, парком буровой и вездеходной техники, мастерскими, установкой статического зондирования и оборудованием для штамповых испытаний, грунтовой лабораторией, современными геодезическими инструментами, компьютерной техникой и различным программным обеспечением.

Следует отметить, что до 60-70% наших работ выполняются на площадках, отведенных под строительство в г. Иркутске. Тот, кто выполнял такие работы в пределах городской черты, знает, насколько это сложная, специфическая и ответственная работа. Сложность инженерно-геологических условий большинства осваиваемых площадок застройки, наличие большого количества трасс инженерных коммуникаций, необходимость детального согласования результатов выполненных работ с эксплуатирующими и инспектирующими организациями – все это предъявляет высокие требования к организации – исполнителю работ. С началом проектирования в г. Иркутске жилых застроек с этажностью 12-14 этажей и выше, расположенных на площадках с сейсмичностью 8 и 9 баллов, возросла и ответственность за результаты изысканий, за получение объективных и достоверных данных, характеризующих состояние геологической среды. Именно здесь нам и помогает опыт, накопленный за достаточно длительный период работы.

В настоящий момент мы обладаем уникальной базой данных, полученных при выполнении изысканий на различных площадках, оптимизация которых позволит нам сократить сроки и стоимость выполняемых работ.

Мы гордимся своим интересным и плодотворным сотрудничеством с такими организациями, как ООО «ВостСибСтрой», ОАО «Иркутский Промстройпроект», ОАО «Иркутскгражданпроект», «ВостСибАГП», ОАО «Иркутскгипродорнии», ООО «Предприятие «Иркут-Инвест», ООО «Иркутская электротехническая компания», ООО «Байкалстройинвест», ОАО ФСК «Новый Город», «ИркАЗ-СУАЛ» и многими другими. С использованием данных изысканий, выполненных ООО «ИНГЕО», запроектированы и построены первые высотные здания в г. Иркутске, жилые комплексы «ZEON», «Виват», «Лазурный», «Вариант», «Удачный», «Светлый», жилые дома ОАО ФСК «Новый Город», группы жилых домов и отдельные дома в различных районах города, школы, больницы, детские сады, АЗС и много других, легко узнаваемых объектов в г. Иркутске. Ежегодно компания выполняет изыскания на 70-80 объектах различного уровня ответственности и сложности – от индивидуальных коттеджей и гаражей до крупных высотных жилых застроек, участвует в работах по восстановлению памятников историко-культурного наследия Иркутска и его окрестностей.

Стратегия развития компании не ограничивает рынок работ одним лишь Иркутском и объектами жилищного строительства. Мы выполняли и выполняем работы в различных районах: это – Шелехов, Ангарск, Братск, Усолье-Сибирское, Свирск, Зима, Тайшет, Тулун, Усть-Кут, северные районы Иркутской области, Республика Бурятия, Амурская и Читинская области; для проектирования авто- и железных дорог и путевого развития станций, внутрипромысловых и магистральных нефте- и газопроводов. У всех на слуху такие объекты, как нефтепровод «Ангарск – Дацин», нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий океан», развитие и освоение Ковыктинского, Ярактинского, Верхнемарковского и других месторождений, в изыскательских работах по которым мы принимали активное участие.

Мы еще достаточно молоды, наша структура позволяет работать мобильно, обеспечивая непосредственный контакт и плотное взаимодействие с проектировщиками, что способствует росту квалификации исполнителей.

Качество выполняемых компанией работ, доверие серьезных заказчиков, наличие квалифицированных кадров и современного оборудования позволяют нам уверенно смотреть в будущее.

Основной вид деятельности компании – комплексные инженерные изыскания для строительства. В настоящий момент мы выполняем следующие виды работ:

- **инженерно-геодезические изыскания, включая топографические съемки, специальные инженерно-геодезические и топографические работы;**
- **инженерно-геологические изыскания;**
- **изыскания грунтовых строительных материалов;**
- **изыскания источников водоснабжения на базе подземных вод;**
- **исследования грунтов оснований зданий и сооружений;**
- **консультативные и инженеринговые услуги**

ООО «ИНГЕО»

**664025,
г. Иркутск,
ул. Ст. Разина, 27,
оф. 802,
ул. Ленина, 18,
оф. 414**

**тел./факс:
(3952) 200-001,**

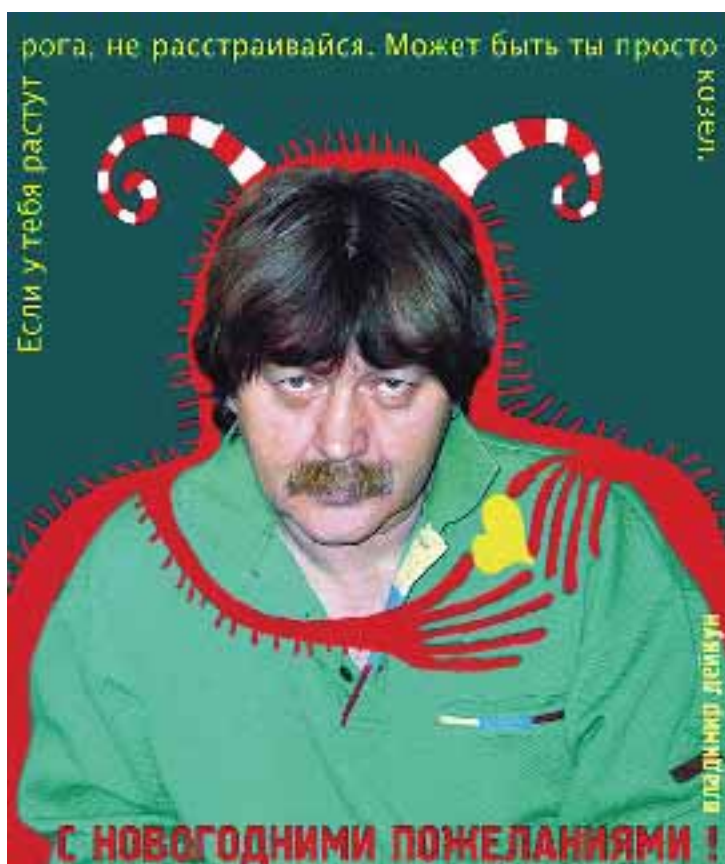
**тел.: 211-327,
211-329,**

E-mail: ingeo@list.ru

**лицензия Д 730489
от 15 мая 2006 г.
Федеральное
агентство по
строительству
и жилищно-
коммунальному
хозяйству**

Диалоги и жесты Владимира Дейкуна

Вместо введения

В начале статьи позволю себе «заставку»-картинку.

Среди работ В. Дейкуна есть «автопортрет». Он «встроен» в новогоднюю открытку. Новогодняя открытка с пожеланиями – что может быть более традиционным! Соответствие «нашей» открытки устоявшимся стандартам подтверждается яркой по цвету крупной надписью «С новогодними пожеланиями!», расположенной у ее нижнего края. Но центральная часть листа занята не изображением Деда Мороза, скачущей упряжки коней или снежинок: на нас смотрит, вопреки традиции, сам автор. Еще его одежда более-менее соответствует атмосфере праздника своим ярким цветом. Теплоту пожеланий также можно связать с изображенным на уровне левой ключицы желтым сердечком, к которому жаждающе тянутся «инопланетянские» пальцы. Но выражение его лица вряд ли можно обозначить как празднично-радостное. К тому же контур погрудной фотографии дублируется ярко-красным плоским контуром, обнимающим изображенного на фотографии человека. Красный цвет – это цвет шубы русского Деда Мороза или европейского Санта Клауса. Однако в изображении без труда распознается гротескно и нарочито неумело прорисованное волосатое существо с полосатыми

красно-белыми (опять намек на Санта Клауса) рогами, которые хорошо совмещаются с очертаниями головы сфотографированного мужчины. Тот год был годом Козы, что оправдывает появление столь одиозного животного на открытке, по условиям своего функционирования предназначенной для публичного, открытого просмотра. Это красное, почти по-детски изображенное существо – не совсем козел, так как обнимает нашего героя хоть и не вполне человеческими, но все-таки руками, а не копытами. В русской мифологии козел – «чертячий» персонаж; эта ассоциация и до сих пор достаточно устойчива. Но самая «быстрая» зрительская ассоциация связана с часто звучащим полуругательством «ты, козел», в котором используются ключевые для открытки слова. Завершает поздравительную открытку текст, обрамляющий изображение сверху и подтверждающий знакомство автора не только с классической мифологией. Он-то и ставит последнюю точку в замысле. Глаз движется от ярко-желтого нарисованного сердца, обрамленного протяннутыми к нему пальцами, к красной надписи и контуру, от этого слоя – к разглядыванию фото и завершает путь на чтении надписи сверху. Символы и смыслы на открытке сшибаются, перемешиваются друг с другом, соответствуя сознанию современного зрителя, где

царствует эклектичное сочетание всего со всем. Открытка представляется легким свободным жестом художника, искренней, хотя и несколько ироничной автохарактеристикой, позволяющей говорить и о самом Дейкуне, и о подразумеваемом им адресате, без которого не может осуществиться дизайн, и об атмосфере, духе города, где осуществляется именно такой дизайн.

* * *

Однажды в постороннем разговоре возникла тема популярности и непопулярности разных дизайнеров и художников. При этом, как водится в последнее время, собеседники постоянно ссылались на авторитет международных биеннале и прочих хитрых приспособлений для утверждения всемирной славы. И тут проскочила обидная для меня мысль: дескать, вот Дейкун-то не популярен в той степени, в какой должен был бы, его не понимают. Так и хотелось сказать что-нибудь про «непонимание истинного таланта окружающими», про то, что «надо подождать лет сколько-то, и тогда...». Но я решила поразмышлять о Дейкуне, его работах и стиле. Тем более что работы его мне очень нравятся.

Дейкун является одним из «первой пятерки» иркутских дизайнеров: член Союза дизайнеров России, член правления Иркутского отделения Союза дизайнеров. Он добротен и разнообразно работает, являясь автором многих дизайнерских проектов, в том числе и для Иркутского отделения СДР (разработка сайта, оформление всероссийских и региональных выставок дизайна и рекламы). Ему принадлежит осуществление рекламного сопровождения Международных зимних спортивных игр «Зимниада-2004», создание фирменного стиля многих иркутских фирм (Полиграф-Пресс, АО «Кедр» – производство алкогольных и безалкогольных напитков, страховой компании «Востсиброссо», шоу-рум «Акцент», фирмы по продаже компьютерной техники «Матрица» и др.). В его копилке – оформление кафе, молодежных центров, книжных изданий, журналов, выставок и форумов, создание корпоративных календарей, ярлыков и этикеток... Все так же, как и у других мастеров Иркутска. Тем не менее его почерк и стиль узнаваемы.

Дейкуна можно охарактеризовать как строгого стилиста (с моей точки зрения – почти пуриста), осуществляющего принципы современного графического дизайна, но прекрасно ориентирующегося в стилистике плаката 1920-х годов. Глядя на разнообразные по теме работы, прежде всего вспоминаешь «Окна РОСТА» и революционный плакат первых лет

Советской власти в целом. Но, в отличие от первооткрывателей стиля – революционных художников, работы которых серьезные и пафосно подняты, дейкуновские плакаты (за небольшим исключением) иронически снижены, и у зрителя создается ощущение неувязки, противоречия стиля и темы («Смерть пиратам»). Точная скупая линия, выверенная композиция, супрематически-«простоватые» цвета (черный, красный, белый) отличают афиши выставок дизайна, рекламное сопровождение шоу-рума «Акцент» и т.д. Не знаю, сознательно ли возник этот прием, но преобладающим направлением, в котором располагается первостепенно значимая информация, в его работах является вертикаль, определяющая и журнальных изданий, диктующих своим форматом особые правила. Упомянутый прием «вертикального» текста затрудняет его прочтение и тем самым не дает глазу возможности «проскальзывать» мимо афиши, вывески или суперобложки. Напротив, глаз замедляет движение, внимание невольно заостряется; художник предлагает зрителю поразмышлять над подтекстом и «аурой», которая существует помимо текста (но задает определенный способ его прочтения). Предположение подтвердилось, когда были рассмотрены «в массиве», блоком варианты оформления книг и связанных с этими книгами спектаклей или проектов.

В наиболее «чистом» и концептуально удачном виде прием вертикального «снизу-вверх» расположения текста, действительно, реализовался именно в них. А скупые, даже скудные образительные вставки не только «стягивали» лист в узел, но и содержали визуальные «намекы», ассоциации, более всего близкие и родные читателю, уже хотя бы слегка знакомому с автором литературного текста, его личностью и творческой манерой. Так оформлены уже упомянутый альманах «Зеленая лампа», книга молодого писателя, поэта и публициста В. Науменко «Прикосновение», пьеса Анны Иоффе «Mein Kleiner Pawel (Мой маленький Павел)», сборник пьес иркутского автора Ю. Князева, цикл афиш для спектаклей А. Вампилова, книга «Алë-алë» иркутянина А. Богданова (№ 18).

Дейкун оперирует плоскостью, не создавая даже малейшего намека на «глубину кадра», как сказали бы фотографы или киношники. Он умело использует возможности, которые предоставляет

плоскостное изображение, и столь же умело расширяет их. Именно в «плоскостных» предложениях Дейкуна более всего подражает стилистике изобразительного примитива, дополняя ее нарочито «детским», скачущим (да еще и с ошибками) шрифтом (о чем я еще буду говорить). В этом декоративно-плоскостном подходе к оформлению мышление дизайнера очень «совпадает» с особенностями Иркутска, где он работает. «Старая», историческая часть нашего города, представляющая его «лицо» и сложившаяся в конце девятнадцатого века согласно общей для тогдашних губернских центров стратегии застройки, – «фасадная»: узкое пространство улиц, тесные тротуары, стены, выведенные «по линейке». Существовала специальная «Книга фасадов», где были зарисованы виды дозволенных к строительству фасадов, из числа которых выбирался выходящий на улицу вид для вновь строящихся зданий. Даже в новых микрорайонах большие жилые массивы строятся очень кучно, тесно, обращаясь к улице большими плоскостями стен – все это определяет достаточно ограниченный арсенал выразительных средств, которые могут быть использованы для оформления города. Наверное, нечего и удивляться тому, что мастер, много лет проживший в нем и впитавший его характер как некую «парадигму» своего оформительского стиля, подчиняется требованию этой парадигмы. И вот Дейкун проектирует фасад для компьютерного магазина «Матрица». В целом он плоский, но все-таки не сливается с пространством стены, выделяясь хай-тековским серебристым цветом и отчетливым намеком на «продвинутость» заказчика. Этот фасад становится «модулем» для создания фирменного стиля (визитки, этикетки, наклейки, конверты).

Одно время мне казалось, что линейность, демонстративная «плоскостность» работ – это чуть ли не кредо Дейкуна. Но тут я увидела статуэтку, сделанную для Всероссийского театрального фестиваля «Байкальские встречи у Вампилова». Дизайнерское оформление Дейкуном самого фестиваля было достаточно традиционным: фото драматурга, программа фестиваля, напечатанные на листе формата А-1. Бросался в глаза интенсивный черно-красный цвет поля, на котором был напечатан текст. Он сразу привлекал внимание, создавая сильный цветовой акцент и ассоциативно связываясь с непростыми событиями жизни драматурга и с известными каждому любителю чтения в нашем регионе и за его пределами трагическими обстоятельствами его гибели. Наградная статуэтка Главного приза была неожиданной: серебристая спираль, вырастающая из вдохновенно взлетающей от под-

ставки вертикали, расширяющаяся снизу вверх и естественно переходящая в соприкасающихся крыльями чаек, образующих венки-хоровод. В ней была видна та же дейкуновская строгость и даже некоторая скупость замысла. Но удивительная объемность и изящество ее формы покорили и заставили пересмотреть некоторые уже сложившиеся оценки, касающиеся его творческого диапазона. Видимо, дело не в программных концепциях и скудости доступных дизайнеру художественных средств, а в специфике заказов, которые требуют определенной манеры исполнения.

Это предположение я старалась проверить на нескольких образцах созданных Дейкуном проектов. Во всех случаях имел место своеобразный диалог заказчика и дизайнера, в котором «пропорция» самостоятельности и зависимости художника от воли и кошелька «хозяина», от его вкуса и того, что я несколько выше назвала «продвинутостью», были разными.

В работах Дейкун, как и его коллеги, нередко использует черно-белые и цветные фотоставки. Представляется, что цвет фотоставок выполняет двойную функцию. Черно-белые фотографии придают работам дополнительную «плоскостность», так как в нашем сегодняшнем восприятии цветность – один из способов создания иллюзии объема и пространства. Но они же привносят в изображение документальность, приправленную ноткой ностальгии, ибо черно-белые фото – знаки времени, которое уже ушло или уходит, но реальность которого удостоверяется с их помощью. Особый смысл рождается именно из сочетания фотоставок и рисованных изображений на плоскости

всего листа. Наглядным становится этот прием, когда смотришь оформительские работы Дейкуна для книг (Науменко, Иоффе, Богданов). Но определить словами этот смысл невозможно: он адресован визуальному мышлению. Если же в работах сочетаются гризайль и цвет, то цветные фрагменты расставляют смысловые акценты и ударения, обогащая интерпретацию (календарь для «Кедра», «Se-Lя-Vi»).

Цвет – оптимистический, тяготеющий к спектральной чистоте и даже локальный – во всей яркости и почти мультимедийной праздничности используется в других проектах, где стиль Дейкуна раскрывается с иной стороны: особый, насыщенный пятнами и четкими границами («Рыбный день», «Сталкер», «Экстаз (Все смешалось в доме о-о)», «Похищение Европы», «Они были первыми»). При этом лист сохраняет свойство быть плоскостью, а не пространством и объемом (календари Востсиброссо, обложка журнала «Сибирь-Восток», карманные календари). Что-то в этой манере напоминает «наивное письмо», Матисса и классику русского авангарда «в одном флаконе», создавая у зрителя ощущение причастности традиции, но – одновременно – исключительно своеобразной ее переработки и осовременивания.

В рекламе текст – обязательный компонент. Но для оформительской практики нашего города нетипична забота о том, как именно текст изображен: рекламщики, конечно, делают его заметным, но это касается размеров и – иногда – цвета. Однако авторитетный теоретик дизайна С. Серов заметил, что работа со шрифтом – высший пилотаж мастера, доступный далеко не всякому профессионалу. Для не очень опытного дизайнера использование надписей и текстов может считаться «необходимым и неизбежным злом»; для Дейкуна это – содержательный пласт, который требует усилий для своего создания и должен быть расшифрован зрителем-потребителем. Уж если читатель или зритель увидит шрифт Дейкуна – он его не спутает с другими. Для литературных, литературно-публицистических изданий – один, им же и придуманный (оформление альманаха «Зеленая лампа», сборников А. Богданова, В. Науменко и т.п.). Для заказных вещей (например ярлыков на лимонаде и водке) – совершенно другой, слегка простоватый, иногда ностальгически напоминающий «модерн» (водки и настойки «Кедр»). Трафарет, наивная скоропись, изысканно-элитарные шрифты – все освоено и «приставлено к делу», все досконально и содержательно использовано. Каждый шрифт предполагает «своего» потребителя: если в лимонадных наклейках используют

ся элементы «мультишной» графики и образы телевизионной рекламы, то «серьезные» напитки – для серьезных людей старшего возраста, понимающих толк в стилизации и находящих особое удовольствие в сходстве «доисторических» букв с сегодняшним ярлыком. Помимо этого, такой шрифт намекает на прочность традиций, стабильность качества и солидность, граничащую с консерватизмом.

Точно так же осмысленно Дейкун относится к разному в размерах, плотности или растянутости букв в словах, цвету. Его тексты на плакатах, вывесках, обложках, календарях и объявлениях «ведут себя»: играют в догонялки, кувиркаются, пошатываются, дрожат от нетерпения, строятся в шеренги и ряды. Они сливаются и рождаются друг из друга («Дейкун-дизайн», цикл плакатов для ресторана и Центра молодежного отдыха «Ерши-гора»).

Каждый шрифт не просто заключает в себе информацию: он делается характеристикой автора реплики, совета или рекламного слогана. За каждым шрифтом угадывается целая социальная группа со своей лексикой, интонацией, намеками, кругозором, от лица которой (или к которой) обращается текст. Пестрота афиши, рекламного листа или проекта читается как гул голосов, разговор в маршрутке, выкрики из толпы, беседа или подначка в дружеском кругу.

Сегодня в рекламном деле редкий ролик или текст обходится без англоязычных вставок. Но когда в русский текст Дейкуна неожиданно попадает латиница, создается удивительный эффект обрусения английских слов, букв и фраз. И не просто обрусения, но и насмешливого перевертывания, перетолковывания: своеобразный иронический баланс между двумя языками, двумя культурами, игра в шрифты и алфавит.

Невозможно только одно: тексты Дейкуна нельзя не читать, потому что без них останется абсолютно непонятным смысл всего листа.

Важно и то, какому зрителю адресованы работы Дейкуна. Конечно, русскоязычному! При этом не просто говорящему на русском, но – что важнее – читающему на этом языке. И не просто складывающему буквы в слова и поглощающему какое попало читиво. Говоря еще точнее – к начитанному зрителю, любящему чтение и понимающему в чтении толк. А это качество сегодня можно обнаружить отнюдь не у всякого. Она становится немодной, привычка много читать. Даже у русских, которые не без основания гордятся своей национальной страстью к чтению, в последние полтора десятилетия наблюдается падение интереса к печатному слову. А Дейкун охотно оформляет книжные издания, делая это очень по-своему: много пустоты, вертикально бегущее имя, возможный эпиграф и чуть-чуть изображения (то ли карточная масть, то ли кубики-шарики, то ли полупустая сцена с пятнами человеческих фигур и огромными буквами у них подмышкой). Но читатели, открывающие книгу, должны быть в равной степени чувствительны и к самому тексту, и к изображению в тексте, точнее, к специфике текста-изображения. Этот диалог текста и изображения, имеющий для понимания творчества Дейкуна решающее значение, есть одно из архетипических свойств его мышления. Не понимать необходимости этих «перескоков» из слова в изображение и обратно – значит не ощущать оригинальности таланта Владимира Дейкуна. Представляется, что для него второстепенное значение имеет эксперимент и самодостаточная игра формальных элементов изображения. Главное – «высечь» смысл из столкновения шрифта и слова, слова и всего выражения, двух фраз или – изображения и слова, совмещения двух или нескольких изображений. Даже в наклейке на лимонадной бутылке есть визуальный подвох; его можно назвать «визуальной остротой»: лимонад – лимон, состыкованный с гранатой-лимонкой; «Все путем» – и подпись: Анна Каренина; «Не будите – пусть полетают»).

Тут-то я и перехожу к наиболее интересному и «вкусному» для меня качеству Дейкуна. Он обладает глубинным, разнообразным и укорененным в типично русских особенностях жизни юмором, умением видеть непривычные стороны и свойства в привычных словах, вещах и делах. На разных «этажах» текста этот юмор задевает разные его элементы. Наиболее простой и далее не разложимой формой становится то, что во времена Льва Толстого именовалось «воп нот», – острота, требующая некоторого усилия для понимания подтекста. Такую остроту легко повторить; можно описать ее «устройством». Почти невозможно «по

готовому образцу» сконструировать что-нибудь, хоть отдаленно напоминающее эти «остроты». И уж совсем невозможно «растолковать», почему они смешны. Вот плакат «День знаний». Фоном, заполняющим всю площадь листа, является выполненная в цвете фотография интенсивно-синих джинсов. Снизу вверх и слева направо по диагонали – сфотографированный же джинсовый ремень «Версаче». В верхней части плаката четким крупным «школьным» шрифтом – голубоватая (в тон джинсам, но хорошо выделяющаяся на их фоне) надпись «Все лучшее детям!». У нижнего края листа, почти в центре, более мелким, но бросающимся в глаза из-за оранжевого цвета шрифтом: «1 сентября ДЕНЬ ЗНАНИЙ». Так же «устроен» плакат «Приезжайте к нам в Иркутск – позагораем!» (фотография замерзшего и укутанного в дубленку, шарф и шапку африканца на фоне затянутого инеем окна. Изображение прямо вызывает в памяти анекдот о зеленой и белой зиме, повсеместно в Сибири известный и ставший особенно популярным, когда в Иркутске появились чернокожие студенты). С одной стороны – для «посвященных» «все понятно, как весеннее утро». С другой – попробуй объясни... Еще Бергсон говорил, что самое смешное – это попытки определить, что такое юмор. Примерно об этом много лет назад (люди моего поколения отлично помнят) после поездки в Англию мне говорил один «продвинутый» рабочий: «Представляешь, они не понимают, почему объявление в окне хозяйственного

магазина «Политура продается с 11 часов» – это смешно!».

Остроты Дейкуна бесконечно далеки от прямолинейного «смехачества» тупых и плоских высказываний иных сегодняшних юмористов. Если они и задевают не совсем «респектабельные» смыслы и события, то делается это столь элегантно и тонко, что и уличить его вроде бы не в чем, да и не хочется этого делать («Счастливого Нового года – 2003», открытка «8 Марта», «Байкальская альтернатива»). А все-таки намек на непристойность имеется. Он понятен тем, кто «варится» в стихии сегодняшнего повседневно русского языка, приправленного умеренной дозой хрестоматийной литературщины, знакомой каждому выпускнику российской средней школы по изучению отечественной классики («Экстаз (Все смешалось в доме о-о)»). Повсеместное устное и письменное (газетно-телевизионное) распространение анекдотов, коротких смешных фраз с разными версиями переворачивания и перетолковывания привычного смысла – ресурс для незаметного иноязычному глазу и уху плавного изменения смыслов культуры. Эти изменения улавливаются из самого «воздуха» общения, укореняются в массовом сознании. Их наличие и делает возможным само существование феномена Дейкуна.

Не надо думать, что его юмор, как порой говорят, «беззубый». «Валентинки», например, содержат угрозу-насмешку: «Нравственность», «Миру мир», «День победы» – сарказм. Обидно и печально, что «Не

только инопланетяне интересуются: есть ли жизнь на Земле». Юмор Дейкуна может быть интерпретирован в формате «типичных особенностей российского менталитета» и типичных особенностей мышления россиянина, читающего отечественную классическую литературу.

Когда я просматривала портфолио, то постоянно испытывала раздражение и ловила себя на желании исправлять орфографические ошибки, не там поставленные или неподставленные знаки препинания, в немалом количестве рассеянные по плакатам, открыткам и афишам Дейкуна. (Видимо, инстинкт грамотности подавить в себе достаточно трудно). Но в какой-то момент поняла, что эти ошибки, описки и преднамеренные искажения слов тоже имеют свою функцию. Они вроде заклятия от чрезмерного снобизма: я, дескать, свой, русский, а какой же русский пишет совсем грамотно? («Как уст румяных без улыбки, без грамматической ошибки я русской речи не люблю...») Исправлять «ашипки» незачем: их следует трактовать как способ общения художника со зрителем на языке зрителя.

Особого разговора заслуживает своеобразная энциклопедия, созданная в корпоративном календаре для АО «Кедр» (не забудем, что главная его продукция – алкогольные напитки) на 2004 год. Начну не с самих картинок, отчасти уже попавших в разные интернет-адреса. Два не связанных друг с другом текста помогли понять, почему мне эти картиночки... ну, почти дороги. Первый – это не

претендующая на особую глубину творчества поэта и переводчика М. Фрейдкина «Опыт». Автор, по ходу дела рассуждая о достоинствах и недостатках русскоязычных словарей, пишет о великом многообразии реального речевого потока и, в частности, о том, что в словаре синонимов русского языка дается «к слову «выпить» 14 основных синонимов», тогда как автор книги нашел 194 и вовсе не считает это количество окончательным, а работу по поиску этих синонимов завершённой. Второй – вполне академическая книга С. Лема «Фантастика и футурология». В разделе «Языковые проблемы фантастики» он пишет, что «язык наиболее тонко дифференцируется в тех областях, на которых сосредоточено общественное внимание», а «материальные и функциональные потребности создают новые термины, которые быстро сокращаются до коротких, но красноречивых названий». Что же это за энциклопедия такая, для комментария к которой оказались уместны реплики столь различных авторов? Это серия из 12 листов, где каждый лист представляет собою вариацию «призывов», по форме повторяющих праздничные плакаты доперестроечных времен («Дадим стране...!»), на главную тему календаря «ПОРА заняться делом»: «вмажем!», «покасим!», «поддадим!», «бахнем!», «хлопнем!», «долбанем!», «обмоем!», «вреем!», «засадим!», «отметим!», «сообразим!», «раздавим!». Думаю, из контекста ясно, о каких действиях идет речь. Прием, который использует автор, можно назвать «буквализация метафор»: на фоне черно-белого (точнее – серого, гризайльного) фотографического «натюрморта», состоящего из набора подходящих к случаю предметов, располагается, не перекрывая его, календарь на текущий месяц. И буквы, обозначающие дни недели, и числа слегка качаются, плывут и явно чувствуют себя слегка неуверенно. Внизу по центру листа – «призыв», девиз (ПОРА заняться делом) и чуть-чуть перекрывающий нижнюю правую часть надписи, как печать, – логотип «Кедра», изображенный на цветной фотографии колпачка водочной бутылки. И призыв, и девиз изображены зеленым цветом разной интенсивности. Зеленый цвет возникает не случайно, явно ассоциируясь с зеленым змием». В центре верхней части листа – 2004. В первом нуле надпись «КЕДР (зеленым цветом в рамке зеленого же цвета), ниже – «100 лет иркутской водке»; нули в числе 100 стилизованы под бутылки. Во втором нуле 2004 – цветная на зеленом фоне фотография различных ярлыков (своего цвета каждого месяца) водки или настойки. Девизы созвучны временам года и уместны для них видам деятель-

ности (январь – «хлопнем», май – «засадим», февраль – «долбанем»), подобраны из великого, могучего, но вошедшего в словари запаса. В них убедительная (я бы сказала – победительная) сила, ощущение которой возникает из краткости и энергии глаголов, обозначающих «необходимое» действие, увеличенного размера слова «ПОРА» и восклицательной интонации, дважды возникающей на каждом листе (в девизе и призыве). Наибольший интерес представляет подбор натюрмортов; каждый из них заслуживает отдельного комментария. Вот октябрь – «бахнем!»: сезон охоты. В нуле – изображение настойки «Таежная». В материальный подбор вошли охотничье ружье с переломленным стволом, патрон-таш, бинокль, рассыпанные гильзы и патроны, охотничий свисток, охотничий нож в футляре, часы-луковица. Смысл легко «читается», но внимательный зритель скажет, что предметы принадлежат именно сибирскому охотнику – они очень связаны и с настойкой «Таежная», и со всем ритуалом выхода в лес завязятых любителей этого действия. А где-то на краю сознания всплывает и «Утиная охота» А. Вампилова, тянущая за собой уже литературно-художественные смыслы. Они для Дейкуна тоже не случайные (я уже упоминала об оформлении Вампиловского фестиваля и спектаклей, в том числе «Утиной охоты»). Так же узнаваемы лопата и ломик для расчистки заснеженных улиц зимой, банный веник и шайка, кусок хозяйственного мыла и резиновые хозяйственные перчатки. Любой предмет ассоциируется с целым комплексом действий, хорошо знакомых иркутскому жителю по его повседневной практике.

Если посмотреть на панораму творчества Дейкуна, то рельефно просматривается то, что может быть названо «мифологией». Я имею в виду смысл, который вкладывает в этот термин французский философ и лингвист Ролан Барт: устойчивый способ объяснения чего-либо в общественной жизни, который «разумеется сам собою», используется автоматически, по привычке и укоренен в глубинах повседневной жизни народа или сословия. Сами события (или их интерпретация), «удостоенные чести» мифологизации, имеют специфические особенности. Они должны быть общеизвестны (чтобы не было необходимости описывать их от начала до конца при упоминании) и достаточно значимы для местного сообщества. Они должны быть просты, «одностовольны» для более-менее полного первоначального описания (возможно, в событии должен быть выделен только один сюжет?). Мифы и их смыслы передаются изустно, что делает их и чрезвычайно подвижными и устой-

чивыми одновременно. А фантазия передающего или простой эффект «испорченного телефона» создают эффект легкого искажения смысла, переноса акцентов при пересказе знакомого сюжета. Сама операция сравнения исходного смысла (или события, которое наблюдал сам человек) с интерпретацией доставляет слушателю и самому рассказчику особое удовольствие. Миф – это вовсе не обязательно замена истинных причин значительного события воображаемыми, вымышленными или желательными для участников-собеседников, которая возникает из-за отсутствия возможности «все правильно рассказать». Мифология может быть «развернута» в систему объяснений и истолкований, может быть рационализирована. Однако и в этом случае останется «нерастворимый осадок»: отзвук прошлого события, воспоминание о нем и о чувстве, им рожденных, закрепленное в устной или предметной форме. Мифология Дейкуна и имеет вид визуально-словесного описания некоторых особенностей российского характера (скорее даже сибирского): «сибирское здоровье», «сибирская сила», «сибирская тайга», «сибирское гостеприимство», «сибирская выносливость» (в том числе и по части употребления горячительных напитков). А кроме того – иронический полунамека на так называемый «телесный низ» во всем многообразии его проявлений и уже существующих анекдотов, острот и историй.

Но работы Дейкуна не только выводят из коллективного бессознательного некие фигуры мышления: они сами создают такие способы объяснения, описания и обоснования, которые ранее не наблюдались и которые рождаются благодаря знакомству с его творчеством. Тогда достаточно упомянуть слово-намека – и возникает закрепленный в коллективной памяти смыслообраз. Так легализуются, культурно обрабатываются «неприличные» события, отношения, смыслы, становясь риторическими и анекдотическими фигурами, понятными «для своих» мифами... А есть ли что-либо более непонятное для инокультурного, иноязычного потребителя, чем национальная или, тем более, местная мифология?

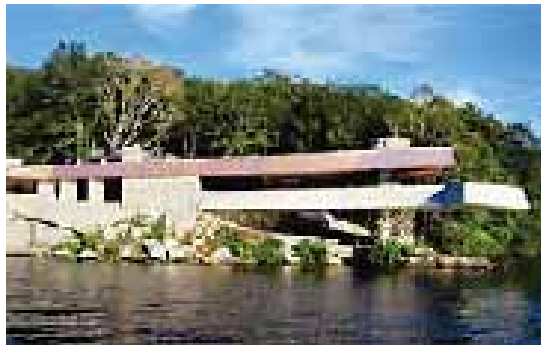
На этом можно было бы и закончить скромное по замыслу и содержанию эссе, но добавлю еще пару строк. Дейкун производит впечатление человека, который не до конца реализовал свои творческие силы и способности. И не потому, что слишком изыскан, элитарен. Напротив, его работы призывают к диалогу, он жаждет общения со зрителем. Можно сказать, что это человек, которому монолог, работа «в стол» противопоказаны: дизайнер по самой сути должен быть социально востре-

бованной фигурой. А в Иркутске ему, как кажется, негде реализовать свои замыслы: его проекты явно «перекрывают» потребности рекламного рынка города. Получается что-то вроде стрельбы из пушек по комам: в реализацию пустячного заказа вкладывается много творческой энергии, изобретательности и профессионализма. Конечно, и мелкие работы имеют значение. Дизайн же в целом – это социально значимая творческая инициатива, конструирующая (в данном случае) визуальный облик города. А в Иркутске много хороших дизайнеров – и нет дизайнера в городе, нет умной стратегии использования творческих сил для придания городу собственной иркутской «тональности». И пока это будет так, как сейчас, самой лучшей продукцией Владимира Дейкуна будут оставаться календари, открытки, обложки книг и афишки «на случай».

Марина Ткачева

Дом над озером

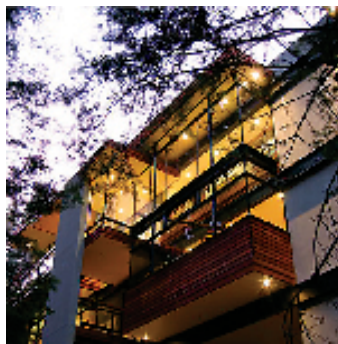

Место: остров на озере Махонак (Lake Mahonac) в Нью-Йорке
 Архитектор: Фрэнк Ллойд Райт
 Проект воплотил в реальность его ученик – Томас Хайнц

Этот летящий над утренним туманом дом нарисовал один из самых известных архитекторов XX века Фрэнк Ллойд Райт (Frank Lloyd Wright). Он выполнил несколько черновых эскизов, но возвести дом не успел. Через полвека после смерти мастера его ученик завершил замысел учителя и построил особняк точно таким, и в точности там, как задумывал великий американский зодчий.

«Дом над озером продолжил духом дома над водопадом»- <http://www.membrana.ru/articles/global/2006/06/14/202200.html>

Профессиональное сочетание среды и современного дизайна

Место: США, озеро Тахо
 Архитектурное бюро: GLS Design
 Архитектор: Joel Sherman

«Таким образом часто люди застревают на ностальгии к прошлому, возводя фасады для ретро», – говорит Sherman, – «и исход – фальшивка фасада приставленная к современному коробке.» С конструкцией Stal Tree Hus (стальной древесный дом) посреди растущего 6 000 поселка, архитектор и его клиент намереваются доказать, что возможно создать Современный дизайн, который впишется в среду, не нарушая её.

«Стальной деревянный дом» – http://architektonika.ru/2006/03/23/Steel_Tree_House_Joel_Sherman__stalnojj_derevjannyj_dom.html

Арт-галерея – связующее звено между исторической архитектурой, соответствующего места, и современной архитектурой квартала

Место: Испания, La Coruna
 Архитектурное бюро:
 Grimshaw Architects

Реализация: 2006 г.

Художественная галерея расположена на вытнутом вглубь квартала участке в исторической части города, заполняя последний «промежуток» на улице, среди застекленных галерей, которые стали символом старого города.

«Caixa Galicia Art Foundation» – http://architektonika.ru/2006/06/29/caixa_galicia_art_foundation__grimshaw_architects.html

Сайт арх.бюро: www.grimshaw-architects.com

<i>Владимир Бух</i>	От редактора.....	2
<i>Елена Григорьева</i>	12 Азиатский конгресс архитекторов	3
<i>Гаэтан Сью</i>	Трансформация городов.....	5
<i>Константин Лидин</i>	Танцы с драконом.....	8
<i>Александр Раппапорт</i>	Китай как предчувствие	17
<i>Хан Линфей</i>	Многофункциональный комплекс «Китайский Центр Пекина».....	19
<i>Александр Раппапорт</i>	Три тысячи небоскребов	30
<i>Андрей Шолохов</i>	Грезы Китая	32
<i>Светлана Середёнкина</i>	Город, живущий в будущем... ..	33
<i>Александр Ашихмин</i>	Маньчжурия, Маньчжурия.....	46
<i>Николай Крадин</i>	Русское архитектурное наследие в Китае.....	47
<i>Вячеслав Глазычев</i>	Токио – в поисках Японии	52
<i>Люциан Антипин</i>	Японский дневник. 1969	58
<i>Кишо Курокава</i>	Планирование новой столицы Республики Казахстан	61
<i>А. Ланьков</i>	Корейская жилищная политика	64
<i>Гван-Пьо Йи</i>	Здание Корейской Телекоммуникационной Компании «Йои-до»	68
<i>Кун-Чанг Йи</i>	Художественный музей Гьонгнам.....	74
<i>Гван-Пьо Йи</i>	Банк Голомт в Улан-Баторе.....	78
<i>Клаудиа Сандерс</i>	Впечатления о поездке в Монголию.....	80
<i>Светлана Середёнкина</i>	Сад четырех сезонов.....	82
<i>Наташа Шкедова</i>	Интернет-дайджест.....	88

соседи / neighbours

Всепроникающая глобализация снижает эффект соседства. Теперь мы все на земле – соседи. И все же поздороваться за руку, глядя в глаза друг другу, остается преимуществом тактильного контакта, сообщающего сторонам доверительную непосредственность, драгоценную саму по себе. Перенос этой метафизики на градостроительство, на архитектуру, на людей, которые ими занимаются, локализует наши усилия, но не делает их менее плодотворными и поучительными. А урок состоит в выравнивании уровней, как в сообщающихся сосудах. Нет ничего более важного для устойчивого соседства. Владимир Бух, главный редактор

All-penetrating globalization reduces the neighborhood effect. Now we are all neighbors on the Earth. Nevertheless, to shake hands looking into each other's eyes remains an advantage of the tactile contact, which imparts to the parties a confidential frankness that is precious as it is. This metaphysics transfer to urban planning, architecture, people that are involved into it localizes our efforts but does not make them less fruitful and instructive. The instruction consists in leveling the levels like in communicating vessels. There is nothing more important for a steady neighborhood. Vladimir Bukh, editor-in-chief

Азиатский конгресс архитекторов

текст и фото
Елена Григорьева

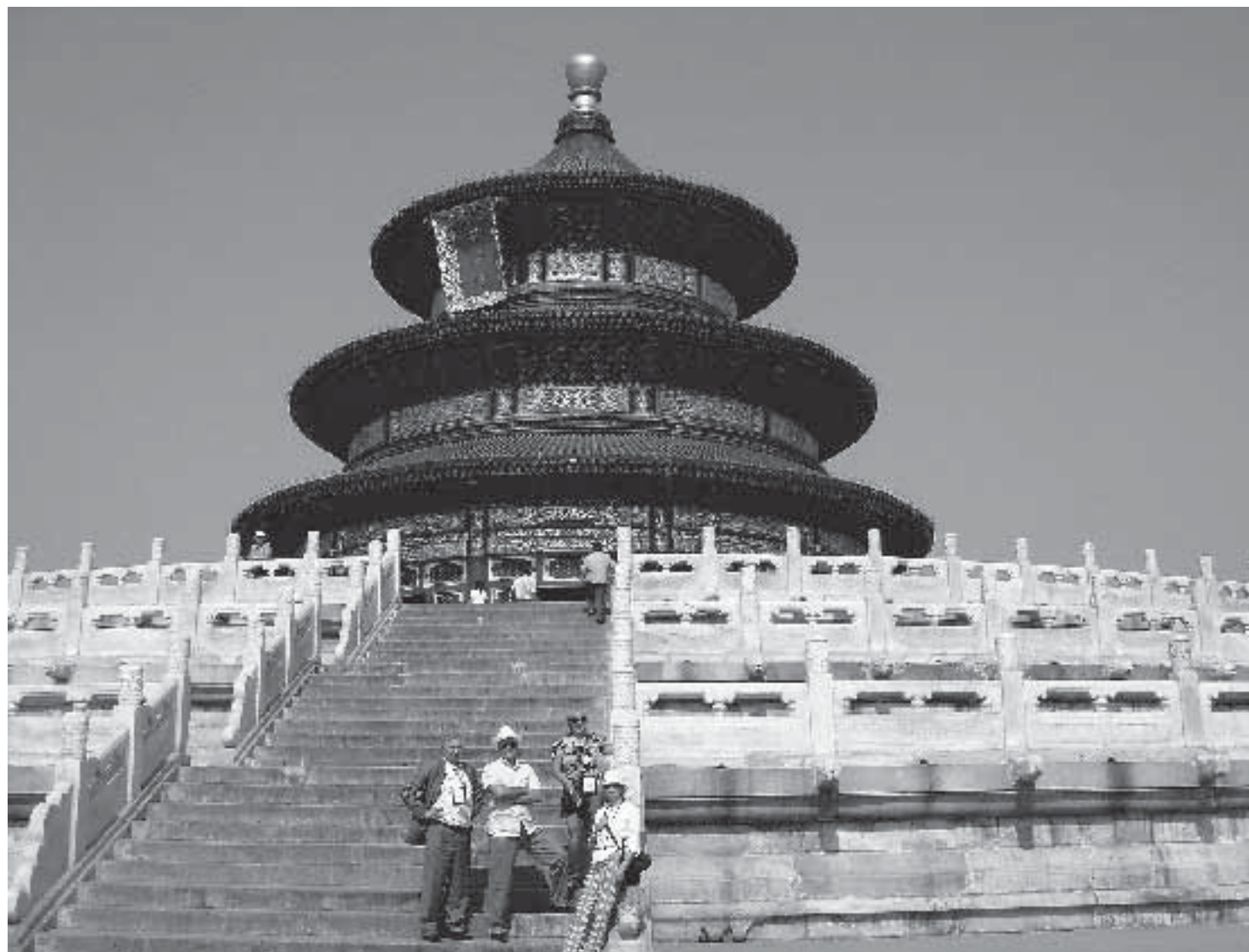
Открытие выставки

Президиум на пленарном заседании. В центре – Президент МСА Гаэтан Сью

С 17 по 24 сентября в Пекине и Шанхае состоялась 12 Азиатский конгресс архитекторов и 27 встреча Совета АРКАЗИИ. В Конгрессе приняли участие представители национальных архитектурных организаций из Австралии, Вьетнама, Бангладеш, Индии, Индонезии,

Кореи, Китая, Гонг Конг China, Макао China, Монголии, Малайзии, России, США, Таиланда, Филиппин, Шри-Ланки, Японии. Открывал работу Конгресса и выставки Президент Международного союза архитекторов Гаэтан Сью.

Эмблема Конгресса – храм Неба – в натуре. С российской делегацией на фоне

На конгрессе рассматривались актуальные вопросы роста городов, которые являются настоящим магнитом, притягивающим людей. Президент МСА Гаэтан Сью сообщил в своем докладе, что к 2020 году городское население планеты удвоится, и к нынешнему добавится еще два миллиарда человек. Не случайно темой Международного дня архитектуры в этом году стал город – магнит.

В состав российской делегации, возглавляемой вице-президентом СА России Григорием Куренным, вошли лидеры Дальневосточного и Восточно-Сибирского межрегиональных советов. 10 лет назад Иркутская организация САР наладила контакты с Монгольским Союзом архитекторов – членом объединения азиатских архитекторов «АРКАЗИЯ». Тогда идею иркутян о налаживании контактов с АРКАЗИЕЙ поддержали коллеги-дальневосточники, а затем и президент САР Юрий Гнедовский. В последние годы вектор госу-

дарственной политики России направлен на сотрудничество со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, таким образом можно считать, что иркутские архитекторы первыми сделали заявку на работу с этим регионом по линии МСА и региональных архитектурных организаций.

В первый день пребывания в Пекине делегацию СА России принял первый вице-президент Архитектурного общества Китая, главный редактор китайского архитектурного журнала г-н Джоу Чанг. В заключительный день шанхайской части мероприятий состоялся ужин с участием Президента Архитектурного общества Китая, Президента АРКАЗИИ и делегации СА России.

Выставка лауреатов Международного архитектурного фестиваля «Зодчество» – постройки Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска и Хабаровска – привезенная в Пекин, вызвала большой интерес участников Конгресса.

На протяжении всей поездки делегацию сопровождали владеющие русским языком китайские архитекторы, которые в разное время учились или защищали диссертации в СССР и России, люди, испытывающие к России любовь и уважение.

Поездка оказалась очень интересной в профессиональном отношении, насыщенной новыми деловыми и дружескими контактами и результативной.

Были достигнуты договоренности, в том числе и о сотрудничестве ПБ с китайским архитектурным журналом, об участии профессора Хан Линфея из Пекина в жюри 8й зимней сессии Байкальского градостроительного университета в феврале 2007 года, об участии студентов Пекинского и Малазийского университетов в той же сессии.

Нынешний председатель Совета АРКАЗИИ Иоланда Раис (Филиппины) пригласила Союз архитекторов России к участию в следующем заседании Совета Арказии в качестве наблюдателя (в этом статусе сейчас участвует Австралия). Это хорошая возможность расширения связей между организациями и архитекторами России и стран Азии.

Члены делегации СА России, профессор Хан Лифей и вице-президент Архитектурного общества Китая

Трансформация городов

The Transition of Cities

Введение

Два месяца назад многие из здесь присутствующих были в Ванкувере на Всемирном Градостроительном Форуме, где эти же темы обсуждались на мировом уровне. Тема, выбранная для сегодняшней конференции, чрезвычайно важна для решения проблем, встающих перед нами сегодня. С самого начала необходимо сказать, что ситуация в Азии не сильно отличается от ситуации в остальном мире. Однако есть одна особенность – это скорость!! Особенно в Китае! Все здесь движется с ускорением.

1. Ситуация

На пороге XXI столетия города занимают первые места по важности в списке вопросов, которые предстоит решить правительствам всех стран. Более 50% населения развивающегося мира уже живут в городской среде, в то время как городское население должно удвоиться, увеличившись более чем на 2 миллиарда жителей.

Города не только растут в размерах и количестве, они также получают новое влияние.

Трансформация городов дает значительные возможности для улучшения качества жизни всех людей, но насколько этот потенциал реализуется, во многом зависит от того, как происходит управление городами, какова политика национального и местного развития.

Со временем во всех странах урбанизация сопровождается устойчивое экономическое развитие и, при хорошем управлении, вносит свой вклад во всеобъемлющие доходы социального обеспечения.

Развитие городских территорий также тесно связано с сельским хозяйством посредством обмена труда, товаров, услуг, информации и технологий, капитала и социальных трудов, которые приносят пользу как городским, так и сельским жителям.

Однако игнорирование городских проблем приводит к значительным социальным затратам и затратам на окружающую среду.

К 2025 г. 2/3 бедного населения Латинской Америки, Европы и Средней Азии и около половины бедного населения Восточной и Южной Азии будут жить в городах.

Сущность бедности заключается не только в доходе или результатах труда, она также характеризуется экстремальными условиями жизни, угрозой жизни и здоровью, плохими санитарными условиями, загрязнением воздуха, криминалом и насилием, несчастными случаями на транспорте и стихийными бедствиями; а также кризисом в социальной защищенности семьи и общества.

Деградация городской окружающей среды непосредственно влияет на бедное городское население, а также оказывает серьезное национальное и мировое воздействие.

2. Новая стратегия МСА

Растущая важность этих вопросов требует обновленной стратегии МСА, разработанной для решения как национальных, так и корпоративных задач, а именно: сокращение бедности, обеспечение всеобъемлющего роста, защита окружающей среды и поддержка эффективных учреждений.

Решение этих задач требует более тесных рабочих взаимоотношений с местными органами власти в партнерстве с национальным правительством и самими сообществами.

В дополнение к основным действиям, связанным с городским развитием, а именно: муниципальному управлению, жилищной реформе и предоставлению местных

Introduction

Two months ago a number of us present here were in Vancouver at the World urban Forum where the same topics were debated at world level. The subject chosen our conference today is extremely relevant to the issues challenging us right now. From the outset it is important to say that Asian context is not too different from the rest of the world. However it has one specificity, speed!! Especially in China! Everything is accelerated.

1. The Context

At the threshold of the 21st century, cities and towns are on the top priority lists of issues of all governments. Over 50% of the developing world's population already lives in urban areas, while urban residents will double, increasing by over 2 billion inhabitants.

Cities and towns are not only growing in size and number, they are also gaining new influence.

The urban transition offers significant opportunities to improve the quality of life for all individuals, but whether this potential is realized depends critically

- on how cities are managed and
- on the national and local development policies.

Across all countries over time, urbanization accompanies

- sustained economic improvement and, when well-managed, contributes
- to broad-based social welfare gains.

The development of urban areas is also closely linked to the rural economy through

- the exchange of labour, goods, services,
- information and technology,
- capital, and
- social transactions that benefit residents in both locations.

Neglecting urban issues leads to significant social and environmental costs, however.

By 2025, 2/3 of the poor of Latin America and Europe/Central Asia, and nearly half of the poor in East and South Asia will reside in cities or towns.

The nature of poverty is more than an income or job issue, and is also characterized by extreme living conditions, risks to life and health, poor sanitation, air pollution, crime and violence, traffic accidents, and natural disasters; and the breakdown of traditional familial and communal safety nets.

Urban environmental degradation has the most immediate effects on poor urban residents but also has serious national and global impacts.

2. A New UIA Strategy

The growing importance of these issues calls for a renewed UIA strategy geared to serving national, as well as corporate, objectives of reducing poverty, promoting broad-based growth, protecting the environment, and supporting effective institutions.

Achieving these objectives requires a closer working relationship with the local governments in partnership with national governments and the communities themselves.

In addition to the core urban development activities of

ТЕКСТ

Гаэтан Сью, Пекин, Китай, 20 сентября 2006 г., речь на Азиатском конгрессе архитекторов

text

Gaetan Siew, Beijing – China 20 sep 06

Гаэтан Сью Президент Международного Союза Архитекторов Получил образование во Франции (1979). С 1981 — собственная практика на Маврикии. В список работ по региону Индийского океана входят аэропорты, отели, посольства на Маврикии, во Франции и Индии, офисные и торговые здания, проекты развития прибрежных территорий. Победитель нескольких архитектурных конкурсов, в том числе Центрального банка на Маврикии и аэропорта в Родригесе. Его проекты традиционного для острова Маврикий жилья опубликованы в ПБ 4. Активный деятель МСА с 1993 года.

Gaetan SIEW President of the International Union of Architects 1979 — Unite Pedagogique d'Architecture de Marseille — France Own practice since 1981 in Mauritius. Works in Indian Ocean Region include airports, hotels, and embassies in Mauritius, France and India, office buildings, shopping centres, waterfront developments. Winner of architectural competitions including Central Bank of Mauritius, Airport of Rodrigues. His projects of tradition living houses were published in N4 PB. Active figure in UIA since 1993.

коммунальных услуг, – расширяется всемирная программа работы по градостроительству, чтобы включить в себя различные пункты, такие как местное экономическое развитие, доступ к рынку ценных бумаг, реформа рынка недвижимости, городское культурное наследие, уменьшение катастроф и общественная безопасность.

В нашей Рабочей Программе МСА имеет более чем 50-летний опыт работы в управлении градостроительством, строительстве социального жилья и устранении бедности. В данный момент директор нашей Рабочей Программы по этим вопросам находится в Найроби и занимается вопросами африканских городов и программой ООН по населенным пунктам.

Это действия, последующие за нашим договором, заключенном в прошлом году в Джакарте.

Конечная цель этой обновленной стратегии – способствовать повышению качества жизни населения устойчивых городов, в частности, улучшая жизнь бедным, поддерживая справедливость и внося свой вклад в прогресс всей страны.

3. Устойчивые города

Стратегия предлагает программу работы как с государственными, так и с местными органами власти, чтобы развивать устойчивые города, которые, в первую очередь:

- Пригодны для жизни
- Конкуреноспособны
- Имеют хорошее руководство и управление
- Устойчивы.

3.1. Пригодны для жизни – им поручено гарантировать получение бедными людьми здорового и достойного уровня жизни, что обеспечит системы для достаточного жилья, гарантированного землепользования, кредита, транспортных средств, здравоохранения, образования и других услуг для ведения домашнего хозяйства и будет направлено против экологической деградации, на охрану общественной безопасности и культурного наследия для пользы всех жителей.

3.2. Конкуреноспособны – они будут обеспечивать поддержку производственных фирм, чтобы способствовать активному, всеобъемлющему росту занятости, доходов и инвестиций.

3.3. Имеют хорошее руководство и управление – с представлением и включением всех групп городского сообщества; с подотчетностью, честностью и прозрачностью правительственных действий в преследовании общих целей и с мощными возможностями местного правительства для выполнения общественных обязанностей, основанных на знании, умении, ресурсах и методах, которые используют партнерские отношения.

3.4. Устойчивые – то есть культурно, экологически, социально и финансово стабильные.

Чтобы следовать этим четырем взаимосвязанным целям, предлагаемая стратегия нуждается в глобальном подходе, где наша профессия может сыграть ведущую роль.

В этом историческом ракурсе МСА, совместно с программой ООН по населенным пунктам, будет выборочно вмешиваться с целью поддержать города и страны, где сильны обязательства участников проекта перед нашими общими целями и городскими проблемами. В дальнейшем стратегия потребует от МСА внести инвестиции в свои собственные градостроительные знания и возможности и работать при укрепленных партнерских отношениях.

4. Построение блоков стратегии

Для нового акцента в городской поддержке МСА предлагаются четыре основных мероприятия:

4.1. Формулировки национальных городских стратегий – помочь руководителям понять и сформулировать, какой

- municipal management, housing reform, and delivery of local public services, the global urban agenda is expanding to include diverse issues such as;

- local economic development,
- capital market access,
- real estate market reform,
- urban cultural heritage,
- disaster mitigation, and
- public safety.

Through our WP, UIA holds over 50 years of operational experience in urban governance, social housing and eradication of poverty. At this very moment our WP director on these issues is in Nairobi for Africities and for UN-Habitat.

This is a follow-up on our agreement last year in Jakarta.

The ultimate aim of this renewed strategy is to promote sustainable cities and towns for the quality of life of their inhabitants-in particular by improving the lives of the poor and promoting equity, while contributing to the progress of the whole country.

3. Sustainable Cities

The Strategy proposes an agenda for working with both national and local governments to develop sustainable cities, which are first and foremost:

- Livable
- Competitive
- Well governed and managed
- Sustainable

3.1. Livable – committed to ensuring that the poor achieve a healthy and dignified living standard; that provide systems for adequate housing, secure land tenure, credit, transportation, health care, education, and other services for households; and that address, environmental degradation, public safety and cultural heritage preservation for the benefit of all residents.

3.2. Competitive – providing a supportive framework for productive firms, to promote. buoyant, broad-based growth of employment, incomes and investment.

3.3 Well governed and managed-with representation and inclusion of all groups in the urban society; with accountability, integrity, and transparency of government actions in pursuit of shared goals; and with strong capacity of local government to fulfill public responsibilities based on knowledge, skills, resources and procedures that draw on partnerships.

3.4 Sustainable – that is, culturally, environmentally, socially and financially sound.

To pursue these four interrelated objectives, the proposed strategy needs a global approach where our profession may have a leading role.

Within this holistic perspective, UIA, together with UN-Habitat would intervene selectively to support cities and countries where there is a strong commitment by stakeholders to our shared objectives to meet the urban challenges.

The Strategy will further require UIA to invest in its own urban knowledge and capacity, and to work through strengthened partnerships.

4. Building Blocks of the Strategy

Four main activities are proposed for new emphasis of the UIA's urban support:

4.1 Formulation of national urban strategies-helping constituents understand and articulate how the urban transition can contribute to national goals of growth and poverty reduction, to identify the economic roles and development requirements of different types of cities within the country.

вклад может внести трансформация городов в национальные цели, направленные на рост и сокращение бедности, в определение экономических ролей и требований к развитию различных видов городов внутри страны.

4.2. Поддержка стратегий развития городов – облегчение процессов участия, которыми местные участники проекта определяют представление своего города, анализируют экономические перспективы и обозначают приоритеты деятельности и внешней помощи при реализации стратегии.

4.3. Программы увеличения числа услуг бедным, включая усовершенствование бедных округов, основываясь на общественных инициативах с поддержкой партнеров как общественного, так и частного сектора.

4.4. Улучшенная помощь в полномасштабном строительстве – дополнение к действиям по городскому руководству, поддержка промежуточных организаций, таких как муниципальные ассоциации, в качестве механизма, обучение городскому руководству, предоставление услуг программы ООН по населенным пунктам и Союза Городов (организацией Международного Банка), а именно: технической помощи, обучения и передачи опыта и предоставления прямых консультационных услуг по различным аспектам городского управления.

Вышеперечисленные мероприятия отражают степень взаимодействия МСА и программы ООН по населенным пунктам в таких сферах, как городская среда, сохранение городского культурного наследия.

5. Заключение

Достижение большого результата помощи в городском развитии зависит от расширения внутренних и внешних партнерских отношений, укрепления навыков персонала, получения больших ресурсов для профессионального изучения и исследования, передачи знаний и предоставления более полного подхода к вопросам города.

Активная вовлеченность всей профессии в данную стратегию значительно повысит эффективность международной поддержки развития городов.

Такая попытка действительно превратит идеи в действия по созданию лучшего будущего для городов во всем мире.

Мы рассчитываем на участие каждого из вас в данной программе.

Спасибо.

4.2 Support to city development strategies-facilitating participatory processes by which the local stakeholders define their vision for their city, analyze its economic prospects, and identify priorities for action and for external assistance to implement the strategy.

4.3 Scaling-up programs of services for the poor including through upgrading of low-income urban neighborhoods based on community-based initiatives with the support of both public and private sector partners.

4.4 Enhanced assistance for capacity-building--supplementing city management operations by supporting intermediary networks, such as municipal associations, as mechanism by providing Urban Governance training with UN-Habitat and Cities Alliance (a World Bank org), technical assistance, training and sharing of experience; and providing direct advisory services on a variety of urban management issues.

The above activities illustrate UIA's relevance to UN-Habitat in areas such as urban environment, urban cultural heritage preservation.

5. Conclusion

Achieving greater impact in urban development assistance depends on expanding internal and external partnerships, reinforcing staff skills, acquiring greater resources for professional learning and research, knowledge-sharing, and providing more complete treatment of urban issues.

Enthusiastic commitment by the whole profession to the strategy would significantly raise the profile and effectiveness of the International support to urban development.

Such an effort would really turn ideas into action and create a better future for cities of the world.

I wish you success in this conference and we count on each one of you for this programme.

Thank you.

Танцы с драконом (диалектика хаоса и порядка в культурах Дальнего Востока)

Dancing With the Dragon (chaos and order dialectics in the Far East cultures)

текст
Константин Лидин

text
Konstantin Lidin

Китайский иероглиф «ли» чаще всего переводится словом «небо». Однако истинный философ (жу) читает в этом иероглифе и понятие «принцип, правило, резон», а также «благопристойность, ритуал, порядок».

Порядок в большинстве культур мира почитается небесным даром, благодатью и добрым началом. Напротив, хаос – это зло. Для древнего китайского земледельца воплощением хаоса были наводнения. Крупнейшие реки Китая Хуанхэ и Янцзы текут по глинистым лёссовым равнинам, воды их полны ила, и русла часто оказываются перегорожены наносами. Тогда огромные территории затапливаются тяжелой, грязной водой.

Величайший герой китайской мифологии Юй проводит жизнь в борьбе с наводнениями. Он ездит по всей Поднебесной, руководит строительством дамб и каналов, изобретает машины и орудия для ирригации. Его сражения с хаосом настолько непрерывны, что даже медовый месяц с молодой женой укладывается в шесть дней. Его конечности искривлены ревматизмом, кожа почернела от солнца и ветра, щеки ввалились. Когда в благодарность за заслуги его избрали императором, он продолжил борьбу с демонами хаоса, создавая магические ритуалы и волшебные амулеты, пока не умер внезапно среди своих великих трудов. Принцип «ли» в характере великого императора был настолько силен, что «к тому месту, где находилась могила Юя, постоянно прилетали птицы, чтобы весной с корнем выдергивать сорную траву, а осенью склевывать семена. Еще в одном удивительном предании говорится, что птицы, уничтожившие сорняки около могилы Юя, выстраивались по росту, в их поведении был строгий порядок и прилетали они в определенное время».¹

Символом хаоса считается дракон. Дракон (он же Змей, он же Червь), как и прочие архетипические символы, присутствует в самых разных культурах и во множестве вариантов конкретной трактовки. Египетский змей Апоп и вавилонская Тиамат, хеттский дракон Кумарби и ацтекский пернатый змей Кецалькоатль, древнегреческий Тифон, индустский Вритра и так далее² – все эти драконы и змеи являются чудовищами, с которыми сражается положительный герой. В христианской культуре Змей – воплощение Сатаны, соблазнившего Еву нарушить божественный порядок. Неблагопристойный поступок первой женщины вызвал изгнание людей из рая на землю, в царство хаоса и беззаконий. Да и в других монотеистических религиях Змей (Червь) чаще всего символизирует абсолютное зло, распад, разложение, смерть.

Для западных культур – наследниц Древней Греции и Ветхого Завета – дракон всегда враг. Соответственно, герой-драконоборец представляет собой воплощение абсолютного добра и справедливости, а заодно и всех возможных человеческих достоинств. Герой всегда добр, честен, благороден и милосерден. Он убивает дракона не потому, что любит насилие, а по необходимости: зло должно быть уничтожено – и все тут. В одном из апокрифов раннего Средневековья рассказывается, что святой Георгий, эфес-

The Chinese hieroglyph «li» is often translated as «sky». However, a genuine philosopher (zhu) sees in this hieroglyph also «principle, rule, reason» and «decency, rite, order».

The order in the majority of cultures is considered a heavenly gift, grace and a good beginning. On the contrary, the chaos is an evil. An ancient Chinese farmer considered water floods to be embodiment of chaos. The biggest rivers in China, Hwang Ho and Yangtze, are running along the clay loessial plains, their waters are full of silt, and their beds often turn out to be dammed by drift. Then the huge territories are flooded by heavy muddy water.

The greatest hero of Chinese mythology Yui spends his life in struggling against water floods. He travels around the Heavenly Empire, heads building dams and channels, contrives machines and tools for irrigation. His struggles against chaos are so persistent that even the honeymoon with his young wife is managed in six days. His limbs are crooked with rheumatism, his skin is black because of the sun and the wind, his cheeks are hollow. When owing to his deserts he was elected the emperor, he continued struggling against the chaos demons, creating magic rites and amulets until he died suddenly surrounded by his great works. The «li» principle in the great emperor's nature was so strong that «the birds kept flying to the place with Yui's grave to pull out the weeds in the spring and pick up the seeds in the autumn. Another wonderful legend says that the birds that did away with the weeds near his grave lined up in size order, their behavior kept to a strict order, and they came at a definite time»¹.

The symbol of chaos is a dragon. The Dragon (Serpent or Worm), like other archetypal symbols, is present in different cultures and many variants of a concrete interpretation. Egyptian serpent Apop and Babylon Tiamat, Hettite dragon Kumarbi and Aztec feathered serpent Kezalkoatl, Ancient Greek Typhon, Hindu Vritra and so on² – all these dragons and serpents are the beasts that a positive hero is to struggle against. In the Christian culture the Serpent is an embodiment of Satan that tempted Eve to disturb the divine order. The first woman's indecent deed caused banishment of people from the paradise to the earth, the land of chaos and lawlessness. In other monotheistic religions the Serpent (Worm) also mostly symbolizes an absolute evil, breakdown, decay and death.

The Dragon is always an enemy for western cultures, the successors of Ancient Greece and Old Testament. Consequently, a hero that struggles against the dragon embodies an absolute good and fairness together with all possible human merits. The hero is always kind, honest, generous and merciful. He kills the Dragon not because he likes violence, but of necessity: the evil must be exterminated and that's that. One of Apocrypha of the early Middle Ages tells us that Saint George, an Ephesian soldier, harnessed a wide Serpent, reined it and brought it to the town, but scared citizens demanded him to kill the tame reptile.

1. Юань Кэ. Мифы древнего Китая. – М.: Наука, 1965 г. – с. 240

2. Мелетинский Е.Н. О литературных архетипах. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1994 г. – 136 с.

1. Yuan Ke. Myths of Ancient China. – M.: Nauka, 1965 – p.240
2. Meletinsky E.N. About Literary Archetypes. M.: Russian State Humanitarian University, 1994. – 136 p.

ский солдат, обуздал дикого Змея и привел его в город на поводке, но испуганные жители потребовали убить прирученного гада. Западные культура и цивилизация строят свои отношения с хаосом на пафосе битвы. Прогресс заключается в совершенствовании оружия драконоборцев.

Традиционная китайская культура вообще с большим сомнением относится к идее прогресса. История человечества, согласно принципам «нефритового колеса», движется не по прямой или хотя бы извилистой дороге прогресса, а по кругу. Чрезмерное развитие какого-то свойства (например порядка и справедливости) само собой вызывает к жизни противоположные свойства мирового дао. Существенной особенностью китайских мифических героев – борцов против Хаоса – является их собственная подверженность Хаосу. Борьба против драконов, герои китайских мифов сами зачастую происходят от дракона. Например, «идеальный правитель» Шунь описывается как человек небольшого роста, горбатый, с кожей черного цвета и с двумя зрачками в каждом глазу. Его зачатие от яркой радуги (один из символов дракона) подтверждалось наличием «драконовой метки» на лбу. Изобретатель хлебопашества и траволечения, великий герой и правитель Шэнь-нун также был зачат от дракона, отчего родился с телом змеи, бычьей головой, тигриным носом и кожей зеленого цвета. Величайший из героев Юй имел вид дракона с двумя рогами на голове – и так далее.

Традиционная китайская культура трактует человека, особенно яркого и творческого, как неустойчивое сочетание противоположностей – силы и слабости, порядка и хаоса. Сила творческой личности выявляется в столкновениях с внешним врагом: стихийными бедствиями, чудовищами, агрессорами, невежеством и заблуждениями. Слабость ее – в неспособности противиться собственным незаконным и несправедливым импульсам, своей гордыне, заносчивости, жадности. До тех пор, пока человек погружен в свои повседневные труды, равновесие его качеств смещено к упорядоченной стороне. Достижение богатства, славы и покоя зачастую приводит к парадоксальному результату: хаос в душе человека берет верх – и герой превращается в дракона. Битва с драконом не на жизнь, а на смерть в китайской культуре замещена чем-то вроде ритуального танца человека с драконом: человек не может уничтожить хаос, но иногда способен его перехитрить, обыграть и использовать в своих интересах.

The western culture and civilization builds its relations with chaos on struggle pathos. The progress consists in perfection of the arms to struggle against the Dragon.

The traditional Chinese culture doubts much about the idea of progress. The mankind history, according to the principles of «Jade wheel», does not move along the straight or at least winding road of progress, but it circles. Excessive development of an attribute (for example, of an order or a fairness) calls into being opposite attributes of the world Dao. Chinese mythical heroes – fighters against the Chaos – have a characteristic feature – their own subjection to the Chaos. While struggling against the dragons, the heroes of Chinese myths often descend from a dragon. For example, «an ideal ruler» Shun is described as a man of small height, humpbacked, with a black skin and two pupils in each eye. His conception from a bright rainbow (one of the dragon symbols) was proven by «a dragon mark» on his forehead. An inventor of husbandry and herbal treatment, a great hero and a ruler, Shen-nun was also conceived from a dragon, that is why he was born with a serpent's body, a bull's head, a tiger's nose and a green skin. The greatest hero Yui looked like a dragon with two horns on his head, and so on.

Traditional Chinese culture interprets a human being, especially a bright and creative one, as an unsteady combination of opposites – strength and weakness, order and chaos. A creative personality's strength shows up in collisions with an external enemy: natural disasters, beasts, aggressors and ignorance. His weakness is in inability to stand up against his own illicit and unfair impulses, his arrogance and greediness. While a man is plunged into his everyday work, the balance of his qualities is shifted to an ordered side. Getting wealth, fame and rest leads to a paradoxical result: chaos in the man's soul gains the upper hand and the hero turns into a dragon. The fight against the dragon to the death is replaced in the Chinese culture by a kind of rite dance of a man with a dragon: a man cannot eliminate the chaos, but sometimes he can outwit it and take advantage of it.

Everything foresaid relates not only to Chinese cultural tradition. The theses formulated by Ancient Chinese philosophers spread around all the territory of the region and seized a strong hold on millions of people's minds. Profundity and versatility, clarity of presentation and

Панорамный снимок Эдо (Токио). Так выглядела столица Японии всего полтора столетия назад

Главная улица Пхеньяна в период японской оккупации (1936 год)

Главная улица Сеула в период японской оккупации (1939 год)

3. Ланьков А. Два источника и две составные части корейского национализма. – Сервер «Заграница». – http://world.lib.ru/type/index_type_4-1.shtml

Все вышесказанное относится не только к китайской культурной традиции. Сформулированные древнекитайскими философами положения в последующие века распространились по всей территории региона, овладев умами миллионов. Глубина и универсальность, ясность изложения и прикладная ценность книг Лун Юй или Дао Дэ Цзин остаются непревзойденными и сегодня. В результате древнекитайская культура на Дальнем Востоке стала играть примерно такую же роль, как античная – на Западе. Великие философские системы Мо Цзы, Лао Цзы и особенно Кун Цзы (Конфуция), созданные в середине первого тысячелетия до н.э., образуют единый фонд идей и понятий для Китая, Японии, Кореи, Сингапура, Тайваня, Гонконга, Вьетнама. Огромное количество иероглифов китайского происхождения и сегодня входит в японскую и корейскую письменность. Например, в современной Корее доля китайских заимствований в газетном тексте на политические темы может достигать 80%. В разные периоды истории (Хэйань в Японии, Чосон в Корее) китайское влияние становилось особенно заметным, примерно таким, как влияние Византии на Древнюю Русь. Несмотря на конфессиональную и этническую разнородность, образовалась огромная по населению общность со схожими особенностями менталитета и образа жизни. В специальной литературе можно встретить выражение «страны конфуцианской цивилизации»³. Заметим, кстати, что конфуцианство не является религией – это морально-этическое учение, апеллирующее не к страху Божьему, а к интересам процветания семьи, сообщества, государства.

В новейшие времена народы региона испытали еще одно объединяющее влияние: все они стали участниками глобального противостояния супердержав – США и СССР. Сразу по окончании Второй мировой войны Япония попала под активный патронат Америки, а Китай и Монголия – под такую же пристальную опеку сталинского СССР. Сверхдержавы впервые столкнулись в открытую на территории Кореи. Напряжение на полуострове, разделенном на два государства, в течение пяти лет возрастало, пока не взорвалось войной. В течение всего одного (1950-го) года вначале Северная Корея практически полностью захватила южную часть полуострова. Затем экспедиционный корпус американских войск стремительно оттеснил силы Ким Ир Сена на север, а китайская «добровольческая» пехота столь же стремительно выдавила «силы ООН» до нынешних границ между Южной и Северной Кореей. Разрушения и человеческие потери в Корейской войне можно сравнить разве что с ужасами Гражданской войны в России – за одним исключением: корейская война так и не была официально окончена, обе корейские державы до сих пор находятся в состоянии «тлеющего конфликта».

Противоборство коммунизма с антикоммунизмом продолжилось в регионе и после смерти Сталина, хотя и менее кровавыми средствами. Идеологическая борьба переместилась в плоскость материальной культуры, соперничества экономических систем и духовных ценностей. При этом создается впечатление, что сам факт нахождения на «линии фронта» глобального противостояния гораздо важнее для региона, чем принадлежность той или иной страны к тому или иному лагерю. Несмотря на демонстративные заявления по поводу идеологической непримиримости, страны «конфуцианской цивилизации» движутся по весьма схожим путям развития, на которых политическая и экономическая поддержка «соратников по борьбе» играет существенную роль. При этом не так важно, является ли таким соратником коммунистический СССР или антикоммунистические США, – важны масштабы и формы помощи.

В шестидесятых годах прошлого века, когда Япония совершила стремительный рывок в своем развитии, мно-

applicable value of the books by Lun Yui or Dao De Tzin remain unsurpassed. As a result the ancient Chinese culture in the Far East started playing the same role as an antique one in the West. The great philosophic systems Mo Tzu, Lao Tzu and especially K'ung-fu-tzu (Confucius) created in the middle of the first century A.C. form a common fund of ideas and concepts for China, Japan, Korea, Singapore, Taiwan, Hong Kong, Vietnam. A great number of hieroglyphs of Chinese origin keep on entering Japanese and Korean written language. For example, in present-day Korea the share of Chinese borrowings in a newspaper text on politics amounts to 80%. In different historical periods (Heian in Japan, Choson in Korea) Chinese influence became especially evident, almost as Byzantium influenced Old Russia. A huge community with similar mentality features and way of life appeared despite confessional and ethnic heterogeneousness. In special books there is an expression: «countries of Confucius civilization».³ It should be noted as well that Confucianism is not a religion – it is a moral-ethic doctrine that appeals not to the fear of God but to the concern of prosperity for family, community and state.

Recently peoples of the region experienced one more unifying influence. They became participants of a global confrontation of two superpowers – the USA and the USSR. After the end of the World War II Japan got under active auspices of America, and China and Mongolia – under steadfast surveillance of Stalin's USSR. The first open collision between the superpowers was in Korea. The tension on the peninsula divided into two states had been rising for five years until it exploded into a war. Within only one year (1950) first North Korea captured the southern part of the peninsula almost completely. Then American expeditionary corps forced Kim Ir Sen's forces back to the north. Then Chinese «voluntary» infantry dislodged «UNO forces» to the present boundaries between South and North Korea. Destructions and casualties in the Korean War can be compared to the horrors of the Civil War in Russia, with one exception: the Korean War was not officially finished, both Korean powers are still in the «smoldering conflict».

After Stalin's death the struggle between communism and anticommunism did not stop in the region, its means became less bloody though. Idealistic struggle shifted to the sphere of material culture, economical systems competitiveness and cultural wealth. It gives an impression that the fact of global confrontation on the «front line» is more important for the region than this or that country's belonging to this or that camp. Despite their demonstrative announcements about ideological incompatibility, the countries of «Confucius civilization» develop on quite similar ways, where political and economical support provided by «companions-in-arms» plays a vital part. At the same time it is not very important whether this companion is the communist USSR or the anticommunist USA. The scale and forms of power are more significant.

In the 60-s of the last century, when Japan had a great onrush, it seemed to many people that the reason of this economical wonder was americanization, democratization and demilitarization. Later, however, South Korea's economy had similar upsurge: within thirty years (1965-1995) its GNP per capita had grown one hundred times, and the volume of exports – five hundred times. In the economic boom period American type of democracy was not observed there: military dictators and generals ruled South Korea. Korea's economic take-off started when in 1965 a federal five-year plan (!) was adopted and continued under constant active government

3. Lankov A. Two Sources and Two Components of Korean Nationalism. – Server «Zagranitza». – http://world.lib.ru/type/index_type_4-1.shtml

гим стало казаться, что причиной экономического чуда является американизация, демократизация и демилитаризация. Однако немногим позже аналогичный взлет совершила экономика Южной Кореи, где за тридцать лет (с 1965 по 1995 гг.) ВВП на душу населения вырос в сто раз, а объем экспорта – в пятьсот раз. В период экономического бума отнюдь не наблюдалось демократии американского образца: Южной Кореей в этот период управляли военные диктаторы, генералы. Экономический взлет Кореи начался с принятия в 1965 году правительственного пятилетнего плана (!) и развился при постоянном и активном вмешательстве государства во все ключевые отрасли (что в США было бы расценено как «ползучий социализм»).

В девяностых годах XX века рост экономики Японии замедлился, и стали появляться признаки стагнации. После валютного кризиса 1997 года аналогичное замедление испытала и экономика Кореи. Сейчас по тому же сценарию происходит «китайское экономическое чудо». Несмотря на идеологические различия, схема «чудес» удивительно похожа: сравнительная бедность природных ресурсов заставляет экономику опираться на человеческий потенциал. «Азиатская нефть» – многомиллионное население сельских районов: трудолюбивое, аскетически неприхотливое, впитавшее на самых глубоких уровнях конфуцианские принципы подчинения личности обществу. Движитель экономических чудес – крестьянин, переехавший в город, получивший в руки современную технологию с высочайшим уровнем производительности труда, и счастливый оттого, что каждый день может досыта покушать. «Разность потенциалов» между аскетической традиционной культурой и консюмеристическим образом жизни составляет источник социальной энергетики «больших драконов». Когда же процент городского населения достигает уровня развитых стран (70-80%), экономический взлет сменяется стабильным богатым существованием с явными признаками декаданса и стагнации.

Ориентированная на экспорт, высокотехнологичная, опирающаяся на человеческий потенциал – такие характеристики вполне справедливы по отношению к экономикам Японии и Южной Кореи, Сингапура и Китая. Получив от Запада передовые технологии – наработки в области борьбы с хаосом, дальневосточные державы смогли заметно усовершенствовать свои «игры с драконом». Но, разумеется, победить его даже и не пытались. Дракон нашел себе обличье, уравнивающее глобалистические тенденции, – обличье национализма.

По мере того как противоборства супердержав уходят в прошлое, становятся все заметнее традиционные противоречия, которые веками копились между странами региона. С точки зрения европейца (в том числе – россиянина) японцы, корейцы, китайцы, монголы выглядят похожими, почти родственными членами единой «семьи народов». И в этом «семейном кругу» трудно переоценить глубину и остроту взаимных претензий, недоверия и обид, многим из которых – сотни и тысячи лет.

Причины необычайной исторической злопамятности лежат в мироощущении конфуцианской цивилизации. Народы, двести поколений подряд вдохнувшие идеи реинкарнации, неизбежно относятся к истории иначе, чем «однова живущие» европейцы. Глубочайшее убеждение в том, что каждый человек рождался и умирал уже множество раз и будет посещать эту землю еще и еще, выглядит для конфуцианца совершенно естественным. Несколько лет назад один мой знакомый монгол с большим трудом и хлопотами вывозил из Иркутска детскую коляску для ребенка своей очень дальней знакомой. На вопрос, ради чего он так старается для чужого человека, Отгон Байяр

intervention in all key fields (in the USA it would have been regarded as «creeping socialism»).

In the nineties of the XXth century Japan's economic growth shifted into low gear and signs of stagnation appeared. After the monetary crisis of 1997 Korea's economy experienced similar slowdown. Now «Chinese economic wonder» is following the same scenario. Despite all the ideological differences the «wonder» scheme is surprisingly similar: comparative poorness of natural resources makes the economy rely on human potential. «Asian oil» is numerous rural people: they are hardworking and austere unpretentious; they have taken in Confucian principles of personality subordinated to society. The driver of economic wonders is a peasant that has moved to the city, got modern technology with high level of labor productivity and become happy that every day he can eat substantially. «Potential drop» between austere traditional culture and consuming way of life forms the source of social energy of «big dragons». When the percentage of urban population reaches the level of developed countries (70-80%), economic take-off is replaced by stable rich living with evident signs of decadence and stagnation.

Export oriented, high-tech, relying on human potential – these are the attributes true for economies of Japan and South Korea, Singapore and China. Having got high technologies from the West, that is pieces of experience in struggling against the chaos, Far East powers were able to considerably perfect their playing with the dragon. Of course they did not even try to win it. The dragon has obtained a new guise balancing globalization trends – a guise of nationalism.

As confrontation of superpowers becomes a thing of the past, traditional oppositions generated between the countries of the region for ages become more and more evident. From the point of view of a European (including a Russian) the Japanese, the Koreans, the Chinese, the Mongolians look like similar, almost kindred members of a united «family of nations». In this «family circle» it is hard to overestimate the intensity and acuity of mutual claims, distrust and offence, which are hundreds and thousands years old.

The reasons of exceptional historical rancor are in world perception of Confucian civilization. Peoples that have been taking in reincarnation ideas for two hundred generations certainly have an attitude different from the one of Europeans, «living only once». Fundamental conviction that every human being has already been born and died many times and will come to this earth more and more times is natural to Confucians. Some years ago a Mongolian whom I know troubled much to take from Irkutsk a perambulator for a distant acquaintance of his. When asked why he took so much trouble for the sake of a stranger, Otgon Bayar answered seriously that a newborn girl had been his father in her previous life. That is why he as a son must do his duty and provide his father with a high-quality import perambulator. Of course such a man is able to perceive events happened many centuries ago as his own important vital problems requiring full-scale reaction.

The nature of offences has both similar and different features. Japan mainly accuses its neighbors of territorial unfairness. For example, they have pretensions to the group of Tokto islands (they belong to South Korea) or gas deposits on the continental platform in the East China Sea. Operation of these deposits is still blocked by Japan because of the status of the place disputed with China.

Japan has turned into «enemy №1» for the Koreans as a result of 35 years of colonial occupancy (1910-1946). The Koreans hate that period so much that almost all

4. Ким Хэнь. Социальное и политическое сознание в зеркале опросов // Сеульский вестник. – 05.2005 г.

5. Селищев А., Селищев Н. Экономика Китая в XXI веке. – СПб.: Питер. – 2006 г.

вполне серьезно ответил, что новорожденная девочка в прошлой жизни была его отцом. Поэтому сыновний долг велит обеспечить папу качественной импортной коляской. Разумеется, такой человек способен воспринимать события многовековой давности как свои личные проблемы, актуальные и жгучие, требующие развернутой реакции.

Характер обид, которые предъявляются друг другу, имеет и сходные, и различные черты. Япония главным образом обвиняет соседей в территориальных несправедливостях. Например, заявляются притязания на группы островов Токто (принадлежат Южной Корее) или газовые месторождения на шельфе Восточно-Китайского моря. Эксплуатация этих месторождений до сих пор блокируется японской стороной из-за спорности статуса данной точки моря, по поводу которой никак не удается договориться с китайской стороной.

Для корейцев Япония превратилась во «врага №1» в результате тридцатипятилетнего периода колониальной оккупации (1910-1946 гг.). Ненависть корейцев к этому периоду настолько сильна, что ее жертвой пали почти все архитектурные объекты, построенные японскими властями. Самой заметной потерей стало здание Национального музея в Сеуле. Построенное в 1916-1921 годы, здание предназначалось для канцелярии Генерал-губернаторства японского колониального правительства, и на протяжении тридцати лет оно оставалось самым крупным строением в Сеуле. В 1946 году именно здесь была провозглашена независимая Республика Корея. В 1984 году его передали Национальному музею. Однако в 1993 году здание было снесено, так как его облик и история слишком сильно напоминали о периоде японской оккупации. Решающим аргументом сторонников сноса стало утверждение, что японцы нарочно построили здание так, чтобы нарушить благоприятные потоки геомантической жизненной энергии в структуре города.

Национализм сегодняшнего дня находит выражение в дискриминации иноплеменного населения: и Японии, и Китая, и Корея – мононациональные государства (процент основной национальности 96-99%). Крайне немногочисленные диаспоры во всех трех странах подвергаются постоянному «выдавливанию» и уменьшаются с заметной скоростью. Так, за последние 40 лет численность китайской общины в Корее за счет эмиграции сократилась в пять раз – со 100 до 20 тысяч человек. Надо ли говорить, что давление на «своих» воспринимается каждой страной как достойный повод для неприязни и давления на «чужих». Результатом становятся всеобщая неприязнь и недоверие. Большинство молодых корейцев на вопрос «дружественных государствах» дали ответ, который мог бы порадовать любого националиста – «у Кореи нет дружественных государств» (такой ответ выбрали 45,8% двадцатилетних).⁴

Некоторые претензии к соседям имеют весьма почтенный возраст. Каждая из стран региона находит в истории такой период, когда именно она выступала носителем передовой культуры. Китай охотно вспоминает древнейшие эпохи хань, мин и тан. В эти периоды уровень жизни, технологическое и культурное развитие Поднебесной империи были, по-видимому, самыми высокими на планете.⁵ Корейцы апеллируют к эпохе Когуре, когда протокорейские (по другим сведениям – протояпонские) народы владели территорией нынешней Маньчжурии, Южной Сибири (государство Бохай) и активно колонизировали японские острова. Монголы указывают на роль Чингис-хана и его потомков в создании единой государственной структуры, сравнимой с Римской империей. Японцы

architectural objects built by Japanese government suffered from it. The most conspicuous loss was the building of the National Museum in Seoul. Built in 1916-1921 it used to belong to the Chancellory of the Governor-general of the Japanese colonial government. For 30 years it had remained the biggest building in Seoul. In 1946 it was the place where the independent Republic of Korea was declared. In 1984 the building was passed to the National Museum. In 1993 it was demolished, because its view and history resembled the nature of Japanese occupation too much. The adherent of demolition had a decisive argument that the Japanese built it on purpose to destroy favorable streams of geomantic life energy in the city structure.

Today's nationalism is expressed in discrimination of aliens: Japan, China and Korea are singlenational states (96-99% is the main nation). Not numerous expat communities in all the three countries are constantly being «forced out» and decreasing very quickly. Within recent 40 years the number of Chinese community in Korea decreased 5 times due to immigration, from 100 to 20 thousand people. It is obvious that any pressure on «our people» is perceived by each country as a good cause for hostility and pressure on «the aliens». It results in overall dislike and distrust. When asked about «friendly powers» the majority of young Koreans answered «Korea does not have friendly powers» (45,8% of 20 year old Koreans chose the answer that would please any nationalist).⁴

Some of claims to the neighbors are pretty old. Each country of the region had a period in its history when it was a bearer of the leading culture. China remembers with pleasure the ancient epoques Han, Min and Tan. In those periods the living standard, technological and cultural development of the Heavenly Empire were evidently the highest on the globe.⁵ The Koreans appeal to the Kogure epoqe, when Protokorean (in other reference – Protojapan) peoples possessed the territory of the present Manchuria, South Siberia (Bohai state) and colonized Japanese islands. The Mongolians refer to Genghis Khan and his descendants, who created a state structure that can be compared to Rome empire. The Japanese are proud of their role as a technological leader of the recent decades. All these references to history give grounds to every nation to consider itself a good enlightener for thankless neighbors.

Nationalistic aversion grows also regarding the main ideological leader and benefactor, the USA. It seems to be a paradox, taking into account the degree of American style of life, especially in Japan and Korea. «Most of the Koreans consider the words «modern» and «western» to be synonyms, often having in mind that «western» means «American». The Koreans usually do not realize that many customs and habits that they consider typical of the whole West are specifically American phenomena. The post 1945 period became the time of headlong americanization of all the aspects of Korean life. The American material culture influenced much the contemporary Korean architecture, transport and trade organization, clothes and hairdos, courtesy, food, hygienic habits, mass culture and entertainments.

American influence penetrated into colloquial language, and no wonder when introducing his wife a young Korean says: «Na-yi (Korean «my») baiphy (wrenched English «wife»)). The addresses «Miss», «Mister» and «Missis» are in general use. Latin (or as Korean say «English») writing is widespread, and almost the majority of popular magazines for unpretentious mass have English names. Since Korean phonetics differs considerably from the English one

4. Kim Hen. Social and Political Awareness in the Mirror of Surveys // Seoul Vestnik. – 05.2005

5. Selischev A., Selischev N. Economy in China in XXI century. – SPB.: Peter. – 2006

свысока напоминают о своей роли технологического лидера последних десятилетий. Все эти экскурсы в историю дают основания каждому народу считать себя просветителем неблагодарных соседей.

Националистическое отторжение растет и по поводу главного идеологического лидера и «благодетеля» – США. Явление, казалось бы, парадоксальное, учитывая степень американизации образа жизни, особенно в Японии и Южной Корее. «Для подавляющего большинства корейцев слова «современное» и «западное» являются синонимами, а под «западным» в большинстве случаев имеется в виду именно «американское». Корейцы зачастую не отдают себе отчета в том, что многие обычаи и привычки, которые, по их мнению, характерны для всего Запада, на деле представляют собой специфически американское явление. Период после 1945 г. стал временем стремительной американизации всех сторон жизни Кореи. Особо заметное влияние американская материальная культура оказала на современную корейскую архитектуру, организацию транспорта и торговли, одежду и прически, многие правила вежливости, питание, гигиенические привычки и, конечно, массовую культуру и развлечения.

Американское влияние проникло в разговорный язык, и ни для кого, например, не удивительно, когда молодой кореец, представляя свою жену, говорит о ней: «На-ый (кор. «моя») байпхы (искаженное англ. wife)», а уж обращения «мисс», «мистер» и «миссис» являются общеупотребительными. Широко используется латинская («английская», как ее называют в Корее) графика, и многие, если не большинство, популярных журналов, рассчитанных на непритязательную массовую аудиторию, имеют английские названия. Поскольку корейская фонетика существенно отличается от английской (нет звуков, соответствующих английским f, th, w, v, нет четкого различия r и l, нет противопоставления звонких и глухих согласных, зато есть отсутствующее в английском противопоставление придыхательных и непрдыхательных и т.д.), то распознать то или иное английское слово в корейском написании обычно довольно сложно. Требуется немалое воображение, чтобы понять, например, что «робы син» – это любовная сцена (в кино; от англ. love scene), а «кхэрио умон» – женщина, делающая карьеру (от англ. career woman)». ⁶

При этом опрос, проведенный агентством Research & Research, показал, что 18,5% молодых корейцев считают США главной угрозой безопасности Кореи. ⁷

Дипломатичные японцы избегают прямой критики в адрес США, но общее недовольство своей второстепенной ролью ощутимо просачивается в некоторых публикациях. Макико Танака – бывший министр иностранных дел Японии – пишет: «Не вызывает сомнений тот факт, что большинство японцев решительно поддерживают альянс США – Япония... Но правительство Японии также должно прекратить уклоняться от диалога с народом страны: оно должно приветствовать и поощрять дебаты, касающиеся оборонной позиции Японии, не боясь, что дружба между США и Японией такая хрупкая, что может быть этим разрушена» ⁸.

Топ-менеджер компании «Сони» Акио Морита так характеризует засилье адвокатов в деловой жизни США: «...в этой атмосфере сутяжничества, созданной в США, по-видимому, никто никому не доверяет». И в следующем абзаце своей книги высказывается более прямо: «Американские компании используют законы, чтобы чинить препятствия и практически блокировать японский импорт» ⁹.

Надо ли говорить о той тревоге, которую вызывает в США растущее экономическое могущество Китая в сочетании с официально провозглашаемыми идеями национа-

(there are no sounds corresponding to f, th, w, v, there is no distinct difference between r and l, there is no opposition between voiced and voiceless consonants, but there is opposition between aspirated and unaspirated sounds, which is not present in English), it is usually very difficult to identify an English word in Korean spelling. One needs a big imagination to understand that «robby sin» is love scene, and «kherio umon» is career woman). ⁶

At the same time an opinion poll by Research & Research has revealed that 18.5% of young Koreans consider the USA the main security threat to Korea. ⁷

Diplomatic Japanese avoid direct criticism against the USA, but common displeasure with its secondary role is noticeable in some publications. Makiko Tanaka, Ex-minister for Foreign affairs says: «Undoubtedly, most Japanese strongly support the US-Japan alliance. While unequivocally commending America's tough stance in pressuring Iraq, Japan should not hesitate to deliver a clear message to the US: exercise patience to avoid war. But Japan's government also must stop prevaricating with the Japanese people: it should welcome and encourage debate about Japan's defense posture, without fearing that the US-Japan friendship is so fragile that it will be destroyed». ⁸

The top manager of the «Sony» Company Akio Morita defines domination of lawyers in business life of the USA: «...in this atmosphere of chicanery existing in the USA apparently nobody trusts each other». In the next paragraph of the book the author states more directly: «American companies use laws to put obstacles and practically to block Japanese import» ⁹.

No need to say about the USA's anxiety caused by China's growing economical power together with officially declared ideas of nationalism. A big expert in «Chinese question», the Dean of the Californian University Orvell Shell says about China's heavy investments to the USA: «It is difficult to judge what upsets Americans most of all: symbolic meaning of such deals, anxiety about national security or gradual understanding of the fact that the USA's economical superiority recently taken as a matter of course is now challenged. Whatever the matter is, Chinese people know Americans' feelings well: indignation mixed with weakness». ¹⁰

Chaos emotions – fear, anger and contempt are alive and not conquered. As the order in technological and social spheres grows, the chaos in emotional and psychological sense grows too. Nationalists state that globalization is a world order, when the whole humankind is subordinated to common market laws worked out in the interests of the West. ¹¹ Nationalistic chaos should be opposed to «the new global order». Oriental dancing with the dragon gains more technical equipment, strength and scope.

Intermediate position of Russia is historically and geographically predetermined. Siberia for the West is the East, or Asia. Siberia for the countries of Confucian civilization is the West, or the Europe's forward position at the boundaries of Mongolia and China. However, only the eagle on the Russian coat of arms can look into two directions – he has two heads, unlike most Russians. Uncapable of choosing the better way to deal with chaos, we consider both eastern and western ways to be strange to us.

Russia, especially Siberia, has no cultural traditions of a personality subordinated to society – the teacher Kun created not for us. That is why Russian nationalism often takes ugly forms and instead of integration of the society leads to «the power of scoundrels», creates an atmosphere of common suspicion, denunciation and hypocrisy. ¹² In

6. Ланьков А. Корея: будни и праздники. Ч.1. – СПб.: Петербургское востоковедение. – 2004 г.

7. Гуенков В. Япония сменила США в качестве главной угрозы безопасности Кореи // Сеульский вестник. – май 2005 г.

8. Макико Танака. Япония должна прекратить свое молчание // Project Syndicate / <http://www.project-syndicate.org/commentary/tanaka1/Russian>

9. Акио Морита. Сделано в Японии. История фирмы «Сони» /Пер. с англ – М.: Прогресс-Универс, 1993 г.

6. Lankov A. Korea: Weekdays and Holidays. P.1. – SPB.: Peterburgskoye Vostokovedenie. – 2004

7. Guenkov V. Japan Has Replaced the USA as the Main Security Threat to Korea // Seoulsky Vestnik. – May 2005

8. Makiko Tanaka. Japan Must End its Silence // Project Syndicate / <http://www.project-syndicate.org/commentary/tanaka1/English>

9. Akio Morita. Made in Japan. History of the «Sony» Company /Tr. from English – М.: Progress-Univers, 1993

10. Шелл Орвилл. Скупка Америки в китайском стиле // Project Syndicate, 2005 г.
 11. Фан Нин. Три крупнейших течения общественной мысли, имеющих влияние в современном Китае. Часть 2 // Экономические стратегии. – № 7. – 2005 г. – С. 08-12
 12. См., например, публицистические тексты И.С. Аксакова, вышедшие в пору националистической «волны» 1860-х годов. Вот характерная цитата: «Открылась возможность слыть и самому воображать себя русским, не будучи русским или будучи им лишь только по имени и по крови; воображать себя патриотом, не расходуясь на это никаким новым трудом мысли и продолжая воспитывать детей своих в Дрездене или Женеве; толковать о государственном единстве и цельности России, посягая на духовную цельность русской народности, на русскую общину и мир и, наконец, признавать себя расквитавшимся со всеми своими обязанностями как русского гражданина, пристроив себя под аристократическое знамя какой-нибудь иноземной политической теории». (Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется на Руси? День. 1865 г. № 52. 18 декабря)

10. Shell Orvill. Buying-up America in the Chinese Style // Project Syndicate, 2005
 11. Fan Nin. Three Biggest Trends of Social Ideas that Make Impact in Modern China. Part 2 // Economical Strategies. – №7. -2005. – P.08-12
 12. See publications by I.S.Aksakov appeared in the time of nationalistic «tide» of the 1860s. There is a quotation in point:

«One has got an opportunity to pass for Russian and to fancy oneself Russian, while not being Russian, or being Russian only in name or in blood; to fancy oneself a patriot, not spending any new work of mind on it and continuing to bring one's children up in Dresden or Geneva; to speak about state unity and integrity of Russia, while infringing on cultural wealth of Russian people, on Russian community and peace; and finally to acknowledge oneself free of all Russian citizen's duties, having settled under an aristocratic banner of a foreign political territory». (Aksakov I.S. Why Is It so Hard to Live in Russia? Den. 1865 №52. December 18)

лизма. Крупный эксперт по «китайскому вопросу» декан Калифорнийского университета Орвелл Шелл пишет по поводу крупных инвестиций Китая в США: «Трудно судить, что расстраивает американцев больше всего – символическое значение таких сделок, обеспокоенность национальной безопасностью или постепенное понимание того, что принимаемому до сих пор как данность экономическому превосходству Америки брошен вызов. В чем бы ни было дело, китайцы хорошо знают о чувствах американцев по этому поводу: негодование, смешанное с бессилием».¹⁰

Эмоции хаоса – страх, гнев и презрение – живы и вовсе не побеждены. По мере нарастания порядка в технологической и социальной сферах нарастает хаос в эмоционально-психологическом смысле. Глобализация – утверждают националисты – это такой всемирный порядок, когда все человечество подчиняется единым рыночным законам, составленным в интересах Запада.¹¹ «Новому глобальному порядку» следует противопоставить националистический хаос. Восточные танцы с драконом становятся технически оснащеннее, набирают силу и размах.

Промежуточное положение России предопределено исторически и географически. Для Запада Сибирь – это Восток, Азия. Для стран конфуцианской цивилизации мы – Запад, аванпост Европы у границ Монголии и Китая. Однако смотреть в две стороны сразу может только орел на российском гербе – у него, в отличие от большинства россиян, две головы. Не в силах выбрать лучший путь отношений с хаосом, мы воспринимаем и восточный, и западный пути как чужие.

В России, а особенно в Сибири, нет культурных традиций подчинения личности обществу – учитель Кун писал не для нас. Поэтому российский национализм обычно принимает формы крайне безобразные и вместо объединения общества приводит к «власти подлецов», создает атмосферу всеобщей подозрительности, доноительства и лицемерия.¹² Вряд ли в сегодняшней нашей действительности может быть оправдан риск развязывания ксенофобических настроений. Драконы страха и ненависти для нас – не партнеры в политических играх, а жуткая угроза последним остаткам разума и жизни. Но и западного поклонения порядку у нас тоже нет, пафос законопослушания нам так же чужд.

Растерянно стоим мы перед драконом, не зная – то ли броситься с ним в битву, то ли почтительно поклониться, приглашая на танец. Уступая инициативу, мы теряем возможность хоть как-то совладать с процессами, размывающими структуру нашей жизни.

Для современника увидеть распад жизненного уклада непросто – обычно для этого требуется историческая перспектива, некоторое расстояние, желательно несколько веков. Однако обещание, что наша смутная эпоха станет понятнее к двадцать третьему веку – утешение слабое. На помощь приходит перспектива не историческая, а пространственная.

Космическая техника сегодня позволяет увидеть любой город Земли с высоты птичьего полета или даже еще выше (с высоты полета дракона?). Рассматривая город с расстояния пяти километров по вертикали, легко различить тот уровень порядка, который выражает его структура. Вот четкая, кристаллическая решетка Манхэттена. Контур острова, рельеф местности, роза ветров – все это проигнорировано. Твердый, абсолютный порядок застройки придает знаменитому району Нью-Йорка неподвижный и минеральный вид. Похожее впечатление производят и многие крупные города Европы.

Гораздо мягче и живее выглядит структура восточных городов. Йокогама, прильнувшая к изгибам морского берега. Пусан, вросший в скальные массивы. Улан-Батор, стоящий лицом к лицу с пустыней. Шанхай, покрывающий равнину сплошной плотной массой.

today's reality the risk of unleashing xenophobic spirits can unlikely pay off. The dragons of fear and hatred for us are not partners in political games, but a sinister threat to the remnants of mind and life. Neither we have western worshipping the order, pathos of abiding the law is also strange to us.

We are at a loss in front of the Dragon, not knowing whether to rush to the struggle against him or to bow low and ask to dance. When yielding our initiative, we lose opportunity to control the processes that wash away the structure of our life.

It is not easy for a contemporary to see collapse of the mode of life – it usually requires historical prospect, some distance – probably several centuries. However, to promise that our troubled epoque will become more comprehensible by the twenty third century gives a poor consolation. It is a spatial prospect that is helpful, but not historical one.

Today space technology allows us to see any town on the Earth with bird's eyes or even higher (with dragon's eyes?). When observing a town from a vertical five kilometers distance, it is easy to recognize the level of order expressed by its structure. This is a clear-cut lattice of Manhattan. The contour of the island, the relief, the wind rose are ignored. A firm and absolute order of development gives the famous district of New York a still and mineral view. Many cities of Europe make similar impression.

The structure of eastern cities looks much more vivid and milder. Yokohama imitating the curves of the shore. Pusan grown into rocks. Ulan Bator facing the desert. Shanghai covering the plain with a compact mass.

The structure of Indian New Delhi is admirable. Its clear-cut road network to divide the city into districts is accurate but at the same time it is complicated enough to conform to peculiarities of the place. Urban planning ideas did not try to win the nature with its irregular curves. As if the city has grown like a living organism here, with its firm skeleton of road marking, muscles of development and soft tissues of recreation areas. Maybe only the central part of Paris makes more harmonious impression with its graceful structure of development and line network formed for centuries.

Moscow obviously demonstrates its monocentric nature of the imperial capital. It is pleasant to see the combination of circular and radial elements in the city structure with its light winding as a hint at historical whim and lively irregularity. But the city's problems are evident too. Road network density in Moscow is much lower than in many other capitals, and development density is higher, the line network is narrow and irregular.

Siberian cities do not look good with dragon's eyes. Neither Novosibirsk nor Krasnoyarsk has a common holistic structure. It seems like several industrial communities grew and finally merged into something united whole but at the same time uncoordinated – and a city appeared.

While people are looking for new foundation for their way of life, chaos devours the structure of Siberian cities, and in this dismal process Irkutsk is one of the leaders. Comparing the today's structure of the city center with a one hundred year old map, one can recognize a network of streets approaching the river like a fan. However, almost no smoothly running utility lines are left here. Irkutsk's «blood vessels» are obstructed with chaotic development, they are too narrow and winding. The city looks suffering from thrombophlebitis. The bridge transfer line runs into a medley of buildings – absolutely not like an accurate fan of «arteries» radiating from Trocadero bridge, for example. Kirov Square pretending to be the city center is not structur-

Остров Манхеттен, на котором в основном располагается город Нью-Йорк. Знаменитая «манхетенская решетка» – прямоугольная сеть улиц – выражает власть человеческого разума над природой / Manhattan, New-York, USA

Нью-Дели, Индия. Построенный в новейшее время город выдержан в едином структурном ансамбле New-Dehly, India

Иркутск, район от старого ангарского моста до сквера им. Кирова. Хорошо заметен «пунктирный» характер большинства улиц – транспортные коммуникации хаотично меняют направление и ширину, упираются в массивы застройки, теряются среди отдельных зданий и «пятен» зелени / Irkutsk, Russia

Центральная часть Иркутска. Всего сто лет назад этот район был четко распланирован и удобен для проезда. Теперь от бывлой сети коммуникаций осталась только одна прямая улица – К. Маркса (Большая). Структура размывается и тонет в хаосе точечной застройки Irkutsk, Russia

13. «Объектами нападения стали главным образом дорогие автомобили (в среднем по 500 еженочно), престижные магазины, кафе, а также несколько полицейских участков и школ – все, что в понимании люмпенизированной молодежи символизирует недоступную им буржуазную сытость, враждебную власть и чужую культуру. Волнения в той или иной степени охватили около половины из 700 мусульманских общин Франции. По прошествии двух недель они стоили жизни одному «титальному» французю. Несколько десятков полицейских получили ранения и травмы. Материальный ущерб составил не менее 16 миллионов евро. В меньшем масштабе, но с той же дерзостью аналогичные акции предприняты в Бельгии, Германии и Дании». (Подопригора В. Народ Франции: испытание этническим оружием? – Народы России. – 15.11.2005 г.)

Удивительно красива структура индийского Нью-Дели. Четкая сетка дорог, делящая город на районы, правильна, но и достаточно сложна, чтобы вписываться в особенности места. Градостроительная мысль не пыталась победить природу с ее неправильными кривыми. Скорее, похоже на то, что город как живой организм вырос тут – с твердым скелетом дорожной разметки, с мускулатурой застройки и мягкими тканями рекреационных зон. Еще более гармоничное впечатление производит разве что центральная часть Парижа, где изящная структура застройки и коммуникаций складывалась веками.

Москва явно демонстрирует свою моноцентрическую сущность имперской столицы. Сочетание кольцевых и радиальных элементов в структуре города радует глаз своей легкой извилистостью – намек на историческую прихотливость, живую неправильность. Однако и проблемы города очевидны. Даже на глаз заметно, что плотность сети дорог в Москве гораздо ниже, чем во многих других столицах, а плотность застройки выше – коммуникаций меньше, они более узкие и сеть их неравномерна.

Сибирские города с высоты драконова полета выглядят неважно. Единой, целостной структуры не просматривается ни у Новосибирска, ни у Красноярска. Кажется, что несколько рабочих поселков, разрастаясь, в конце концов слились в нечто единое, но в то же время и разрозненное – и получился город.

Пока люди ищут новые основания для образа своей жизни, хаос пожирает структуру сибирских городов, и Иркутск в этом невеселом процессе – один из лидеров. Достаточно сравнить сегодняшнюю структуру центральной части города с картой столетней давности. Еще можно угадать сетку улиц, веером выходящих на реку, но сплошных коммуникационных линий уже почти не осталось. «Кровеносные сосуды» Иркутска забиты хаотичной застройкой, они слишком узкие и нездорово извилистые – похоже, будто город страдает тромбозом. Транспортная линия моста упирается в массив зданий – ничего похожего на четкий веер «артерий», расходящихся, например, от моста Трокадеро. Сквер Кирова, претендующий на роль городского центра, не поддержан структурно и выглядит чужеродной деталью, «всунутой» в сплошную аморфную массу застройки. Да и в целом угадать, где именно располагаются самые важные, самые ценные и интересные фрагменты городской структуры, невозможно – слишком размыта эта самая структура. В очертаниях элементов чересчур много неправильных, как бы изъеденных линий, велик элемент случайности – слишком хаотично.

Не следует думать, что соотношение порядка и хаоса в структуре города мало касается каждого отдельного жителя в его повседневных заботах. Конфуций сказал: «Того, кто не задумывается о далеких трудностях, непременно поджидают близкие неприятности». Взглянув на аэрофотографии Парижа, легко обнаружить границы упорядоченного центра, за которыми расположился дракон хаоса. Четкая и изящная сетка дорог сменяется беспорядочной застройкой пригородов и маленьких городков. Особенно явно прочитывается «черта выдавливания дракона» в направлении на северо-восток от центра Парижа. Именно в этих пригородах год назад полыхнули конфликты на этнической почве, и молодежь афро-арабского происхождения жгла автомобили, громила бутики и стреляла в жандармов.¹³

Наши соседи с Запада пытаются выгнать дракона из своих городов. Наши восточные соседи веками культивируют тонкое искусство игры с хаосом. Возможно, и нам следует набраться храбрости для битвы или хитрости для игр – или мудрости для поисков чего-то третьего. Каков бы ни был наш путь, только бы не стоять на месте.

ally supported and looks like an alien «thrust» into a dense amorphous mass of development. In general it is impossible to recognize the most important, precious and interesting fragments of city structure, because this structure is too fuzzy. The outlines of its elements have too many irregular and distorted lines, they are too fortuitous and chaotic.

One should not think that the proportion of order to chaos in the city structure applies little to every citizen in his everyday life. Confucius said: «Who is never concerned about far troubles, will be certainly awailed by near troubles». Looking at aerophotographies of Paris one can easily see the boundaries of an ordered center, beyond which there is a dragon of chaos. A clear-cut and graceful road network is replaced by disorderly development of suburbs and small towns. «The line of squeezing out the dragon» towards the northeast from the center of Paris is especially clear. A year ago these very suburbs experienced ethnic conflicts, when young Afro-Arabs burned down automobiles, looted boutiques and shot at gendarmes.¹³

Our western neighbors try to drive the dragon out of their cities. Our eastern neighbors have been cultivating subtle skills in playing with chaos for ages. Probably we should muster up our courage to struggle or cunning to play, or maybe wisdom to find a third variant. Whatever the way we choose, we should not stand still.

Париж, район моста Трокадеро и Эйфелевой башни / Paris, France. Со времен Наполеона III и барона Османа столица Франции удивляет выстроенным балансом между геометрической правильностью сети коммуникаций и обилием бережно сохраняемых памятников архитектуры

Улан-Батор, Монголия / Ulaan-Baator, Mongolia. Окружающая город каменная пустыня разъедает его структуру на окраинах, но центральная часть города выглядит вполне геометрично

13. «Mainly expensive automobiles (on average 500 cars per night), boutiques, cafes, several police stations and schools were attacked – everything that symbolizes inaccessible bourgeois prosperity, hostile regime and alien culture. About a half of 700 Moslem communities of France were involved into disorders. After a week they cost a life of one «titled» Frenchman. Dozens of policemen were wounded. Material damage amounted to 16 million euro. Similar actions on a less scale but with the same impudence took place in Belgium, Germany and Denmark». (Podoprigora V. French People: Trial with Ethnic Arms? - Peoples of Russia. – 15.11.2005)

Китай как предчувствие China as Anticipation

Новости из КНР, поступающие по мере того как 2008 год, который войдет в историю не только как год перевыборов Путина, но и как год Пекинской Олимпиады, приближающийся к нам со скоростью 60 секунд в час, говорят о том, что руководство КНР движется еще быстрее. «Социалистическое соревнование» между Нью-Йорком и Пекином, хотя бы даже и были янки с китайцем «братья навек», выиграет, несомненно, столица Поднебесной. Суть дела в том, что строят тут примерно те же архитекторы, что и в Нью-Йорке, но, хотя зарплата у них раз в 10 меньше, чем в США, возможностей построить нечто невиданное в 10 раз больше. Они не могут упустить этот шанс и идут на все, поскольку практически строят почти на другой планете. Космические планы 1960-х годов постепенно тонут в сумерках истории, а реальные aliens строят в Пекине свой новый планетарный миф, и архитекторам из Лондона, Базеля или Парижа здесь есть где разгуляться. Главное, что им, быть может, грозит, – надорваться из-за творческой жадности. Приходится братья за все.

Впрочем, опасностей тут есть много и помимо этого.

Газета «Нью-Йорк Таймс» и ее журнал недаром следят за тем, что за соревнования начались в Пекине до открытия Олимпиады. Это гонки на двухлетней дистанции.

И, надо сказать, – гонки с барьерами.

Нам легче понять этот вид спорта, ибо основные барьеры в КНР те же, что и в Москве, – бюрократические. Нормы на строительство устарели, меняют их без единого плана, так что проект, утвержденный вчера, завтра может оказаться не соответствующим нормам – и его попросят переделать. К тому же, одни нормы не согласуются с другими, и угадать, в какую сторону и что надо менять, бывает не легко.

Второй барьер – туман, обычно столь чарующий на китайских пейзажах. Строить приходится в условиях крайне низкой прозрачности принятия решений. Тут вообще никто из западных архитекторов так и не знает, кто, в конце концов, что решает. Все западные проектировщики обязаны работать под эгидой местных проектных организаций, а последние то ли принадлежат государству, то ли уже приватизированы. Если они все еще государственные, то обращаться с жалобами надо в одно место. Если у них уже частные хозяева – то в другое. На государственные инстанции надо влиять через одних лоббистов, на частных – через других. А кто есть кто на самом деле – трудно понять. Улыбаются все очень сладко. А кто сколько просит «откатить» – не известно никому.

Есть и конкурсы с международными жюри. Но гарантий, что проекты, победившие на конкурсах, будут реализованы, не так уж и велики. Победивший проект может оказаться слишком дорогим. А поскольку фирму, которая должна его строить и потом лет 20 эксплуатировать, выбирают под готовый проект, то быть уверенным, что она сможет его осилить, – нельзя.

Китайцы вняли горькому опыту Афин и не хотят строить дорогие объекты, которые впоследствии не окупятся. Поэтому в условия проектирования входит расчет на самокупаемость в последующие десятилетия. Стало быть, в проекте должны учитываться две малосочетаемые цели – сделать нечто невиданное, поразив мир, и создать нечто практичное для местных жителей. Так, и стадион в Пекине, который после некоторых колебаний взялись строить

The news from China, coming while 2008, not only the year of Putin's reelections, but also the year of the Olympic Games in Beijing, is approaching at a speed of 60 seconds an hour, tells us that the government of China advances faster. No doubts that the capital of the Heavenly Empire will win the socialistic competition between New York and Beijing, regardless friendly terms of a Yankee and a Chinese. The matter is that the architects building for Beijing are almost the same as for NY. And though their salary is 10 times less than of those in the USA, they have 10 times more opportunities to build something unprecedented. They cannot lose the chance and are ready to do anything, because they build practically on another planet. Space plans of the 60-s are gradually being lost in the twilight of history. The real aliens are building their new planetary myth in Beijing, and architects from London, Basel or Paris have plenty to do. The main thing that they may face is to be worn out because of creative eagerness. They have to take up everything.

However, there are also a lot of other dangers.

The New York Times newspaper and its magazine follow the competitions that have started in Beijing before the opening of the Olympic Games. These are races at a 2-year distance. And I should say they are barrier-races.

We can easier understand this kind of sport, because the principal barriers in China are the same as those in Moscow, the bureaucratic ones. The building guidelines are out of date, they are changed without a unified plan. So the project approved yesterday may turn out not to meet the guidelines, thus it is requested to be done anew. Besides, some guidelines do not agree with the others, and sometimes it is not easy to guess what and how to change.

The second barrier is a mist, which usually looks so charming in Chinese landscapes. One has to build in the conditions of very little transparency of making decisions. Nobody of western architects knows who finally decides and what he decides. All western architects must work under local institutions, which are either belong to the state or already privatized. If they still belong to the state, one should address his complaints to one place. If the institutions already have private owners, the complaints should be addressed to the other place. Certain lobbyists help you influence state channels, the other lobbyists - on private ones. It is difficult to make out who is who in reality. Everybody smiles very nicely. But nobody knows how much they will ask.

There are competitions with an international jury. But there is little guarantee that the projects that win will be realized some day. Such project may turn out to be too expensive. Since the firm that is to build and later to use it for 20 years is appointed for the ready project, there is no certainty that such firm will be able to manage it.

Chinese people have learnt Athens' bitter experience and do not want to build expensive objects, which won't cover their cost in the future. That is why the project calculations include the estimation of self-repayment within future decades. Thus the project should take into account two incompatible targets: to create something unprecedented to surprise the world, and to create something useful for locals. For example, the stadium in Beijing, which was started by Herzog and de Meuron after their hesitation for a while, should have an expanding roof to work after the Olympic

текст

Александр Раппапорт

text

**Aleksandr
Rappaport**

Херцог и Де Мерон, должен иметь раздвигающуюся крышу, чтобы после Олимпиады работать в любое время года и при любой погоде. Это не просто, но архитекторы из Базеля эту проблему, кажется, решили.

Зато рабочих рук – хоть отбавляй. Первое время на работе по строительству стадиона были заняты 7 тысяч человек. Сейчас осталось 2 тысячи и десятки кранов стометровой высоты, которые монтируют некое стальное гнездо.

Гнездо! Вот тут третий – и самый интересный барьер. Новые здания должны соответствовать китайской популярной символике. Гнездо – это хорошо. Аэропорт, придуманный сэром Норманом Фостером, будет построен в виде дракона. Еще лучше. Ну а если символ не совсем удачный или двусмысленный – то беда. Европейские архитекторы не всегда настолько хорошо знают мифологическую символику Китая, чтобы угадать и не повторяться. Их консультируют, но все же это уже значит – петь под фонограмму.

Китайцы, как и русские, любят, чтобы на крыше небоскреба сияло что-нибудь родное: какая-нибудь башенка – вроде Суздальской в Москве, а тут – какой-нибудь Тайный город, Инь и Янь или что-нибудь в таком роде. Один из проектов небоскребов 1993 года – Финансовый центр в Шанхае архитектурной фирмы Kohn Pedersen Fox (KPF) – имел на последних этажах круглое отверстие для уменьшения ветровой нагрузки. Нетрудно было догадаться, что это может кое-кому напомнить о существовании Японии. Круг запретили, пришлось переделать его в трапецию.

Тем не менее события в архитектурном Китае, несколько напоминая строительную деятельность Петра и Екатерины Великих в Санкт-Петербурге, сами по себе значат, пожалуй, даже нечто большее. Это события глобального масштаба. Это символ погони за чем-то, что может понять только Рем Колхаас, некая смесь утопии и рынка, некая скорость улета в небеса воображения или гонка амбиций, сменившая количество разделяющихся боеголовки на количество архитектурных чудес. А главное – это есть реализация чего-то очень Большого, Самого Большого. Китайцы, как и русские, по сути своей большевики, им хочется иметь максимальный эффект. Их идеал – книга рекордов Гиннесса. Китайцы тоже больны манией величия. Но чем оно обернется для них самих и для других, менее великих народов, – не известно.

Сегодня создается впечатление, что они достигнут желаемой цели, создадут-таки супер-супер имидж величайшей во всех отношениях Державы. Но история коварна. Всякая победа такого рода обычно чревата каким-то непредсказуемым поражением. Кажется, что на сей раз поражение потерпит не столько сам Китай, сколько та архитектура, которую он решил позаимствовать на Западе. Эта архитектурная мегаломания может быть предвестницей апоплексического удара западного модернизма, так что в конце концов китайская военная хитрость и тут окажется на высоте. Враг будет побежден на собственной территории коммунистического государства. Ну а как скажется эта победа над архитектурным Западом в самом Китае на его архитектуре, остается только гадать по И-Цзину – китайской Книге Перемен.

Games in any season and any weather. It is not easy, but the architects from Basel seem to have solved this problem.

At the same time there are heaps of working hands at the plant. At first 7 thousand people were involved in building the stadium. Now there are only 2 thousand people and tens of cranes 100 meters in height, which are installing a steel nest.

A nest! Here is the third and the most interesting barrier. New buildings should correspond to Chinese popular symbolism. The nest - it is good. The airport designed by Sir Norman Foster will be built in the form of a dragon. It is even better. But if the symbol is inappropriate or ambiguous - it is a trouble. European architects not always know Chinese mythological symbology well enough to hit the mark and to be unique. They have consultants, but this way it means to «lip-synch».

Chinese people, like Russians, want to see something dear and familiar on the roof of the sky-scraper, for example a Suzdal turret in Moscow. Here it is a Secret town, Yin and Yang or something like this. One of the sky-scraper projects of 1993 is the Financial Center in Shanghai designed by an architectural firm «Kohn Pedersen Fox» (KPF). It had a round hole on the upper floors to decrease wind load. It could be easily supposed that it would remind of Japan. The round hole was forbidden. It was turned into a trapezium.

Nevertheless, the events in architectural China, reminding to some extent Peter and Ekaterina the Great's building activity in Saint Petersburg, mean even something more. These are events on a global scale. It is a symbol of chasing something, which can be understood only by Rem Koolhaas. It is a mixture of utopia and the market, a speed of imagination that flies to heaven. Or it is a drive of ambitions that has replaced the quantity of splitting war-heads by the quantity of architectural wonders. The key point is that it is realization of something very Great, the Greatest. Chinese people, like Russians, are Bolsheviks by their nature, they want to have the maximum effect. Their ideal is the Guinness World Records. Chinese people are also suffering from megalomania. But nobody knows what will come of it for themselves and for other nations, which are not that great.

Today they make us believe that they will reach their goal, creating super-super image of the Greatest Power. But history is insidious. Every victory of such kind is usually fraught with unpredictable failure. It seems that this time not just China will meet with failure, but mostly the architecture borrowed by it from the West. This architectural megalomania may be a precursor of the western modernism's apoplexy, so finally Chinese stratagem will be up to the mark. The enemy will be won on the territory of the communist state. It remains only to tell fortunes by the Chinese Book of Changes «I-Ching», how this victory will influence the architectural West in China itself and its architecture.

Многофункциональный комплекс «Китайский Центр Пекина»

General Design Introduction to China Central Place of Beijing

Китайский Центр Пекина находится в 900 метрах к востоку от моста Гуомао, вдоль авеню Ист Чанг Ан, и является значительной коммерческой архитектурной группой с супермасштабом. Появление его позволяет процветающей территории центрального делового района продвигаться на восток. Когда вы выходите на авеню Чанг Ан с Гуобин Роуд, открывается сказочный ландшафт.

Китайский центр, один из 60 проектов Пекина, разрабатывается Пекинской Компанией Гуохуа Риал Истейт. Инвестиции достигают восьми миллиардов юаней. Завершение проекта, который официально был начат 28 мая 2003 г, ожидается к концу 2007 г., а окончательный ввод в эксплуатацию – до Олимпийских игр 2008 г. Проект занимает более 30 гектаров и состоит из 3-х офисных зданий класса супер-5А высотой более 100 метров, 2-х отелей класса суперлюкс, торговых центров, международного жилого комплекса, коммерческих зданий и парков.

China Central Place of Beijing is located about 900 meters east of Guomaos Bridge along the East Chang An avenue and is the symbolic commercial architecture group with super scale. The emergence of China Central Place makes the CBD prospering area move eastwards. It will be the magnificent landscape when you enter into the Chang An avenue from Guobin Road.

China Central Place, one of 60 major projects of Beijing, is developed by Beijing Guohua Real Estate Co., Ltd. The investment reached to eight billion yuan. The project officially started on 28th May 2003 is expected to be completed by the end of 2007, and fully operational before the 2008 Olympics. The project occupies more than 30 hectares, and consists of 3 super-5A intelligent-office buildings over 100 meters high, 2 super luxury hotels, malls, international apartments, commercial buildings and parks. There are 61,474 square meters built residential area within red line, with 19 independent buildings, total 302,708 square

текст и фото
Хан Линфей,
профессор Пекинского
Университета Техно-
логий

text and photo
Han Linfei,
Professor Beijing
University of
technology

Генплан

Международный жилой комплекс Китайского Центра представляют собой крупный комплекс площадью в 300 тысяч кв. метров, в который входит большая подземная автостоянка с 19-ю зданиями над ней. Самое высокое из зданий достигает 81,4 м. Ось с востока на запад визуально соединяет центральный сад и городскую улицу на западной стороне и является направлением движения пешеходов. Скрытая ось соединяет жилую зону и центральный сад в коммерческой зоне. Две оси сходятся у круглого здания клуба. Генеральный план приближающегося к квадрату участка основан на точных, математически и логически выверенных взаимосвязях. Формируется богатая последовательность пространств, связанных как с внутренним садом, так и с внешними коммерческими улицами, обеспечивая жителям максимально удобные условия проживания. Коммерческая и жилая части комплекса не мешают друг другу.

Организация транспорта

С восточной и западной сторон жилой зоны предусмотрены въезды для автомобилей, а с северной и южной сторон – доступ для пешеходов. Все въезды-пандусы находятся вне жилой зоны. Автомобильная зона отделена от пешеходной. Внутри обеспечен проезд только для пожарных машин и для хозяйственных нужд. Подземные гаражи жилой зоны двух- и трехуровневые. Над землей есть однопослосный въезд, однопослосный выезд и двухполосный доступ. Общее число парковочных мест – 1343. Место хранения велосипедов находится на первом подземном уровне.

Проект жилой единицы

Международное жилье Китайского Центра состоит из трех типов высотных и панельных жилых домов. Высота этажей от 2,9 до 3,1 метров и 4,75 метров – высота холла. Планировки квартир представлены в большом разнообразии. Имеются квартиры с одной спальней по минимальной стоимости, квартиры с двумя спальнями, квартиры с тремя спальнями и специальные 20 квартир-пентхаусов для выс-

meters construction area. Among them the above-ground area is 215,267 square meters and underground area 87,441 square meters. The highest building reaches up to 81.4 meters.

Planning structure:

The international apartment buildings of China Central Place designed in a way of slab type and tower type combined is a 300,000 square meters super scale complex, which consists of a huge garage base underground and 19 independent buildings above. The axis from east to west connects the central garden and the city street on the west side visually and acts as a lead for people flow. The oblique axis combines habitation area and central garden in commercial area together. Two axes converge at the circular clubhouse. The layout positioning of the buildings has a precise and mathematical logical relation. It forms a rich space sequence with both the inner garden and outer commercial streets, which give the residents amenity activity space. The entrance of commerce annexes open outward. So the commerce part and resident part won't bother each other.

Transportation organization:

There are accesses for motor vehicles at the east and west sides of the residential area, and accesses for pedestrians at the north and south sides. All the ramp accesses are set outside of the residential zone. People are separated from the motor vehicles. Inner road is only for moving house and fire passage. The buildings are supplied with fire circular passages. The super-long buildings are supplied with fire passage crossed the street. The underground parking garages of the residential zone are put on the second and third storey. Above the ground there is a one-lane entrance, a one-lane exit and a two-lane access. The amount of total parking places is 1,343. The bicycle storage is set at the first floor underground. The level of the first floor of the resident buildings is 30 centimeters higher than the outside road in elevation. Ramps replace if there are no steps.

Dwelling unit design:

International apartment of China Central Place consists of three types of tower-type and slab-type apartment buildings. The height between floors is 2.9-3.1 meters and 4.75 meters in the hall. The flat type has a great variety. There are one-bedroom units with less investment, two-bedroom units with original style in the majority, three-bedroom units for inhabitation and especially 20 units of CEO aerial villa on the top. The design of the specific dwelling unit keeps the characters of American designers and has been developed further. Then there are international types, types considering Chinese living custom, and types for all kinds of international people. In particular, in the creative two-bedroom type the living room is open from south to north and also the layout is very delicate. It can meet different requirements of all international people and achieves the perfect integration of the practicability and quality. The big units at the top of the tower building deal with the lower floor and the upper floor and get rich forms. No. 16 building is from the layout of Marseille apartment designed by architect Le Corbusier and has been improved: a public alley shared by each three floors, units cross up-down, overhead magnificent halls, 100-700 square meters commercial office space available suit for all personalized enterprises. This probes into new forms of commercial apartment.

Double layer unit is adopted for architecture elevation. Two layers is one unit which forms abundant light and shade variety by balcony's tongued-and-grooved changes. The same theme unified the holistic style of the com-

Авторский коллектив:

Китай:
Пекинский Институт Архитектурного Проектирования (эскизный проект и рабочий проект)

Главные проектировщики:
Менеджер проекта:
Хуанг Шенгсин
Главные архитекторы:
Ли Ксиули, Ву Тао
Главные конструкторы:
Ли Тинг, Ли Вайженг

США:
КПФ Нью-Йорк
(концептуальный проект и дизайн-проект)

Главные проектировщики:
Главный менеджер:
Джеймс Фон Клемперер,
Американский Институт Архитекторов

Архитекторы:
Роджер Клайн, Инкай Му,
Гонглипинг

Design staff:
China: Beijing Institute of Architectural Design (The preliminary design and Construction design)
Main designers:
Project manager:
Huang Shengxin
Architect principal:
Li Xiuli, Wu Tao
Structure principal:
Li Ting, Li Weizheng

USA:
KPF NEW YORK (conceptual and Plan Design)
Main designers:
Chief manager:
James Von Klemperer,
AIA

Architect:
Roger Klein, Inkai Mu,
Gongli ping

ших должностных лиц наверху. Пентхаусы содержат черты американской архитектуры, они были внесены в проект позже. Затем идут типы квартир, учитывающие традиции китайского жилья и типы квартир для жителей разных стран. В частности, в квартире с двумя спальнями гостиная открыта юга на север, и планировка ее очень деликатна. Она может соответствовать разным требованиям жителей любой страны и имеет идеальное сочетание целесообразности и качества. Здание № 16 создано на основе марсельской жилой единицы Корбюзье и доработано таким образом, что общественная галерея имеется на каждом из трех этажей.

Эффект богатой текстуры фасада создается сменой форм окон, цвета и рельефа стен. На фасаде нет декорирования, только функциональное выражение. Он чист, прост, ярок, незабываем и имеет чувство времени. Открытый наружный балкон использован для размещения кондиционера, что является подходящим решением постоянного конфликта. Окна сужены на северной стороне.

В детальном дизайне идет поиск совершенства. Учитывались потребности разных жителей дома, планировка, выбор материала, кондиционирование, расположение светильников, детальный дизайн кухонь и ванных комнат, даже глубина ванны. Досконально решены дренаж балконов, изоляционная структура, постоянное внимание уделялось форме перил, наружным окнам, цвету стен, аварийным выходам, зеленым крышам и т.д.

Общественное здание и вспомогательное оснащение

Общественные здания находятся на южной стороне жилой зоны, чтобы вместе с универсамами и отелями на севере сформировать общественное пространство – улицу длиной более 300 м и шириной 15 м. Открытые лестницы искусно соединяют отдельные зоны первых трех этажей. Первоначально спроектированная американскими архитекторами автостоянка повсюду предполагала твердое покрытие без озеленения, что противоречит пекинским законам и нормам. Наша сторона перепланировала гараж и в центре оставила половину всего озеленения, привнесла равномерный поток, рациональный план парковки, свои отличительные цвета внешних стен в разных районах, удобные для ориентации жителей.

Ландшафт

Имитация естественного эффекта водного пейзажа в центральном саду будет создана при помощи использования различных видов воды из природной среды. Бассейн и водная стена находятся в гармонии со всем ландшафтом посредством обработанного гранита, ступенек, ландшафтных стен, стен с сиденьями и ограждений из нержавеющей стали. Учитывая отличительные черты четырех времен года, в основном будут посажены ликвидамбар, сосна, юлин, прунус салицина, кипарис и другие ценные породы деревьев, а также гинкго билоба, вишня, можжевельник,

community. On the aspect of the south face of the houses, considering about cost and energy saving, curtain wall surface designed by the United States has been improved. Walls under the windows are added and vertical proximate material of windows is running from top to bottom. Window system is used to create an overall effect by curtain wall. Open outer balcony is used to place air-condition machine, which is a proper solution to the conflict between air-condition place and elevation style. Windows are narrowed in the north side. Different forms of windows, different convex-concave and color outside walls interlude together and create a rich texture effect. There is no extra decoration on the elevation, only the expression of function. It is pure, simple, vivid, very memorable and a sense of times.

It is seeking for greater perfection in detail design. Because all houses are decorated, demands of different households has been considered, such as the layout, material selection, air-condition, lamps setting, the detail design of kitchens and bathrooms, even the depth of the bath tub. They are also regarded repeatedly that balconies' drainage and insulation structure, the form of railings, outside windows, color of external walls, and elevation of defense exit, green roofs and so on.

Public building and supporting facilities:

Commercial buildings are located at the south side of the residential area, together with department stores and hotels in the north, to form a bustling commercial street which is over 300 meters in length and 15 meters in width. The traditional retail model will be upgrade to the SHOWROOM model in the commercial street of China Central Place. The open stairs connect the retail display areas on the first and second floors with the business district on the third floor cleverly, which can fully display their brand image and effectively promote their business ideas. The original garage design of the United States is an entire hard paving, no real land greening, which is not in line with Beijing's laws and regulations. Our side redesigned the garage and left half of the total green land in the central. Smooth streamline, reasonable parking layout, different colors on the external walls in different regions, all are convenient for households to identify. After delivery of China Central Place apartment at the end of 2005, because of the adoption of diffluent between people and vehicles outside the apartment, beautiful landscape on the ground and cars only going to underground garage, the taxi are allowed entering the internal transport system of the community. Thus the jam caused by taxi waiting into queue in front of many high grade communities has been solved. It is the first time in CBD area that commercial estate combined internal transport network and municipal transport which accorded with the idea of Beijing CBD transportation planning, that is, to broaden

коричное дерево, магнолия, фансонг и так далее, чтобы показать разные цветения во время трех сезонов и разные пейзажи четырех времен года.

Что касается освещения, здесь представлены разные виды света: освещение на стойках, ступенчатые светильники, светильники, встроенные в стену, внутреннее освещение, прожекторы, рампы на подъездном пути и дорожные фонари – всего около 800 комплектов.

В ландшафт центральной жилой зоны Китайского Центра было инвестировано около 30 миллионов юаней, что установило новый в Китае рекорд инвестиций в ландшафт жилого района.

Экономия электроэнергии и инновации

Что касается экономии электроэнергии, в жилой зоне Китайского Центра было введено повторное водоснабжение. Был установлен резервуар площадью 300 кв.м., чтобы подавать воду для очистки бассейна и орошения ландшафта, решая задачи самообеспечения и самоциркуляции. Повторное использование воды соответствует национальным стандартам питьевой воды и обеспечивает безопасные условия жизнедеятельности детей в летний период. Приняты к использованию энергосберегающие лампы и водосберегающие установки.

Резюме

Центральная жилая зона Китайского Центра стала региональным продолжением центрального делового района с высоким качеством настоящего мирового уровня. Это интеллектуальное сотрудничество многих элитных команд, работающих вместе.

the underground space and to adopt diffluent between people and vehicles.

Landscape:

Using the different forms of water from the natural world, the natural effect of waterscape in the central garden will be imitated. The pool and water wall are in harmony with the whole landscape through carved granite, steps, landscape walls, sitting walls and stainless steel baffle.

In view of the distinctive characteristics of the four seasons, Liquidambar formosana, Pine, Yulin, Prunus salicina, Cypress and other valuable species will be the mainly planted, together with Ginkgo biloba, Cherry, Koelreuteria paniculata, Juniperus formosana, Cinnamomum cassia, Magnolia denudata, Fansong and so on, to show different flowers in three seasons and different landscape in four seasons. In the aspect of lighting, various lights are distributed, such as post lights, short post lights, step lights, lights embedded in wall, irradiated tree lights buried, searchlights, spotlights on the driveway and road lights, and amount to nearly 800 sets. Nearly 30 million yuan has been invested into the landscape in central residential area of China Central Place, setting a new record in the residential landscape investment in Mainland.

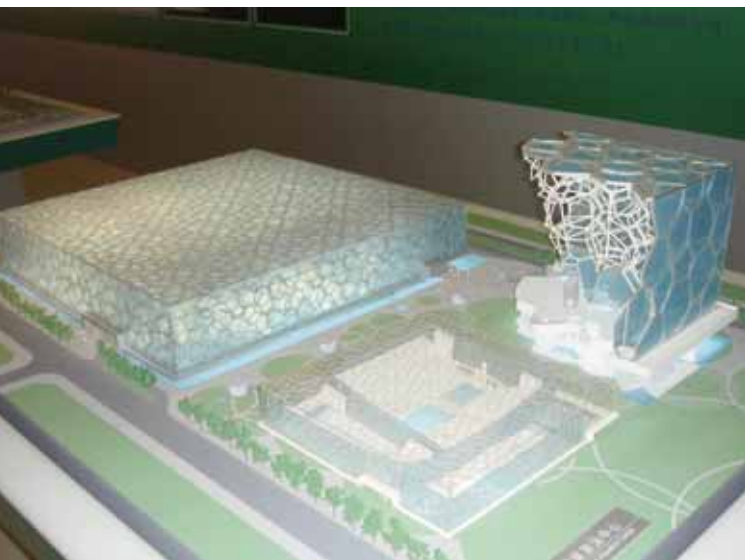
Energy-saving and innovation:

In the aspect of energy-saving, water recycling of electricity factory has been introduced into China Central Place apartment to ensure that the waterscape would not freeze in the winter. Meanwhile, a reservoir with 300 square meters is settled to provide water for the hard landscape pool cleaning and landscape irrigation, to achieve the purposes of self-sufficiency and self-cycle. Water reuse meets the national drinkable water standard and provided a safe condition for children's activities in the summer. Energy-saving lamps and water-saving fittings have been adopted. Heat preservation layer is located at the outboard side of exterior wall. The windows are adiabatic double deck. All roofs are adiabatic and elevated planting roofs. The overall residential flat are all edition binding.

Brief summary:

Central residential area of China Central Place has become regional representative of the CBD, with the high quality of a truly global community. This is a intelligent collaboration of many elite teams working together.

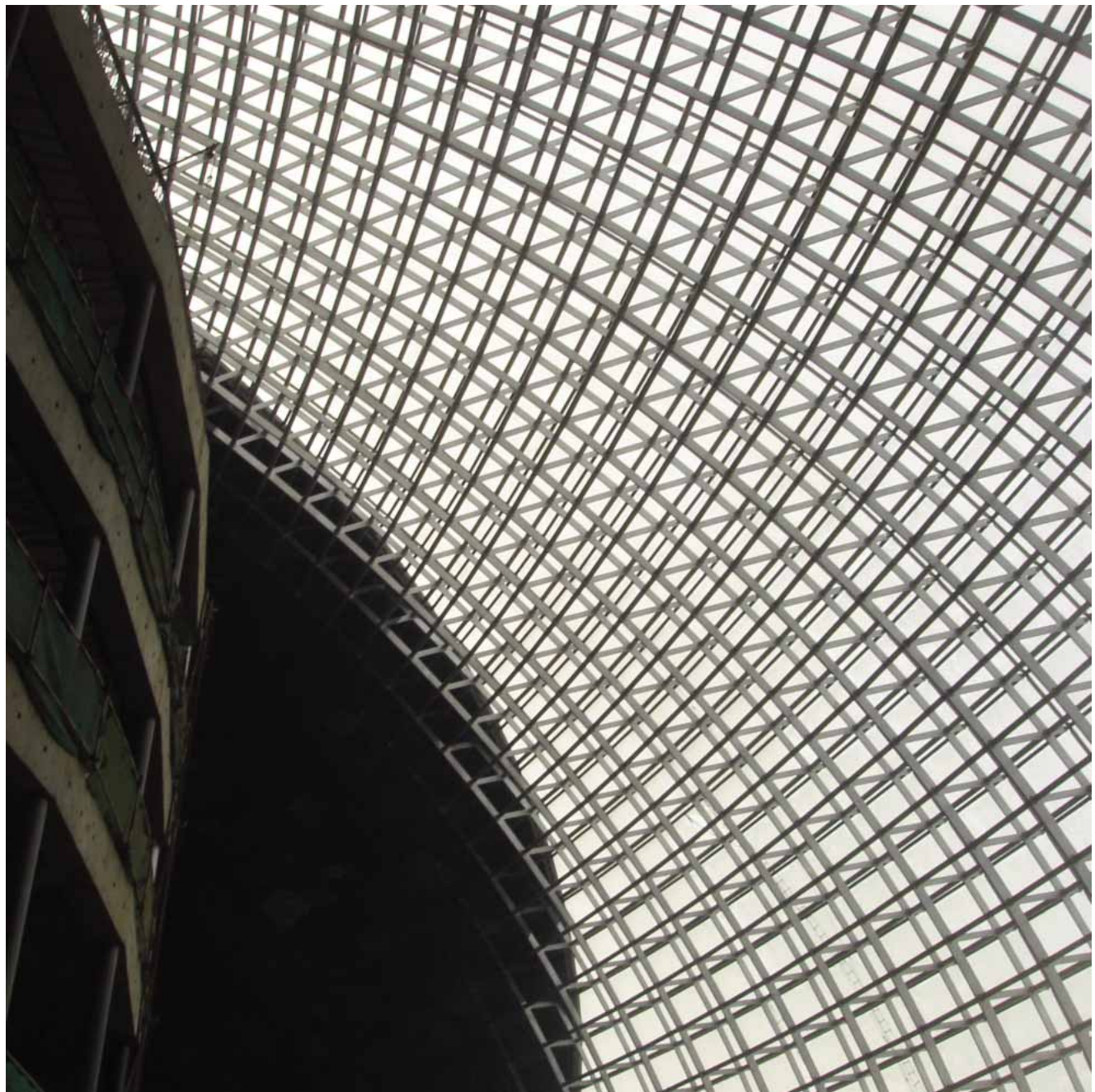
Пекин.
Новостройки готовятся
порадовать участников и
гостей Олимпиады – 2008

Пекин. Строительство
нового оперного театра
(арх. Андре, Франция)

Фото Елена Григорьева
и Николай Прокудин

Шанхай.
Центр Науки и Технологии

фото Елена Григорьева и
Николай Прокудин

Три тысячи небоскребов

Three Thousand Sky-Scrapers

текст

Александр Раппапорт

text

**Aleksandr
Rapaport**

Такое число небоскребов будет выстроено в Шанхае — городе, где в 2010 году состоится Всемирная выставка «Экспо». Так что сам Шанхай, по замыслу китайских властей, станет главным китайским экспонатом. Такого города ни в Европе, ни в Америке еще не видели. КНР входит в XXI век не просто как супердержава, а как супер-супердержава. И это все должны понять уже в 2010 году. Пока что в Шанхае не три, а «всего лишь» две тысячи небоскребов. Но еще тысячу достроят в ближайшие годы. Так что «Москва-Пекин» теперь может петься и на слова «Москва-Шанхай», если не «Шанхай-Нью-Йорк». Народы-таки идут вперед.

Юрий Михайлович Лужков тоже строит в Москве небоскребы, правда, их в Москве будет «всего» в 20 раз меньше. Но и населения в РФ меньше, чем в КНР. Так что проблемы у Москвы и Шанхая общие. И не только в деле строительства небоскребов. Согласно статье Говарда Френча в газете Нью-Йорк Таймс «Shanghai's Boom: A Building Frenzy», в Шанхае, как и в Москве, стоит плач по архитектурному наследию. Город Шанхай в XIX и XX веке сумел и без всяких «Экспо» создать какую-то уникальную градостроительную среду. От этой среды к 2010 году останутся только рожки — ножки уничтожат. Архитекторы, любящие свой старый город, в отчаянии. Правда, ни о какой «борьбе» с начальством или там письмах протеста в КНР не может быть и речи. Тут все делается только по «указам» сверху. Пока что есть один указ — ломать все и строить роскошные стеклянные чудеса, сверхскоростные железные дороги, морской порт и аэропорт. Жителей старого Шанхая, вероятно, на время попросят погулять. Новые дома, в которых будут не только магазины и офисы, но и элитное жилье, китайцам средней руки не по карману. Куда они денутся — не известно. Известно лишь, что продажа или распределение новых квартир устроены таким образом, что начальство контролирует этот процесс, и нужные люди в обиде не останутся. А ненужные пусть пеняют на себя. Но так уж оно в этом Подлунном мире давно. Мы и сами это знаем.

Еще до того как откроется «Экспо-2010», в Пекине пройдут «Олимпийские игры-2008», так что Пекин и Шанхай, скорее всего, «соревнуются» на радость полутора миллиардам простых китайцев. Кстати сказать, насчет чистоты воды тут решено принять самые решительные меры: в речке Хуангу, что течет по Шанхаю, можно будет спокойно купаться.

Но как будет выглядеть этот новый Манхэттен, сказать трудно. Все же Нью-Йорк не разом строился, и время украсило его какими-то чертами исторической архитектурной среды, какой-то патиной эпох. Если Шанхай будет блестять, как граненый стакан или алюминиевый чайник, это будет хорошо, но со временем может вызвать некую усталость. В Европе это ведь уже проходили. И не случайно в послевоенные годы возникла ностальгия по старым городским центрам.

Нечто подобное знают и жители Бразилии, которые испытали это в новой столице государства, построенной Прицкеровским лауреатом 1988 года, коммунистом Оскаром Нимейером.

Только что Прицкеровскую премию получил и второй архитектор из Бразилии — Мендес да Роха. Он считает,

This number of sky-scrappers will be built in Shanghai, the city hosting the world exhibition «Expo» in 2010. So Shanghai itself, as the Chinese government plans, will become the main Chinese exhibit. Such city has been seen neither in Europe nor in America yet. China enters the 21st century not just as a superpower, but as a super-superpower. Everybody is to understand this already in 2010.

There are not three, but «only» two thousand sky-scrappers in Shanghai yet. But one more thousand will be added within the next few years. Thus «Moscow-Beijing» can be sung with the words «Moscow-Shanghai», if not «Shanghai-New York». However nations go ahead.

Yuri Mikhailovich Luzhkov builds sky-scrappers in Moscow too, there will be «only» 20 times less sky-scrappers than in Shanghai though. But the population in the Russian federation is also less than in China. So Moscow and Shanghai have common problems. Not only in building sky-scrappers. According to the article by Hovard French in the New York Times newspaper «Shanghai's Boom: A Building Frenzy», in Shanghai, like in Moscow, they cry for architectural heritage. In the 19th and the 20th centuries Shanghai managed to create a unique urban environment, without any «Expo». By 2010 only odds will remain after this environment, because the ends will be wiped out. The architects loving their city are in despair. Although any «struggle» with authorities or protest letters are out of the question in China. Everything is done only under the government's decrees. There is one decree now - to destroy everything and to build luxurious glass wonders, superfast railways, a seaport and an airport. Probably they will ask the citizens of the old Shanghai to go out for a while. The new buildings, housing not only shops and offices, but also elite apartments, will be beyond ordinary Chinese people's means. Nobody knows the place they will go. It is only known that sale or distribution of the new apartments is under the authorities' control, and the important people won't be out of their share. Unimportant people will have only themselves to blame. But this is an old rule of our world. And we know it.

Before the opening of «Expo-2010», «the Olympic Games-2008» will take place in Beijing, so possibly Beijing and Shanghai are «competing», giving joy to one and a half billion ordinary Chinese people. By the way, they are going to take strong measures for clean water: in the Huanglu river that flows across Shanghai it will be safe to bathe.

But it is difficult to say how this new Manhattan will look like. New York was not built in a day, and the time has decorated it with some features of historical architecture environment, with some patina of epochs. If Shanghai will shine like a cut glass or an aluminum kettle, it will be good, but with time it will cause some tiredness. Europe has experienced it. And as a result after the War they had nostalgic mood for old city centers.

Brazilian citizens are familiar with something like this. They experienced it in the new capital built by Pritzker laureate 1988, a communist Oscar Nimeier.

Recently the second architect from Brasilia Mendes da Rocha has also received the Pritzker Prize. He believes that an architect must change our Universe perception, always doing something new.

что архитектор обязательно должен изменять наши представления о Вселенной, всегда делать нечто новое.

Что ж, со времен строительства Бразилиа Люсио Коста и Нимейером прошло уже почти полвека. Небоскребы за это время стали повыше и постеклянные. Но изменилось ли в принципе то, что предопределило неудачу города, — его социальное вырождение?

Едва ли. Скорее, наоборот. Социальные проблемы новых городов стали еще острее. И никаких особенных нововведений в этот процесс не внес даже сам Мендес да Роха. Почему же китайские власти, во всем желающие опередить остальной мир, не додумались до того, чтобы предложить миру нечто невиданное, какой-нибудь «гуманный» город, построенный по заветам Конфуция, с уважением к старым людям и родителям? Вероятно, этого не произошло потому, что новая китайская бюрократия не считает нужным связывать культ Конфуция, и вообще почитаемые в стране традиции, с тем, что она сегодня делает практически. Как говорится, «мухи отдельно – котлеты отдельно».

Well, it is almost half a century since Brasilia was built by Lucio Costa and Nimeier. Sky-scrapers have become higher and more glassy within this time. But has the city's social degeneration that predetermined its failure changed?

Not likely. Just the other way round. Social problems of new cities have become more acute. Even Mendes da Roha has brought no special innovations in this process. Why Chinese government wishing to leave behind the rest of the world have not hit upon the idea to offer to the world something unprecedented, a «humane» city built after Confucius' precepts with respect to old people and parents? Probably it has not happened because the new Chinese bureaucracy does not find it necessary to link Confucius cult and worshiped traditions in general to what it practices today. So to say, they «separate the sheep from the goats».

Город, живущий в будущем...

....да, в будущем. Именно так охарактеризовал Шанхай, о котором и пойдет сейчас речь, Игорь Козак. В будущем, для нас кажущимся ирреальным и недостижимым, но для Шанхая – это сегодняшний и вполне обыденный день... (Автор.)

Нет, Света, мне нравится. Я думал, у нас будет интервью, а Вы предлагаете мне вольный рассказ. Ну, что ж, попробуем.

Попали мы в Шанхай совершенно неожиданно. Это не из области программ по обмену. Просто люди, которые занимаются в Иркутске строительством с китайской стороны, проявили первый интерес к тому, чтобы попробовать и проектировать в Иркутске. И они вышли на меня с предложением о сотрудничестве, с тем чтобы китайские проектировщики могли поработать у нас. И для того, чтобы лучше понять, как это могло бы функционировать и насколько это целесообразно, я им предложил: давайте для начала организуем встречу между проектировщиками – все равно где, в Китае или здесь. После недолгих совещаний было решено, что мы едем в Шанхай.

Мы оплатили проезд, они нас принимали и все показывали. Потом выяснилось, что у них своих объемов работ очень много. В Китае сейчас таких небольших частных фирм, а мы были в частной фирме, не так много, как у нас. Например, принимающая нас фирма имеет три филиала – в Пекине, Шанхае и Циндао. В Шанхайском отделении работают 60 человек. По их меркам, это – небольшая фирма, из которых 15 человек – архитекторы, остальные – инженеры и смежники. Рабочие места маленькие, ячейки 1x1 м, кабинки. Нет такого, как у нас, большого открытого пространства, где все видят друг друга. Помещения с невысокими потолками, все разбито на ячейки, и они как муравьи – у каждого своя ячейка и компьютер. Здесь вы не увидите длинный стол, заваленный чертежами. Все сидят за своими мониторами. В центре зала выгорожено помещение, где стоит большой принтер, несколько маленьких, куда выводятся на печать все чертежи.

Технология проектирования похожа на нашу, но на более качественном уровне. Две стадии проектирования – стадия проект и стадия РП, за исключением разве уж совсем мелких объектов, проектируемых одностадийно. Тот объем документации, который выдается на стадии проект, просто не сопоставим с нашим. Это – все архитектурные решения, которые мы выдаем на стадии «рабочки». И обязательно – высококачественная трехмерная модель. Причем делают это не архитекторы, я специально поинтересовался. У них есть компьютерный отдел, где работают

профессиональные компьютерщики, в совершенстве владеющие проектными программными продуктами. Этим специалистам архитекторы передают необходимые чертежи, вводные данные, планы, фасады и т.д., а те прорабатывают трехмерные модели. И не только объемные модели, но и великолепные интерьеры. Культура подачи – высочайшая. И темп работы тоже высочайший. Мало того, что строят очень быстро, они и проектируют очень быстро. Тот объект, на проектирование которого у нас уходит год, они делают месяца за три-четыре. Это объясняется рядом факторов. Во-первых, достаточно высокая степень наличия проработанности применяемых типовых решений и узлов конструкций. Во-вторых, очень хорошее компьютерное и программное обеспечение расчетной группы. Одним словом, у них это уже производство. У нас это пока проектирование и во многом индивидуальное, а там это уже производство и поток. Есть главные конструкторы, которые принимают решения и делают какие-то эксклюзивные вещи. А когда это переходит на стадию узлов и деталей, здесь все идет по аналогу. Берутся уже готовые решения, апробированные, реализованные на стройке и проверенные временем. Если есть какие-то изыски в архитектуре, то это больше касается фасадов. А каркасы, узлы каркасов, система подземных автостоянок – это все уже, можно сказать, типовое, стереотипное. Все это есть, и никто не связывается с тем, чтобы это менять. Поэтому проект выходит достаточно быстро. Например, мы были на площадке. Строится гостинично-деловой комплекс на 20 000 м². Заливаются фундаменты – январь. Спрашиваем, когда закончится строительство. Отвечают, в декабре. В декабре будет стоять здание? Нет, в декабре сдача объекта под ключ.

Никто не гонится за красотой фасада и какими-то эффектными решениями. Здесь другая тенденция, здесь все гонятся за комфортной средой. Представьте некий существующий жилой район. Для себя они определяют застройку, которую можно как-то объединить в небольшое замкнутое образование. Обносят это забором, где-то он высокий, где-то нет, где красивый, где обычный, обозначая, таким образом, границы этого жилого образования, и на этой территории делают очень хорошее благоустройство.

А по другую сторону забора – это уже город, имеющий свои уровни благоустройства. Первый уровень – это автодороги, пешеходные улицы, сады, парки, скверы, велодорожки и дорожки для мопедов. Этот уровень идет до территории кварталов, и это уровень – муниципальный. Очень много пешеходных переходов на втором уровне, над автодорогами, чтобы не тормозить движение, и тем самым не создавать пробки. Эти переходы имеют свои ограждения, выполненные в виде лотков, где высажены низкорослые кустарники. То есть на высоте 4 метров над землей – свой «зеленый город», к тому же дополнительно очищающий воздух от выхлопных газов. Ну и конечно же супер-развязки, имеющие многополосное движение, очень много знаков и светофоров для каждой полосы. Тоннели под рекой, 4-5 уровней автомагистралей над землей, примерно на высоте 9-этажного дома. Благодаря этому решена проблема пробок, что для Шанхая с населением в 16 млн. жителей и 4 млн. туристов весьма актуально.

Уровень благоустройства – высочайший. То, что делает муниципалитет, – это одно. Но кроме того, великолепный ландшафтный дизайн во дворах. При этом здесь тоже два уровня благоустройства. В новых проектах это закладывается сразу. В существующих жилых районах проводятся

текст
**Светлана
Середёнкина**

фото
Игорь Козак

работы по созданию среды. Обычные жилые дома, как я их образно называю, «серия 464». Простые фасады, скромные балконы, никакой сверхархитектуры нет. Но какой уровень организации дворового пространства! Как правило, во дворах организована 2-уровневая подземная автостоянка, и надо заметить, для Шанхая это уже типовое решение. А вокруг этой стоянки сделана акватория со своими берегами, мостиками и т.д. Все освещено и подсвечено. Принцип освещения во дворах иной, нежели у нас. Торшеры высотой 1,2 метра освещают дорожки, в результате интерьер дворового пространства получается камерным и уютным. Главный фасад дома ориентирован не на улицу, а во двор, и туда же ориентированы все жилые помещения квартир, даже если это не самая лучшая сторона по инсоляции. Улица – это дорога, магистраль, город, и там своя жизнь. Во дворах – своя жизнь и свой ландшафт. Есть специальные площадки для выполнения китайской гимнастики, по утрам там играет музыка, есть площадки, вымощенные булыжником, где люди специально ходят босиком, – такой массаж ступней, а также беседки для пожилых людей.

Парадные в жилых домах – сквозные, имеют небольшие холлы, где стоят красивые лампы, мягкая мебель. Никто ничего не грабит и не ломает. И даже в домах старой постройки есть такие холлы. Это сразу бросается в глаза, у них повышенное внимание уделяется лестничным клеткам, лифтам и холлам – ведь это общественные зоны, и там должно быть красиво и чисто.

Как я понял, в Китае существует определенная типология проектирования жилья. В нашем понимании квартира

должна иметь прихожую, холл, гостиную, спальня комнаты и т.д. У них иной принцип зонирования, что меня весьма удивило. Мы были в гостях у одного архитектора. Само понятие холл, как таковое, в квартирах отсутствует и применяется лишь в общественных зонах дома. Открываешь дверь в квартиру – и заходишь сразу в столовую, или гостиную-столовую. Кухня во всех квартирах отделена, это отдельное помещение, где только готовят пищу, причем все готовят на газе, соблюдая традиции приготовления пищи только на открытом огне. Другого варианта они себе тоже не представляют. Нет никакого намека на то, чтобы в кухне присесть и перекусить. Для этого есть столовая. И как таковой прихожей тоже нет. Есть небольшой тамбур, где и оставляют верхнюю одежду.

Так вот, этот архитектор является владельцем 4-комнатной квартиры, около 80 м² на семью из 5 человек: родители, 2 разнополых ребенка, бабушка. Гостиная-столовая около 30 м², из мебели здесь только диван и маленький столик, телевизор. В зоне столовой – обеденный стол и 8 стульев. Спальня родителей – 16 м², комната бабушки – 9 м², детская 12 м². Такие квартиры считаются очень хорошими. На площадке 2 квартиры, 2 кладовки для велосипедов, это закладывается сразу в проект. Как, впрочем, и велосипедные стоянки во дворах.

Интерьер квартиры прост. У меня было ощущение, что у них нет потребности в этом «самовыражении», захлестнувшем нас в последнее десятилетие, где нужно непременно что-то сносить, ломать перегородки и перекраивать все на свой лад. У них есть достаточно устойчивое представление

о том, каким должно быть жилье. И архитекторы владеют в полной мере знаниями этого стереотипа и делают квартиры, которые устраивают всех, и никто даже и не думает о перепланировке. У нас же полная квартирная анархия, когда люди, въезжая в квартиру, не думают о том, хорошая она или плохая, а думают, что бы тут сломать.

В Китае нет таких «глубоких мыслительных» процессов: о, мне же надо непременно свое что-то придумать, свою планировку, свои фасады. Здесь никто не комплексует и не страдает по этому поводу. Увидели что-то красивое, современное – они это перенимают и используют в чем-то: в отделке или в элементах. В результате получаются спокойные и грамотные вещи. Мы же пыжимся башенки какие-то рисовать, лишь бы создать «свой стиль» в архитектуре и быть «узнаваемыми», чтобы, смотря на дом, можно было сказать – да, это творчество, манера, почерк или еще что-то подобное Петрова, а это – Иванова. Китайцы стараются сделать качественную архитектуру, и в их понимании – это гра-

мотное применение отделочных материалов и строительных технологий.

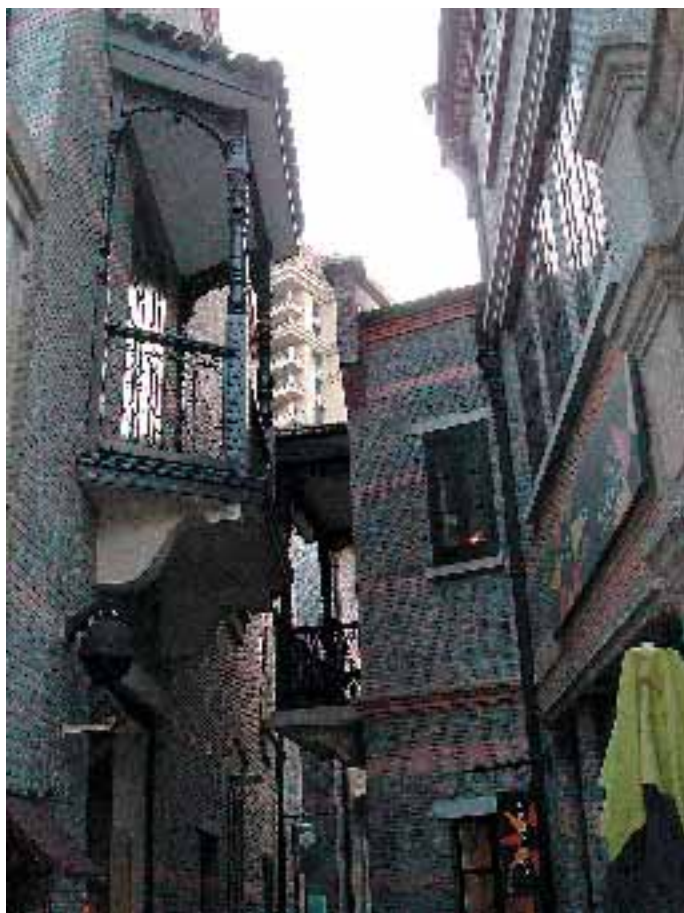
Архитектура Шанхая более европейская, чем в Пекине. Средняя этажность в Шанхае – 20 этажей. Сейсмика – 7-8 баллов. Огромное количество домов свыше 30 этажей и большое количество высотных домов, которые проектировали и западные проектировщики, и китайские. И все же, на мой взгляд, для шанхайцев важна не архитектура зданий как самоцель. Им важно и нужно было создать среду, целостную и гармоничную, где «так вольно дышит человек». И им это удалось.

Похоже, что и в самом деле удалось. Ведь современная урбанистика все более подчиняется социальным факторам, а хорошая архитектура никогда не станет противопоставлять себя городу, она станет его частью. На проходившей в Венеции биеннале, посвященной городам и имевшей название «Город. Архитектура и общество», был представлен обзор 16 крупных городов мира, от Шанхая до Йоханнесбурга. Москва в этот ряд не попала... (Автор.)

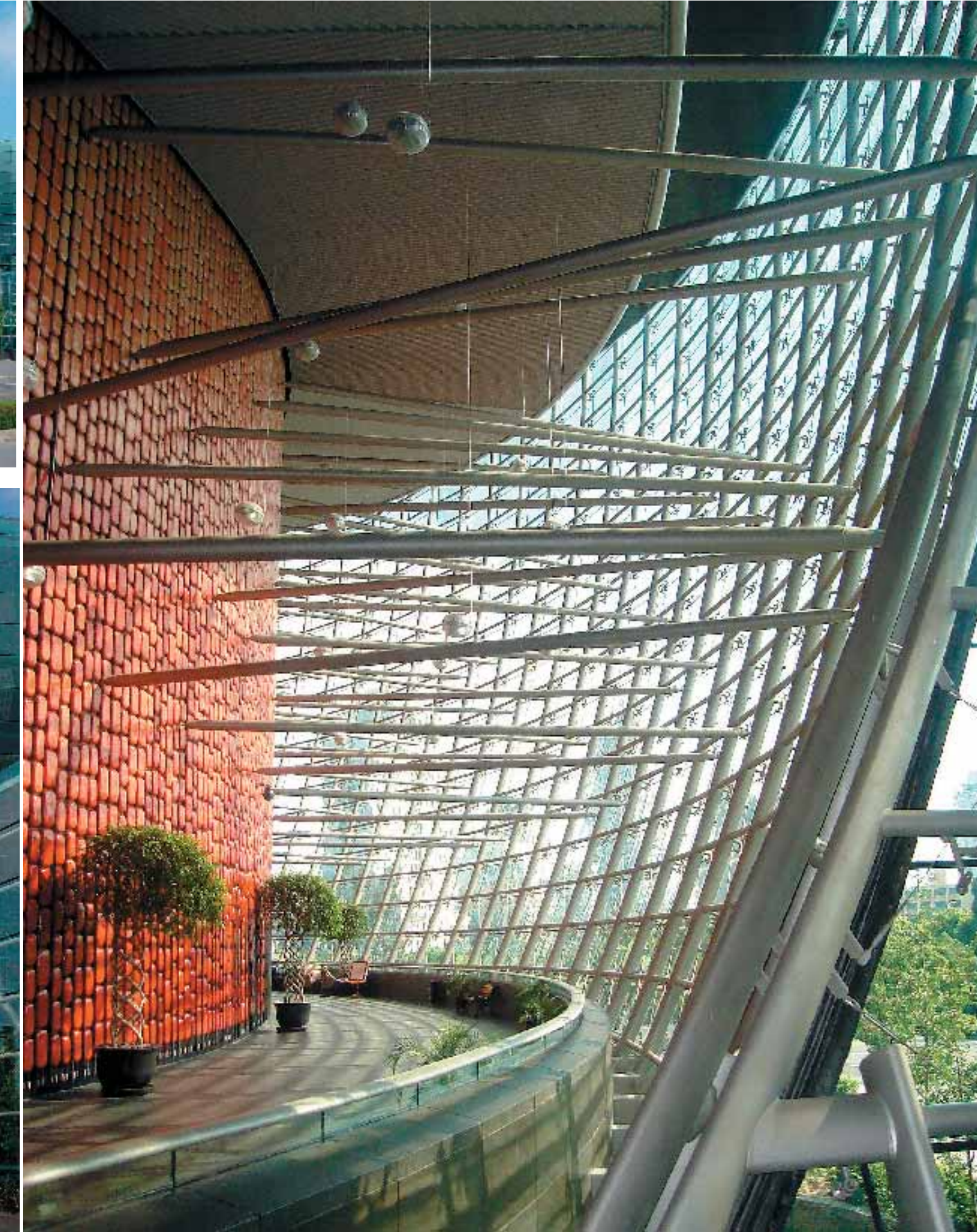

Шанхай.
Новая набережная реки Хуанпу
Центральная площадь
Старые кварталы

Фото
Елена Григорьева
Николай Прокудин

Маньчжурия, Маньчжурия...

текст и фото
Александр Ашихмин

Хоть и прожили мы свои годы вблизи советско-китайской границы, но для большинства иркутян, в том числе архитекторов, понятие «Маньчжурия» крайне не конкретно: конечно, не Гаскония, но и не более того. Помним лишь из школьных учебников и рассказов ветеранов о боях на этих территориях с японской Квантунской армией в 1945 г. и что-то смутное из книжек – о белогвардейских отрядах атамана Семенова, беспокоивших оттуда своими набегами приграничные районы России. Да и Советский энциклопедический словарь 1982 года издания скуп на комментарии: «Маньчжурия (Маньчжоули) – г. в Сев.-Вост. Китае, в пров. Хэйлуцзян. Св. 50 т. ж. (1971). Пограничный ж.-д. транзитный пункт».

Мне уже второй раз довелось побывать в этом, не побоюсь этого сравнения, райском городе. После первой поездки в январе этого же, 2006 г., ощущения были странными – как будто увидел солнечный оазис среди зимней северной пустыни. Сейчас, неделю назад, все подтвердилось в повышенной степени: город еще более похорошел, еще ярче стала и без того солнечная цветовая гамма фасадных решений, его облик приобрел некую законченность. За полгода (!) с нуля выросло несколько высотных зданий и крупнейших торговых центров – все видовые панорамы теперь совсем иные.

В благоустройстве также произошли значительные перемены: фонтаны, мощение, фонари со скульптурными группами, ночная подсветка и многие другие элементы архитектурной среды дополнили образ современного развивающегося торгового форпоста Китая. Даже сами китайцы – «торгаши» – в этой среде как будто стали еще культурнее, радушнее, спокойнее и уверенней (к вопросу о взаимосвязи места обитания и труда с поведением и психологией людей).

Да, с профессиональной точки зрения архитектура Маньчжурии не без изъяна – об этом можно смело и почти радостно говорить: она где-то вторична, где-то с элементами бутафории, облегченными порталами и оконными витражами в одну нитку, чуть прихрамывает качество финишных отделочных материалов (тонкий алюминиевый фасадный

лист, иногда – не конструктивные, на искушенный взгляд, размер и соотношение масштабов колонн-опор и сечений переплетов, и др.). Но это все – по сравнению с Берлином и Миланом, а даже в Москве подобное – сплошь и рядом.

Мы же, иркутяне, со своей «сейсмической» монументально-кондовой архитектурой в целом – просто в ауте. Есть у нас, конечно, примеры высокого уровня архитектурных задумок, но и они при реализации «востсибстройкомплексом» теряют свою подлинность и свежесть, да еще и почти никогда не доводятся по благоустройству, зелени, взаимосвязи с окружающей природной и архитектурной средой. Смею утверждать, у нас нет ни одного нормального по современным маньчжурским меркам крупного отеля с его неизменными атрибутами – шикарными, просторными светлыми холлами, современными лифтами, вкраплениями элементов ландшафтного дизайна и вполне приличными по всем канонам номерами – и это все для нас, русских, по 600 рублей за ночь! Аналог иркутского Интуриста закрыт на коренную реконструкцию, и очень распространена практика сноса морально устаревших зданий с полной перестройкой. Автотранспорта мало, но улицы сразу делаются на перспективу широкими, с разделительными зелеными полосами, тротуарами и газонами. Иркутские градоначальники могли бы задуматься – у нас что, земли меньше, дышим жабрами или ростом не вышли? Огромные территории, полторы тысячи погонных верст от Забайкальска до Иркутска – полоса отчуждения, отчуждения нас от самих себя, какими могли бы быть при разумном хозяйствовании; и даже в нынешних экономических условиях – ведь им же хватает наших денег для таких чудес света, как Маньчжурия?!

Разговаривал с китайскими чиновниками – они с радостью готовы что-нибудь у себя построить по совместному с иркутскими архитекторами проекту, внести разнообразие, «оевропеиться» слегка – это привлечет новых туристов, покупателей, инвестиции. Но как-то грустно – «большой брат» совсем сейчас не выглядит учителем.

Русское архитектурное наследие в Китае

В истории русского зодчества малоизученным остается огромный пласт архитектурного наследия, сохранившегося за рубежами нашей страны. В частности, большой массив памятников, созданных российскими архитекторами в Китае, все больше и больше привлекает в последнее десятилетие внимание историков отечественной архитектуры. К сожалению, многое из этого наследия безвозвратно утрачено, и сегодня исследователи сталкиваются с непреодолимыми трудностями, связанными с поисками не только самих памятников, но и с выявлением их первоначального облика, выяснением авторства и истории создания.

Активная строительная деятельность русских специалистов в Китае была связана с прокладкой по маньчжурской территории Китайской Восточной железной дороги. Новая магистраль связала Забайкалье и Приморье, а также позволила через ее южную ветвь выйти на побережье Тихого океана. Вдоль всей дороги русскими инженерами была создана сеть поселений разного типа, среди которых вскоре стали выделяться города Харбин, Дальний и Порт-Артур. Законченная строительством всего за пять лет (1898-1903 гг.), КВЖД стала мощным градообразующим стержнем и важным фактором экономического развития отсталого региона Китая, каким считалась на рубеже XIX-XX в. Маньчжурия.

Безусловно, наиболее красноречивым и наглядным примером бурного развития в первые десятилетия своего существования служит город Харбин, ставший негласной столицей КВЖД. Располагаясь на выгодном месте – при пересечении водных, шоссейных и железнодорожных путей, он за короткое время превратился в центр притяжения торговли, банковского дела, развития промышленности и культуры. Построенный русскими инженерами, Харбин стал в 1920-е годы для российских эмигрантов своеобразным пристанищем, «родным городом» на чужбине, где уже проживали тысячи россиян – строители города, избравшие его постоянным местом своего пребывания. Таким образом, эмигранты на чужбине нашли свой русский город с привычным укладом жизни, с такими же улицами и домами. В период эмиграции Харбин продолжал развиваться, в том числе и усилиями русских строителей и архитекторов из эмигрантской среды.

Русское архитектурное наследие Харбина сегодня напоминает о себе лишь остатками частичной прежней застройки и отдельными памятниками в главных районах города – на Пристанни, в Новом городе и Старом Харбине. Сегодня многомиллионный Харбин стал совершенно другим, но «русский дух» в нем все еще присутствует, особенно в названных районах. Его пытаются сохранить скорее из меркантильных, экономических интересов, чтобы привлечь как можно больше туристов из разных стран, прежде всего – из России. В городе уже поставлены на государственную охрану более 150 памятников архитектуры, построенных в период массового пребывания в нем россиян, сохраняются прежние названия некоторых магазинов, хотя и измененных в интерьерах до неузнаваемости. Есть даже несколько улиц, отнесенных к категории историко-заповедных как памятники градостроительного искусства. В последние годы в Харбине выпущено несколько солидных альбомов, посвященных русской архитектуре. Делается это и для того, чтобы привлечь туристов не только из России, но и из других стран.

Составной и неотъемлемой частью русского облика Харбина были памятники православной культовой архитектуры. Они возводились в дереве и камне, причем с самого основания города и до 1940-х годов. Это почти полвека развития русского православного храмового зодчества в зарубежье,

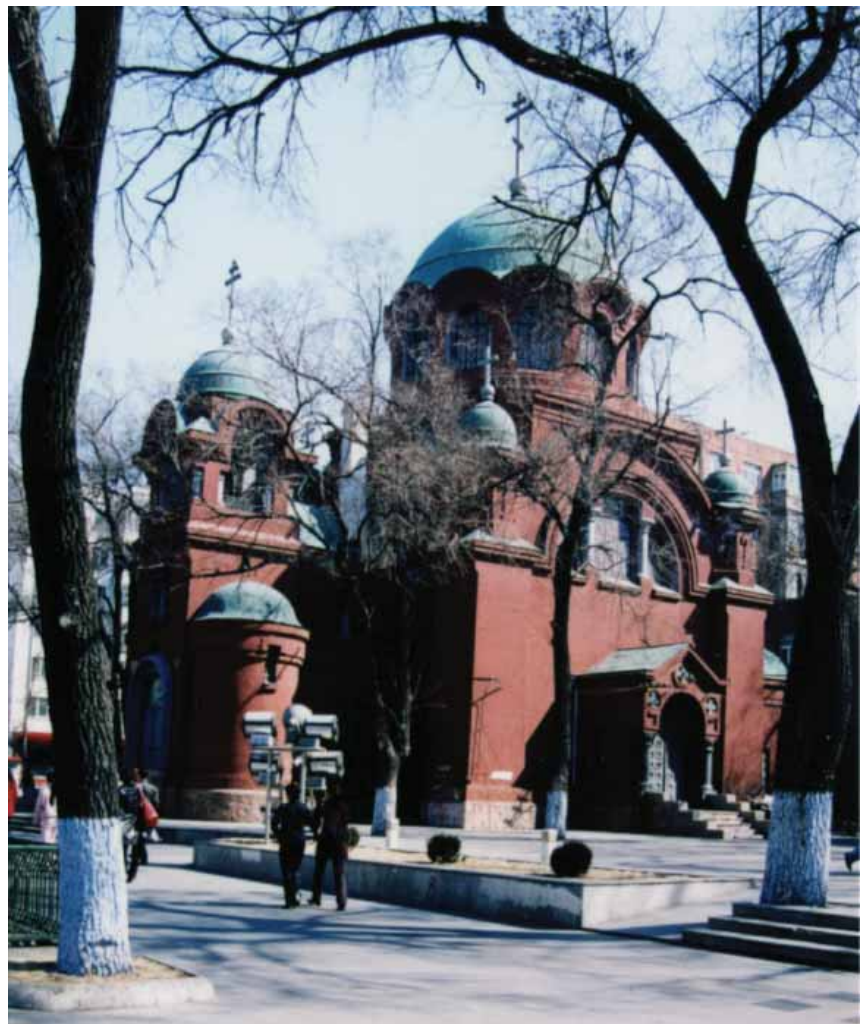
когда в России после революции строительство храмов не велось. Именно по этой причине храмовое строительство в Китае представляет огромный научный интерес. К концу войны 1941-45 гг. в одном только Харбине возвышались, сверкая своими маковками и куполами, более 20 православных храмов и более десятка культовых построек других конфессий. Изучение истории каждой из церквей – предмет специального историко-научного исследования, поэтому в данном случае ограничимся лишь краткими сведениями о наиболее интересных с архитектурной точки зрения православных храмах.

Своеобразным идеологическим, а не только православным символом Харбина являлся величественный Свято-Николаевский собор, который находился в центре Нового города, на пересечении двух его главных магистралей – Большого и Вокзального проспектов. Сегодня мы можем судить об архитектурно-художественных достоинствах, которыми обладала эта первая русская церковь в Харбине, только по сохранившимся фотоизображениям и архивным чертежам. Построенный в стиле деревянных церквей русского Севера, Свято-Николаевский собор имел центричный план, выделялся среди окружающих построек контрастным сочетанием объемов и форм, динамичным движением всей композиции ввысь. Безжалостно уничтоженный в период так называемой культурной революции, храм этот навсегда остался в памяти всех бывших харбинцев.

Почти одновременно в Харбине появились две одноименные церкви – в честь Иверской Божией Матери. Одна – в районе Пристань, другая – в Госпитальном городке. Иверская

текст, фото и подбор иллюстраций
Николай Крадин

Покровская церковь.
Арх. Жданов Ю.П. 1930 г.

Свято-Николаевский собор
в Харбине.
Арх. Падлевский И.В. 1899 г.

Благовещенская церковь.
Арх. Тустановский Б.М.
1932-41 гг.

церковь, расположенная на Офицерской улице, была завершена и освящена в июне 1907 г. Построенная по проекту архитектора К.Х. Денисова, она считалась в Харбине того времени едва ли не самой лучшей из всех церквей. Храм принадлежал Заамурскому округу Отдельного корпуса пограничной стражи и размещался недалеко от вокзала, вблизи железной дороги. Церковь хорошо просматривалась с прилегающих территорий, а также с многих улиц. Храм доминировал над окружающим пространством и был виден даже с дальних точек города. Внутри церкви имелись великолепные росписи, особо почитаемые иконы, а рядом с ней – захоронения известных людей, выходцев из России. Иверская церковь сохранилась и находится в полуразрушенном состоянии.

В поселке Модягоу привлекает своим видом и великолепием архитектуры каменная Алексеевская церковь, построенная в 1935 г. Она интересна, прежде всего, тем, что в качестве конструктивного новшества в ней были применены своды из желе-

зобетона, которые в Харбине впервые использовал архитектор Б.М. Тустановский при строительстве грандиозной Благовещенской церкви (не сохранилась). Это новшество способствовало выполнению сводчатых перекрытий без дополнительных внутренних опор. Многокрасочная палитра декоративного решения фасадов Алексеевской церкви.

Несомненный интерес представляет и история создания Свято-Покровского храма. Еще в 1905 г., когда предполагалось возвести храм на Новом кладбище, архитектор Ю.П. Жданов составил его проект. Однако кладбищенскую церковь построили по проекту другого зодчего, а проект Жданова остался в архивах КВЖД. Приступая в 1930 г. к постройке храма, использовали проект, пролежавший в архиве 25 лет. Свято-Покровский храм составлял в высоту двенадцать саженей, его площадь была рассчитана на 600 человек. Построенная в византийском стиле всего за один строительный сезон, церковь сохраняется до настоящего времени, являясь одной из жемчужин русской храмовой архитектуры в Харбине.

Своеобразной визитной карточкой современного Харбина считается и Софийская церковь, вмещавшая когда-то почти две тысячи человек. Она имеет очень оригинальный план в виде латинского креста (с удлиненной западной ветвью). Особенно интересен план тем, что его апсида как бы спрятана внутрь собора. С трех сторон ее охватывает обходная галерея, через которую сделаны проходы в боковые (северный и южный) приделы храма. Церковь построена по образцу церкви на Гутуевском острове в Петербурге (арх. В.А. Косяков). Восьмигранное в плане пространство основного объема церкви хорошо освещается 16-ю окнами, расчленяющими световой барабан, увенчанный луковичной формы куполом, диаметр которого составляет 10 метров. В настоящее время Софийская церковь, в которой устроен Музей истории архитектуры Харбина, сама представляет собой главный и наиболее ценный экспонат этого музея.

Огромную роль в застройке Харбина сыграла многолетняя творческая деятельность архитектора Ю.П. Жданова, приехавшего в Харбин еще в 1903 г. и проработавшего в этом городе до самой смерти (1940 г.). Среди его работ административные и общественные здания, доходные дома и особняки. Много лет, работая в городском муниципалитете, этот архитектор занимался благоустройством города. Еще и сегодня в Харбине сохраняются более десяти зданий, построенных по проектам Ю.П. Жданова. Это здания городской библиотеки, бывшей японской гимназии, несколько доходных домов Водянского Н.В., доходные дома чаеоторговца Чистякова И.Ф. и Мееровича Б.Д., харбинское отделение ЮМЖД, японо-китайский клуб и др.

Сохранившаяся застройка Харбина первой половины XX в. красноречиво свидетельствует о немаловажной роли в ее осуществлении российских архитекторов не только в первые годы существования города, но и в период эмиграции. Многие из зодчих, работавших до гражданской войны во Владивостоке, Уссурийске, Хабаровске, Благовещенске, Чите и даже Иркутске, волею судьбы оказались после 1920 г. в Харбине, Дальнем,

Софийская церковь.
Арх. Косяков В.А. (повторный проект). 1923-32 гг.

Архитектор Лушников А.А.

Архитектор Свиридов П.С.

Архитектор Тустановский Б.М.

Архитектор Жданов Ю.П.

Шанхае и других городах Китая, где нашли себе пристанище русские эмигранты.

Примечательно, что некоторые из архитекторов-эмигрантов сразу же заняли в Харбине ведущие должности. В качестве примера можно назвать такие имена, как М.М. Осколков, В.А. Рассушин, П.С. Свиридов и П.Ф. Федоровский. Первый из них в течение целого ряда лет работал в Хабаровске в должности городского инженера. Оказавшись в эмиграции, он занимал такую же должность более 15 лет (1921-37 гг.) в городском муниципалитете Харбина. Известный иркутский архитектор В.А. Рассушин в Харбине в 1922 г. стал городским архитектором и работал в этой должности более 10 лет, почти до самой смерти. Кстати, здесь же в эмиграции находился и еще один иркутский инженер-архитектор – А.А. Лушников. Опытнейший архитектор-художник П.Ф. Федоровский, имевший не только многолетнюю проектную, но и педагогическую практику, посвятил более 12 лет своей жизни в Харбине подготовке молодых специалистов, занимая все это время должности профессора и заведующего кафедрой архитектуры в Харбинском политехническом институте. Здесь же в течение многих лет работал (проектировал и преподавал) и П.С. Свиридов.

Как видим, в Харбин на волне эмиграции попали российские архитекторы и инженеры, сумевшие продолжить свою деятельность в новых для себя условиях, но в обстановке привычных им русских градостроительных традиций, заложенных предшественниками. В период своей эмиграции они трудились вместе с теми, кто приехал из России на строительство Хар-

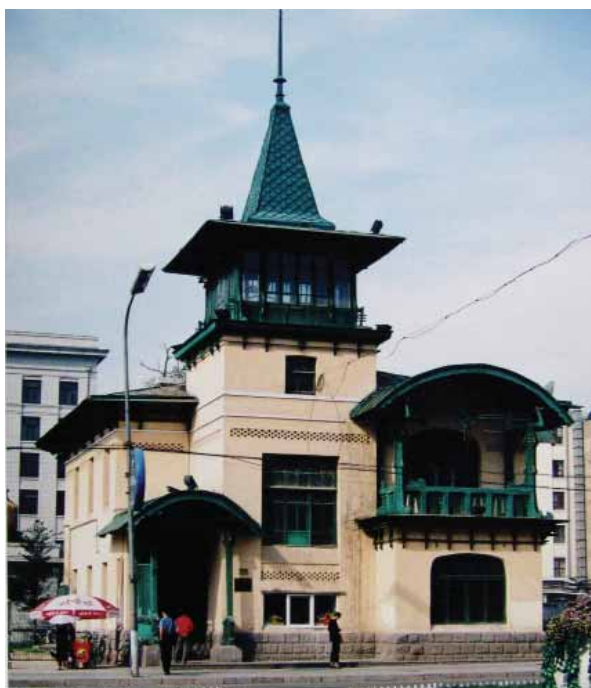
бина и остался в нем жить. Русское архитектурное наследие в современном Харбине – это плоды творчества российских инженеров и зодчих. Каждое из сохранившихся зданий связано с конкретной личностью автора проекта, подрядчика или строителя. Как это ни прискорбно, но имена большинства из них остаются до сих пор неизвестными.

Трехэтажное здание «Модерна» (отель, театр, ресторан, магазины), выстроенное по проекту С.А. Венсана, в современном Харбине по праву считается одной из главных архитектурных достопримечательностей города. В архитектуре его фасадов привлекают внимание плавные очертания аттиков, округлые формы окон, пластика деталей с характерной для стиля модерн прорисовкой. В архитектуре этого здания-комплекса присутствуют качества, позволившие отнести его к памятникам зодчества высшей категории. Здание с 1997 г. находится на государственной охране и входит в ансамбль исторической улицы Центральной (Китайской), отнесенной к памятникам градостроительного искусства. Кроме «Модерна» в Харбине сохранились еще несколько сооружений, построенных по проектам С.А. Венсана. К ним следует отнести здания китайской почтамта, акционерного общества электрических предприятий, фабрику Лопато, особняк В.Ф. Ковальского, в котором в 1930-е годы жил японский консул. Вообще, этим архитектором в Харбине были построены несколько десятков зданий.

Наряду с крупными, монументальными сооружениями немало в Харбине сохранилось уютных, привлекающих особой теплотой и нарядностью особнячков, построенных в первые

Особняк, в котором жил архитектор Венсан С.А. 1900 г.

Особняк управляющего КВЖД Остроумова Б.В. 1900 г.

Отель и театр «Модерн».
Арх. Венсан С.А. 1913 г.

годы развития города, еще в дореволюционный период. Они находятся на Большом проспекте, в районе Политехнического института, на улице Садовой, за комплексом Управления железной дороги, на некоторых других улицах. Рядом с бывшей гостиницей «Нью-Харбин» привлекает своими формами и выразительным силуэтом роскошный особняк, в котором жил управляющий Правления КВЖД В.В. Остроумов. Как и большинство построек того времени в Харбине, особняк выполнен в стиле модерн. Инженеры технического отдела, разрабатывая проекты особняков разных типов, часто использовали один и тот же план, однако, стремясь избежать повторения, создавали на его основе объемно-пространственные композиции, совершенно не похожие одна на другую, проявляя при этом завидную творческую изобретательность и мастерство. Причем все варианты они разрабатывали в стилистике модерна. Именно к такому типу принадлежит особняк, расположенный на ул. Садовой, в котором жил архитектор С.А. Венсан.

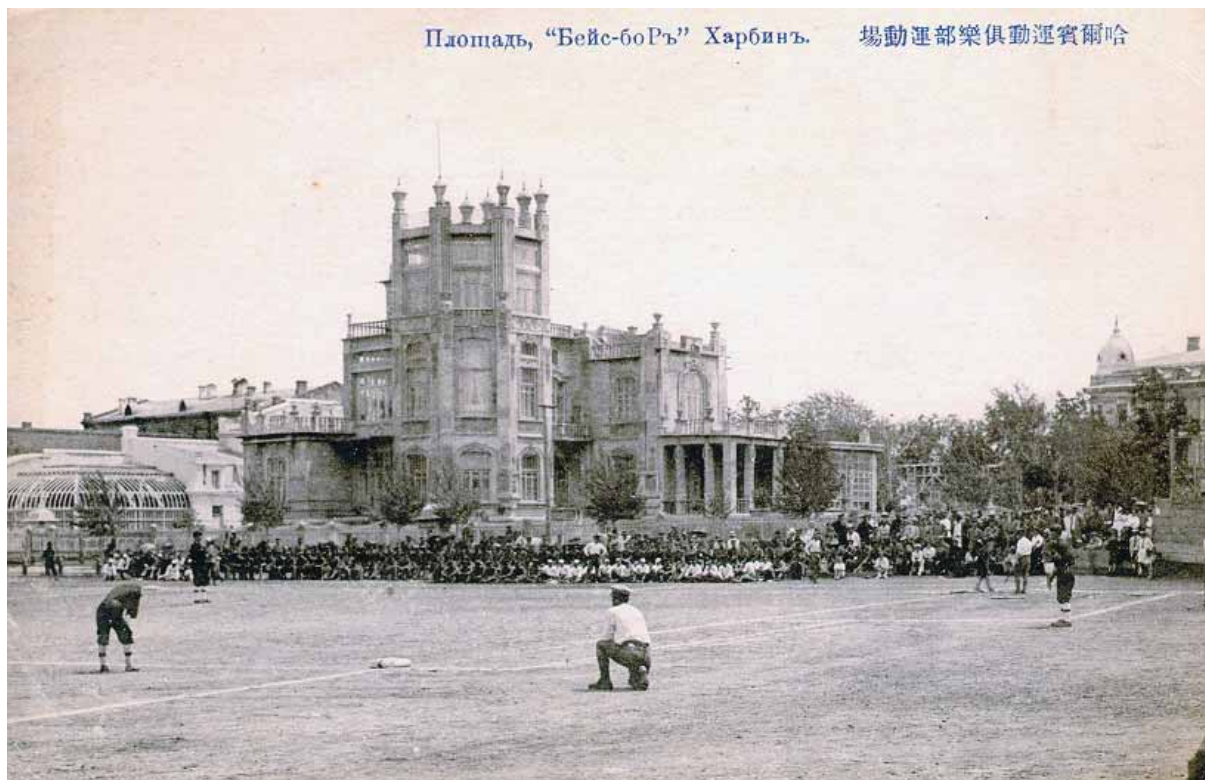
Собственный особняк недалеко от Центральной (бывшей Соборной) площади построил в 1919 г. П.И. Джигелло-Сокко, один из инженеров дороги. Решенный в характерной для модерна стилистике, его дом изобилует скульптурной пластикой (картуши, растительные мотивы, путти), сосредоточенной в угловой, самой парадной части. В архитектуре особняка эмоциональное начало явно превалирует над рациональным, а явная измельченность декоративных элементов вступает в некоторое противоречие с основными постулатами модерна. Тем не менее особняк – одно из лучших архитектурных сооружений данного типа в Харбине.

Немало сохранилось в Харбине построек, выполненных по проектам архитектора П.С. Свиридова. В течение нескольких лет (1920–24 гг.) Петр Сергеевич работал агентом Харбинского городского участка Службы пути на КВЖД, а затем (1925–35 гг.)

– архитектором технического отдела в том же ведомстве и архитектором Службы пути КВЖД. Занимаясь разработкой проектов и строительством самых различных объектов для дороги, Свиридов одновременно преподавал в Политехническом институте, где руководил курсовым и дипломным архитектурным проектированием и занимался научной деятельностью. Он опубликовал целый ряд статей и докладов в разных журналах и сборниках, в том числе на японском языке, брался за частные заказы – только в Харбине им выполнено более 50 проектов городских домов. Многие работы П.С. Свиридова остаются пока не известными. Вполне вероятно, где-то в архивах о них имеются сведения, как и о самом авторе, внесшем в развитие архитектуры и архитектурного образования в Харбине неоценимый вклад.

Возможно, что сохранились и чертежи выполненных им проектов. Необходимы архивные изыскания, но китайские исследователи этим не занимаются, а нам доступ в их архивы практически закрыт. Один из его проектов по расширению старого корпуса Политехнического института можно видеть на одной из представленных здесь иллюстраций.

В архитектуре современного Харбина европейские черты видны в сохранившихся зданиях, построенных русскими специалистами. Немалую лепту в создание этого облика Харбина внес архитектор А.А. Мясковский. Среди его многочисленных построек особое значение имеет торговый дом Мацууры, выполненный в псевдобарочном стиле и представляющий собой самое импозантное и привлекательное здание не только на Центральной улице Пристани, но и во всем Харбине. Судя по найденным материалам, здание построено в 1918 г. и изначально принадлежало японскому торговцу, который еще до революции имел торговые дела во Владивостоке. С верхнего этажа магазина Мацууры фотографы любили снимать город –

отсюда, с высоты птичьего полета, открывались великолепные панорамы Харбина. На многих сохранившихся старых фотоснимках можно видеть улицу Китайскую с прилегающей к ней застройкой, другие виды и панорамы Пристани, сделанные с верхней отметки этого дома. С этими видами в 1920-40 годы даже выпускали многочисленные открытки.

Характер постоянной заботы о сослуживцах со стороны руководства дороги носила организация досуга харбинцев. В проектах с самого начала предусматривались строительством такие сооружения, как Гарнизонное и Железнодорожное собрания – профессиональные клубные учреждения. Частные предприниматели открывали кино- и театральные залы, а в просторных домах некоторых служащих дороги устраивались спектакли. В июле 1903 г. в городском саду открылся первый театр, появился «Американский цирк», вскоре открылись театр «Буфф» на Пристани и общедоступный драматический театр. С конца 1910-х годов в Харбине неизменной популярностью пользовался театр «Модерн», в котором ставились оперы, оперетты, драматические постановки, а также миниатюры.

Строительство театров активизировалось в Харбине в связи с наплывом эмигрантов и китайцев-переселенцев. С каждым годом население города увеличивалось, поэтому для удовлетворения культурных нужд требовались специальные учреждения. Уже в 1925 г. было принято решение о постройке здания кинотеатра в Новом городе, напротив улицы Почтовой, а в следующем году началось строительство еще двух кинотеатров («Арс» и «Гигант»). Рассчитанный на одну тысячу зрителей, кинотеатр «Арс» предназначался не только для показа кино, но и для постановки спектаклей разного типа. Проект его разработал известный в Харбине инженер-архитектор Г.Г. Дориан. Оба этих театра сохранились до настоящего времени и тоже внесены в список охраняемых объектов как памятники архитектуры.

Архитектура Харбина явилась воплощением творческих идей и лучших достижений русской и западноевропейской архитектурно-строительной практики. Поиски новой, современной архитектуры осуществлялись на базе художественных принципов модерна, который как ведущий стиль начала XX столетия нашел свое отражение в самых представительных постройках Харбина того времени. Примечательно, что здесь,

на востоке азиатского региона, начало века ознаменовалось строительством новых крупных городов, в архитектуре которых проявились не только русские, но и общеевропейские стилистические новации. Получившие образование в России и европейских странах архитекторы и инженеры на огромном строительном полигоне, каким стала Китайская Восточная железная дорога, стремились внедрить все самое лучшее, передовое. Харбин явился ярким и убедительным подтверждением того, что новые идеи в архитектуре могут полнее всего воплотиться там, где присутствует размах строительства и где вложены крупные финансовые ресурсы. Харбин как очаг русской культуры прекрасно адаптировался к условиям культуры азиатской страны. Сохранившиеся памятники архитектуры Харбина – убедительное свидетельство сотрудничества в специфических условиях на протяжении нескольких десятилетий разных культур – европейской и азиатской. Тем более значимым представляется русское архитектурное наследие в Китае, требующим к себе не только пристального внимания, но и глубокого, систематического исследования.

Первый корпус Политехнического института

Токио – в поисках Японии

Tokyo – looking to Japan

текст
Вячеслав Глазычев

text
Vyacheslav Glazychev

Токио занял почетное место в моей коллекции «невозможных городов».

Именно потому, что я казался себе подготовленным к поездке как никогда, шок познания оказался столь силен. Помимо обычного интеллигентского чтения (Овчинников и другие всякие там «ветки сакуры») и многолетнего проглядывания архитектурного журнала на экспорт я успел с азиатским терпением, иероглиф за иероглифом, перевести изрядных размеров книгу. Книга называлась «Нихон-но Тоси Кукан», то есть «Пространство японского города», и была – в отличие от «экспортных» журналов на английском – написана своими для своих.

Первое, что бьет по глазам, – совершенная монотонность. Или это монотонность крошечных домиков о двух этажах, между которыми протискиваются автомобили. Или монотонность бетонных уродцев о трех-четырех этажах. Или – восьмизэтажных «пенсил-хаузов», каждый из которых возведен на плане все того же домишки, то есть четыре-пять метров по фасаду.

Идти десять минут, час или пять часов – различия не обнаруживается.

Первое впечатление: Нарита-экспресс от аэропорта с его табло на жидких кристаллах над дверьми, чтобы видеть, в какой точке пути находишься, с его удобством дизайна и прочее. Второе – японцы, как водится, не похожи на себя рекламно-киношных. В целом на редкость некрасивая толпа, великое множество деформированных фигур и лиц, дурная кожа – стресс? Несбалансированное питание?

С первого момента началась нешумная битва. Необходимо пояснение: большинство мне известных специалистов оказывались в Японии в роли гостящего ученого – со всеми надлежащими церемониями. Я же отправился туда в орнаментальной роли профессора при группе студентов архитектурного института с ответным рабочим визитом. Всей группе предстояло обитать в монастыре Дзодзедзи.

Визит вежливости на кафедру, после чего ассистент-кореец повез меня к монастырю на метро (силу ненависти корейцев к японцам знает не всякий, но почему агрессия обратилась и на русского, осталось загадкой). Он почти бежал в густой, как гороховый суп, толпе, не оглядываясь на меня. Следовало выбить его из равновесия, не теряя лица. Я не спеша продвигался в толпе на станции и, приобретая план города, не без труда, но сумел-таки самостоятельно добраться до Дзодзедзи. К счастью, хотя бы названия станций и конечных остановок автобусных маршрутов обозначены по-английски и в метро, и на табло автобусов.

Пора было чем-то перекусить. Рисковать поиском местной харчевни, где еще надлежало разобраться, что и как есть, не было сил. Я совершил преступление против совести и, увидев знакомый знак «Макдоналдса», зашел внутрь. То, что там кормят дрянью, известно, но также известно, что это, по крайней мере, будет почти одна и та же дрянь, независимо от места на планете Земля. Впрочем, «Макдоналдс», всегда адаптирующийся к местным условиям, и здесь себе не изменил: прямо в столешницу был вмонтирован экран телевизора.

Странновато: в центре огромного Токио – монастырь. Пройдя через храм, столь же формально склепанный, как новые наши церкви, переходишь во флигель. Длинный коридор, ряд темных дверей, за дверью келья размером в восемь татами. У входа маленькая ниша с вешалкой. Обувь

Tokyo is an honorable component in my collection of «impossible cities».

My experience shock was so strong because it seemed to me that I was ready for the trip in the best way possible. Except usual intelligent reading (Ovchinnikov and other «branches of sakura») and many years of looking through an architectural export magazine, I had time to translate a very big book armed with Asian patience – hieroglyph after hieroglyph. The book by Tosi Kukan was named «Nichon-no», it means «Space of a Japanese Town». It was written not for aliens, unlike «export» magazines in English.

The first thing that catches one's eye is an absolute monotony. Either it is a monotony of tiny two-storied houses, between which automobiles push their way. Or it is a monotony of tree- or two-storied concrete monsters. Or it is a monotony of eight-storied «pencil-houses». Each of them is erected in the plan of the same tiny house, that is four or five meters on the facade.

There is no difference whether you walk for 10 minutes, an hour or 5 hours.

The first impression: Narita-express going from the airport with its liquid crystal tableau above the doors to see at which point of the way you are, with its comfortable design and so on. The second one is the Japanese, that do not look like they are depicted in commercials or cinemas. In general it is an awfully looking crowd, lots of strained faces and figures, bad skin – because of stresses? Or unbalanced nutrition?

From the first moment a silent fight started. It is necessary to explain: most of the specialists I know came to Japan as a visiting scientist, with all appropriate ceremonies. As for me, I came to Japan as a professor accompanying a group of students of the Architectural faculty in the return visit. The whole group was to stay at the Dzodzodzi monastery.

After the courtesy visit to the department a Korean assistant took me to the monastery by metro (everybody knows how much the Koreans hate the Japanese, but it is strange why the aggression was turned to a Russian). He almost ran in the crowd dense like a pea soup, not looking back at me. I needed to unsettle him while saving my face. At the station I moved through the crowd unhurriedly, bought a city plan and was able to reach Dzodzodzi by myself. Fortunately the names of the stations and small bus stops were in English both in the metro and on the bus tableaux.

It was time to have a snack. It was too much for me to look for a local snackbar where I had to make out what to eat and how to eat it. I went against my conscience and, seeing a familiar sign «McDonald's», walked inside. It is well-known that they serve wastes there, but it is also known that at least it will be almost the same wastes, regardless of the place on the earth. However, «McDonald's» always adjusts to local conditions. Here it was no exception: a TV screen was embedded into the table.

It is strange that the monastery is located in the center of the big Tokyo city. After walking through the temple erected as formally as our new churches, you get into a wing. A long corridor, a row of dark doors, behind the

оставляешь здесь. Кроме маленького столика, подборки буддийских текстов по-английски и одеяла с маленькой подушкой ничего нет. Зато в пять утра – по коридору негромкий топот, удары дощечек, бормотание молитв. И еще юный японец, поместившийся у двери, как собачка: сидит, и пока я не выключу свет, нечто записывает, почти не сводя с меня глаз. Имя «собачки» мне неизвестно, общение с ней не предполагается. Она – присутствует.

Безумие случайных совмещений в пространстве-времени: на выставке весьма изощренного дизайнера-концептуалиста, сочиняющего принципиально бесполезные вещи-знаки, по-над собравшимися японцами вижу престарелого мага современного дизайна – миланца Этторе Соттсасса, в мастерской которого мне довелось бывать. После профессионального разговора с ним замечаю, что отношение токийцев ко мне переменялось. В этом отношении Токио ли, Нью-Йорк ли, Москва ли – все одно.

Оставим в покое затяжные сражения за то, чтобы нашим студентам выдали сколько-нибудь пристойные суточные (им, в Москве расшибавшимся, чтобы японские сверстники чувствовали себя хорошо, было непонятно, что здесь власти университета урезали бюджет визита), а не те 6 (шесть) долларов, на которые только что не умереть. И еще, чтобы их расселили пореже и чтобы они могли съездить в Киото. Так или иначе, я свою битву у реки Квай выиграл. Частью потому, что японские коллеги убедились в «международности» моей скромной персоны при встречах с американскими и европейскими визитерами. Частью благодаря тому, что расспросами мне удалось-таки совлечь коллегу-сэнсея с официоза настолько, что он признался в своей принадлежности к католической церкви, то есть к абсолютному меньшинству (католиков – до 1 процента населения) – с немалыми отсюда сложностями для карьеры.

...Такого города не может быть, но он есть. Пространство журналов, свойственный им принцип фильтрации действительности приводит к тому, что возникают сказочные образы города древней культуры или, напротив, – города супермодернистской архитектуры. В реальном пространстве Токио есть, разумеется, и то и другое, однако ориентиров практически нет. Найти что-либо сложно каким-либо иным образом, кроме отсчитывания поворотов с планом в руках. Даже это помогает не всегда. Я потратил час, чтобы отыскать Накагин-билдинг, сооружение культового, как теперь принято говорить, зодчего – Кензо Танге. Здание-манифест: бетонный стержень, облепленный квартирами-модулями словно гнездами ласточек. Отыскал, чтобы убедиться: известная по журналам и книгам фотография – единственный возможный, один-единственный кадр, видимый с единственного погонного метра посреди пешеходного мостика над улицей. Более ниоткуда. Другое «культовое» сооружение, весьма напоминающее зингеровскую швейную машину, я так и не отыскал, имея в руках специальный план города для гостей-архитекторов. При восьми одинаковых, как слезы, выходах из метро на одинаковые же улицы задача оказалась неразрешимой.

Трава вокруг императорского дворца выбрита, а не стрижена. Все же по-своему замечательная кладка углов в стенах, дополненная отражением в широком рву и спинах гигантских золотых карпов. Маленький парк у реки – слишком «велик», но на закате контражуром суров облик чайного домика на пруду.

Храмы и их сады за глухими стенами – точное подобие древнеримских «vomitorиев». Эти сады и парки – единственные места, где можно вдохнуть полной грудью.

Действуют на воображение: замечательная способность разместить в харчевенке 44 посадочных места на площади менее двадцати квадратных метров; автоматы для безалкого-

door there is a cell eight tatami in size. By the entrance there is a small bay with a rack. You leave your shoes here. There is nothing except a small table, a collection of Buddhist texts in English and a blanket with a small pillow. But at 5 a.m. you hear a light footfall, strokes of small boards and murmuring of prayers. And a young Japanese, like a dog, sitting at the door, writing something and keeping his eyes glued on me until I switch off the light. I do not know the name of the «dog», I am not supposed to talk with him. He is just present here.

There is a madness of accidental superposition of space and time: at an exhibition by quite a keen designer-conceptualist, who creates fundamentally useless things-symbols, in the crowd of Japanese I see an old wizard of contemporary design – Ettore Sottsass, a Milan citizen, whose studio I visited once. After our professional talk I notice that the Japanese changed their attitude toward me. In this regard there is all the same whether in Tokyo, New York or Moscow.

Let's leave alone those long battles for some fair daily allowances for the students (after doing their best to make Japanese students get well in Moscow, they did not understand why the University authorities cut the visit budget) instead of those 6 (six) dollars just to survive. They also wished to be settled not so densely and to go to Kyoto. Anyhow, I have won my battle at the Kwai River. Partly because Japanese colleagues were convinced of my «international status» at the meetings with American and European visitors. Partly because I managed to bring down my colleague-Sansei from official language so that he confessed to his affiliation with Catholic church, that is with the absolute minority (only 1 % of the population are Catholics), while getting a lot of complications for his career.

... Such town cannot exist, but it does. Magazine spaces and their reality filtration principle lead to initiation of fairy images of a town with ancient culture or on the contrary – a town with supermodernist architecture. In the real space Tokyo is certainly both, however, there are practically no checkpoints. It is difficult to find something unless counting turnings with a plan. But it does not always help. I spent an hour to find Nakagin building, a construction by a cult (as it is popular to say now) architect, Kenzō Tange. It is a building-manifest: a concrete shaft stuck all over with module flats, as if with swallows' nests. I found it to make sure – it is a well-known photograph from magazines and books, the only one possible: the only one picture seen from the only one running meter on a pedestrian bridge over the street. There is no other place. I failed to find another "cult" construction, which reminds a Zinger sewing-machine. I had a special city plan for visiting architects, but the task was unsolvable because of eight metro exits equal like tears, which lead to the equal streets.

The grass around the imperial palace is shaved off, but not cut. The corner laying in the walls is wonderful, in its own way. It is supplemented with its reflection in the broad ditch and on the huge golden carps' backs. A small park near the river is too «big», but at sunset the outline of a teahouse on the pond is severe.

Temples and their gardens behind blank walls exactly resemble old Roman «vomitories». These gardens and parks are the only places to breathe freely.

It has a great effect on my imagination: ability to accommodate 44 seats in a small tavern on the area less than 20 square meters; soft drinks machines (cold on one shelf, ice-cold on the second shelf, hot on the third

гольных напитков, где на одной полке cold, на другой – ice-cold, а на третьей – вовсе hot, и все работает; чудовищный по безобразию мемориальный зал шефа судостроительного концерна в Музее морского дела – вылитый член политбюро в окружении чучел тигров, фотографий и живописи (Он с сильными мира сего), равно как подарков; невероятный лабиринт вокзала Сюдзюку – движение рывками от знака к знаку, как и вообще движение по Токио как бы в метро, даже если не в метро, от точки к точке, промежду – нейтральная всепожирающая ткань, Энтропийная воронка.

Завистливое восхищение от избранного в Токио способа засовывать автомобили на парковку в вертикальные многоярусные гаражи. Дешево и сердито: по фронту пять-шесть метров; стальной каркас, обшитый волнистым стальным листом; внутри – «патерностер», бесконечная цепь с поддонами для машин, так что при шести-восьми уровнях влезает 12-15 штук.

Боже правый, какой дрянь и в каких осатанелых колерах здесь торгуют, если чуть отойти от Гиндзы! В стране, художественная изощренность которой стала нарицательной, почти не видно добротного вкуса вещей. Как убого выглядит в действительности сама Гиндза, в ночной кино-съемке обычно явленная чуть ли не как второй Лас-Вегас...

Среди поразившего: в Наре – берут 100 йен за вход в черный как ночь коридор Кайдан-Мегури, игравший с VIII века роль «школы» медитации для буддийских монахов; в телевидении – халтура «из жизни самураев» и мелодрамы весьма убогих съемки и содержания.

Путешествие речным трамваем по Сумида-гава вверх по течению, к Асакуса. Строй домов вдоль реки в таком вот ритме; ...iii...i.ii. – вдруг иногда пятно старого дома. Толпы японских туристов – как всегда, с флажками, чтобы отставший не потерял своих.

Храм богини Каннон в Асакуса, где проходит чудная церемония «сисигосан», чествования трех-, пяти-, семилетних детишек, которые и сами, и частью их родственники в парадных кимоно. Кстати, шелковые настоящие кимоно – от 4 до 12 тысяч долларов, дороже автомобиля; все остальное – чудовищно. В полутьме храма жрец машет прелестным знаменем из полосок рисовой бумаги. Страстное, безудержное фотографирование или видеозапись друг друга – всюду, в каждой точке, все дни подряд. Будто стремятся всякий миг удостовериться, что они существуют.

Район Синдзюку. Конечно, это застроено хорошо, но ни Манхэттена, ни Чикагской «Петли» все равно не получается, даже если это и Кензо Танге с его внутренней площадью, именуемой на американский манер «плазой». Теперь и в Москве стали появляться такого рода офисы: вроде правильно и чисто, но не уходит ощущение фальши, неумения быть собой при страсти быть собой довольным, если вспомнить слова Тrolля из ибсеновского Пер Гюнта.

Бродишь по Музею истории – и никак не укладывается в голове: страна, что различала десяток рисунков-слоев на режущем крае стального меча, что создала вязанье из пенькового каната мундиры пожарной службы, красотой не уступающие самурайским доспехам, что сохранила умение на сто ладов паковать подарок в бумагу, рухнула в китч с каким-то залихватским азартом.

Кое-что – отнюдь не из лучшего – уцелело. Поиск знакомого по Москве эколога – полтора часа блужданий, включая бесполезную капитуляцию перед трудностями и распросы полицейского по его атласу. Зато удалось, наконец, понять систему адресов при отсутствии имен у большинства улиц (в Киото, где целы следы хэйанской планировки, именных улиц гораздо больше). Имя квартала написано

shelf – and everything works; terribly disgraceful memorial hall for the chief of a shipbuilding trust in the ship museum: the very image of a Politburo member surrounded by stuffed tigers, photographs, paintings (he and the mighty of this world) and gifts; incredible labyrinth of Sundzuku station: hitching from sign to sign – as everywhere in Tokyo, as if in the metro, even if not in the metro, from point to point, and between them there is a neutral all-embracing material, Entropy funnel.

I am enviously delighted with the way they park their cars in the vertical multilevel garages in Tokyo. It is quite efficient: 5-6 meters along the front; a steelwork faced with corrugated steel plate; inside there is a «paternoster», an endless chain with trays for cars, so 12-15 automobiles fit on 6-8 levels.

My God, if you walk away from Gindza a little bit, you will see what a rubbish and in what crazy colors they trade here! In the country, which artistic sophistication has become well-known, one practically cannot see a high quality taste for things. How miserable Gindza looks in reality, though it is shown in the night shooting almost as a second Las-Vegas...

It also strikes me that in Nar they take 100 yen as entrance fee to the corridor Kaidan-Meguri, as black as night, which was a meditation «school» for Buddhist monks; on television it is a pot-boiler "from samurais' life" and melodramas with shooting and contests that leave much to be desired.

Traveling by waterbus up Sumida-gava, to Asakusa. A row of houses along the river in the rhythm: ...iii...i.ii., and suddenly a spot of an old house. Crowds of Japanese tourists, with flags for the one detached from the group to find it.

Goddess Kannon's temple in Asakusa, where a wonderful ceremony «sisigosan» honours 3-, 5-, 7-year old children, who are in festive kimono, together with some of their relatives. By the way, silk genuine kimonos cost from 4 to 12 thousand dollars, more expensive than an automobile; all the rest are terrible. In the twilight of the temple a priest waves a lovely banner made of stripes of rice paper. Everywhere, at every point, every day – passionate unrestrained photographing or shooting each other. As if every moment they want to make sure that they exist.

Sindzoky district. Of course, it is well built, but they fail to get neither Manhattan nor Chicago «Loop», even if it is Kendzo Tange with his inner square called «plaza», like in America. The same offices start appearing in Moscow now; it looks like proper and neat, but remains an impression of a fraud and inability to be oneself while longing to be self-satisfied, as said Troll in «Per Gynt» by Ibsen.

While wandering around the history museum, I cannot figure it out: the country that used to distinguish ten patterns-layers on the cutting end of a steel sword, that created firemen's uniforms of hemp rope, which beauty does not yield to samurai's armour; that keeps the skill to pack a gift into paper in one hundred ways, – this country has fallen to kitsch with excitement.

Something, not the best, has survived. I looked for an ecologist that I had known in Moscow for an hour and a half, including vain capitulation to difficulties and asking a policeman to find the place in his atlas. But finally I managed to understand the address system, provided that many streets had no names (in Kyoto, where Heian planning still remains, there are much more named streets). The block's name is inscribed on a tiny plate fixed on a corner building at a height of a knee, as if a geodesic checkpoint. The house number refers only to the time of construction with

на крошечной табличке, закрепленной на угловом здании на высоте колена, будто репер геодезистов. Номер дома отражает лишь время его постройки относительно других зданий того же квартала. Проще не становится, но хотя бы понятнее. Неудивительно, что без тщательного плана в руках никто никого не может найти.

Сдавленные со всех сторон городской тканью ограды кладбищ, внутри которых – почти подобие того, что вокруг, но в миниатюре.

Квартира общей площадью 54 квадратных метра почитается роскошной.

Европейских знаменитостей почему-то норовят принять во французском ресторане «Пти-Пуан» или во «Флоренции», изготовленной в кирпиче наподобие Палаццо Синьории. При всех достижениях в индустрии и бизнесе комплекс неполноценности, породивший Революцию Мэйдзи 1861 года и наново ею порожденный, по-видимому, никуда не ушел. Есть и оборотная сторона. Во «Флоренции» Арата Исодзакэ один из столпов японской нынешней архитектуры при нашей встрече с Жаком Дюфи и Марио Боттой замечательно описал свою лекцию в той, настоящей Флоренции. Он выступал в дивном зале Виньолы, но зато там не позаботились о затемнении, так что вместо показа слайдов пришлось бурно жестиковать.

В поисках Японии еду в Киото, запасись у моего бывшего антагониста десятком фраз на диалекте. К стыду своему, я нигде ранее не читал о том, что в Киото фактически говорят на совсем другом языке. Диалектом его можно назвать сугубо условно, исходя из застарелой политической традиции. Уж если «спасибо» в Токио – аригато, а в Киото – О-кини, то шуточки в сторону. Скоростной экспресс «Хикари», в котором среди прочих удобств есть (наряду с японским – без унитаза) и европейский туалет. Среди пассажиров меньше сугубо крестьянских лиц – классовый отбор в действии. Посреди пути в окно с божественным спокойствием вливается далекая Фудзияма. Все, что я пересмотрел по местности по имени Суруга, где священная гора в центре всякой композиции вида, оказалось правдой.

Я выбрал традиционную гостиницу за городом, где оказался единственным европейцем, вызвавшим сдержанное любопытство окрестного населения. Сравнительно с токийской кельей здесь было просторнее, а к столику, матрасику и подушке, завернутой в стеганое одеяльце, добавились термос китайского производства и телевизор. Можно было заказать ванну в бочке (однако же в выложенной испанским кафелем комнатке в подвале), тогда как в монастыре ванна-бассейн была на всех одна, и набивалось в нее народу немало. В бумажных стенах слышен каждый шорох. Выходя в туалет, что в коридоре, надлежало сначала обуть пластиковые тапки, дойти до двери туалета, снять тапки, обуть другие, войти внутрь, затем повторить все в обратном порядке. Отсюда степенность всякого передвижения и ритм легкого стука шлепанцев о вощеные доски пола в коридоре.

Храмовый комплекс Санджю-Сангендо: могучий эффект мультипликации тысячи одномерных бодисатв при одной статуе в центре, полусвет и запах палочек и темное дерево под пятками в носках. И непрерывный поток гимназических классов в черных мундирчиках и черных фартучках девочек.

Довольно долгий пеший путь к другой цели паломничества – тропа, к которой я вышел правильно, уточнив место у трех местных граций. Их лица напряглись, когда я направился в их сторону (ясное дело – американец, американцев же здесь, понятное дело, недолюбливают). Однако аккуратно выговоренное «до йатте ике мас ка Гинкакудзи до но» вызвало тень улыбки. Густой «суп» из гимназистов, которым не менее наплевать на все древние красоты, чем

regard to other buildings of the same block. It becomes not easier, but at least clearer. No wonder that nobody can find anybody without a detailed plan.

Cemetery fences squeezed from everywhere by the city material, inside of which there is almost a resemblance of what is outside them, but in a miniature.

A flat with the total area of 54 square meters is considered luxurious.

European celebrities are for some reason welcomed at the French restaurant «Petit Point» or in «Florence» built in brick like Palazzo Seniorii. Given all the progress in industry and business the inferiority complex, that caused Meidzi revolution in 1861 and was later caused by it, did not disappear. There is also an underside. In «Florence» Arata Isodzaki, one of the celebrities of Japanese contemporary architecture, at our meeting with Jacque Dufi and Mario Botta described brilliantly his lecture in the real Florence. He made a speech in a wonderful Viniola hall, but they had not troubled about darkening, so he had to actively gesticulate instead of showing slides.

While looking for Japan I go to Kyoto, having provided myself with ten phrases in the dialect, which I have taken from my former antagonist. To my shame I have never read that they actually speak quite a different language in Kyoto. It can be called a dialect only relatively, on the assumption of an old political tradition. Joking apart, for example «thank you» in Tokyo is «arigato», and in Kyoto it is «okini». A high-speed flier «Hikari» provided with a European toilet along with a Japanese one, without a closet basin. Class selection is afoot, because there are only a few peasants among the passengers. On the way a faraway Fujiyama sails into the window with divine tranquility. Everything that I have translated about the place named Suruga with the holy mountain in the center of any view composition turns out to be true.

I chose a traditional hotel out of town and turned out to be the only European who aroused reserved curiosity of the local population. Comparing to a Tokyo cell it was more spacious there, and a thermos made in China and a TV set were added to a small table, a mattress and a pillow wrapped in a quilt. I could order a bath in a barrel (though in a small room paved with Spanish tiles in the basement), while in the monastery there was only one bathroom-pool crowded with a lot of people. Any rustle is heard in the paper walls. When going to the toilet in the corridor one had to put on plastic slippers, approach the toilet door, take off the slippers, put on the other slippers, enter the toilet and then repeat everything in the reverse order. From this they have dignity in every movement and a rhythm of a light clatter of slippers against waxed boards of the floor in the corridor.

The temple complex Sanju-Sangendo: a mighty multiplication effect of thousand one-dimensional bodhisattvas having one statue in the center, twilight, smell of sticks and dark wood under the feet in socks. And continuous stream of gymnasium classes in black suits and girls' black aprons.

It is quite a long walkway to the other pilgrimage target – a path that I reached after inquiring three local Graces about the place. Their faces became tense when I directed my steps to them (of course, an American, they do not like Americans here). However, my accurate pronunciation of «do yatte ike mas ka Ginkakuji do no» aroused their slight smile. A rich «soup» of students who do not care for all the old beauties as well as in our museums, but I had to go through a crowd of flashes: these children also photograph exclusively each other with single-use cameras. A

в наших музеях, зато идти приходится сквозь череду фото-вспышек: и эти детки фотографируют исключительно друг друга одноразовыми камерами. Странноватый эффект конуса, призванного отражать лунный свет (потом я понял, что это – модель снежного усеченного конуса Фудзи, похожая на очень большой «куличик» из песка), прелесть вязки перекладин и «вееров» для подметания мхов. Игра коле-ров множества видов кленов.

Киёмидзу, куда я добрался сам, причем чуть с другой, менее коммерческой стороны. Страшное разочарование с керамикой и вообще поделками (с трудом нашел подноси-ки из бамбука, и те под густым лаком). Настоящее ремесло есть, но нужно, чтобы кто-то привел к мастеру, и цены астрономические. Зато я забрался наверх как раз вовремя, чтобы видеть закат с террасы, про которую переводил когда-то. Немногочисленные европейцы – как щепочки, уносимые японским туристским людворотом, – слабо улыбаются друг другу издалека.

К Кинкакудзи ехал на такси, что правильно: при разбро-санности долины Киото нужно много времени, чтобы не упустить свет осеннего дня. На фоне цветового буйства листья даже позолота павильона с фениксом на кровле не раздражает и приглашена, храмик наверху, где все ударяют в колокол плоско брусом, так что звук очень приглушен. Гигантские рощи бамбука недоступны за стеной.

Риоандзи – знаменитый сад камней – не впечатляет: дзенского начала во мне, по-видимому, маловато. На краю террасы восседают японские туристы, слушая через наушники, что им надлежало бы делать для достижения слиян-ности с мироустройством. Не сливаются. Это – не их. Они здесь не менее, если не более чужие, чем я сам.

Нин-Надзи: сначала страшное разочарование плюс уста-лость и голод, но затем все же засунулся в павильон, там дивные угловато-зигзажные переходы на вилле и росписи, что особенно хороши при взгляде снаружи вовнутрь, – тем-ное дерево, прохлада которого ощущается сквозь носки.

Вообще, свинцовый отблеск глазури на черепицах и круглых «пробках», которыми прикрыты их концы снаружи, – гениальная японская «штучка».

В Киото, в метро, в отличие от токийского, поразила странная, едва ли не торжественная церемония выстраива-ния двумя поперечными очередями к дверям еще не подо-шедшего поезда метро.

В отличие от Токио, в Киото угнетенно-беспросветное ощущение суеты слабее, однако, и здесь, в электричке, идущей вечером в пригороды, я не видел ни одной трезвой физиономии. Видывал я в жизни вусмерть пьяные дерев-ни и слободы, видывал баварские пивные заведения, где абстинентам нечего делать, но здесь нечто качественно иное. Ритуал сидения за чашками сакэ после работы неот-вратим и привычен. В вагоне не было пьяных, но не было в нем и трезвых – равномерно-монотонная прихменность уныло усталых людей.

Никак я не ожидал столь острого ощущения разрыва с прошлым, по силе приближающегося к нашему 17-му году. В эпоху Мэйдзи – это были смешноватые для внешнего наблюдателя, такие истово напряженные попытки полно-стью скопировать архитектуру разом со всем ее наполнени-ем, будь то отель, или универмаг, или кофейня, где читают газеты (в Киото в кофейне на третьестепенной улочке я обнаружил филадельфийский агрегат для помолы кофе с клеймом 1880 года). Сейчас в глаза бьет какое-то без-умие бескорневого компьютеризованного феодализма, где любые общественные движения мыслимы не более, чем у нас в лихие брежневские времена.

Трехэтажный игральный «зал», где за сплошь стеклян-ной стеной, как в аквариуме, на всех трех уровнях чуть

strange effect of the cone, which reflects moon light (later I understood that it was a model of a snowy truncated cone of Fuji looking like a very big sand Easter cake), charm of bundling crossbars and «fans» for sweeping moss. A play of colours of numerous kinds of maples.

I reached Kiemidzu by myself, from a less commercial side. I was much disappointed in ceramics and articles in general (I could hardly find bamboo trays, only under a thick layer of varnish). Real craftsmanship does exist, but it is necessary to be lead to the craftsman by somebody, and the prices are extremely high. But I climbed the top just in time to see the sunset from the terrace, about which I translated once. A few Europeans looked like chips driven away by Japanese tourist churning of people, they slightly smiled to each other from a distance.

I took a taxi to go to Kinkakuji, which is a right way, because of dispersion of Kyoto valley it takes a lot of time in order not to miss the light of an autumn day. Against a background of colourful splendour of leaves even the gild- ing of the pavilion with a phoenix on the roof does not irri- tate, it is dimmed; in a small temple at the top everybody strikes the bell flatly with a bar, so the sound is muted. Giant bamboo groves are inaccessible behind the wall.

Rioandzi, a famous stone garden, does not make a big impression: probably I have too little Zen basis. At the edge of the terrace Japanese tourists are listening in the earphones to what they are to do to reach fusion with dis- pensation. But they do not fuse. It is not for them. Here they are not less, maybe even more alien than me.

Nin-Nadzi: first it is a big disappointment plus tiredness and hunger, then I drop into the pavilion. There are won- derful angular-zigzag passages in the villa and paintings especially beautiful when looking inside from outside, dark wood, which coolness is perceived through the socks.

In general leaden gleam of glaze on the tiles and round «plugs» covering their ends from outside is an ingenious Japanese «thing».

In Kyoto metro, in contrast to Tokyo one, a strange, almost solemn ceremony of making two cross lines to the doors of a train yet to come.

In contrast to Tokyo, in Kyoto the depressed and hope- less feeling of fuss is less, but here, in the electric train going to the suburbs in the evenings, I did not see a single sober face. In my life I used to see blind drunk villages and outskirts, Bavarian alehouses where abstinent have noth- ing to do, but here it is something quite different. The rite of sitting with the cups of sake after work is inevitable and habitual. There were no drunks in the car, but there were no sober men either – just a uniformly monotonous light intoxication of downcast and tired people.

I did not expect such a pungent feeling of gap between the present and the past, which strength was close to our 1917. In Meidzi epoch it was such intensive attempts to completely copy the architecture as a whole no matter if it was a hotel, or a department store, or a coffeehouse where they read newspapers (in Kyoto coffeehouse in a minor street I found a Philadelphian coffee grinder branded 1880). It looked funny for an outer observer. Now one's eye can be stricken with a kind of madness of rootless comput- erized feudalism where probability of any social movement is not more than in our Brezhnev's jaunty time.

A three-storied playing room where behind the glass wall, like in an aquarium, on all the three levels almost two thousand people drive a small ball at one and the same type of machine – like in Las Vegas. But there is a difference: in Las Vegas there is no many-storied develop- ment of this type. The industrial principles are withdrawn,

не две тысячи человек гоняют шарик на одном типе игрового автомата, – это очень похоже на Лас-Вегас. Но это иное: в Лас-Вегасе нет многоэтажности такого рода, снято или, если хотите, тщательно замаскировано индустриальное начало. Наконец, там вскрикивают, хохочут, без дурных чувств поворачивают голову на звук чьей-то удачи, когда дождем сыплются монеты. Здесь – молчат.

Настырная декоративная веселость в дискотеках Синдзюку, алчный жор в тамошних ресторациях, в вагонах поезда молодые и не думают уступить место старшим, а в газете читаешь о распространении специального юридического термина «кароси», означающего смерть от чрезмерного переутомления на работе как основание для судебных исков. Вместе с унылым пьянством это еще одно подтверждение перегрева и сверхстресса, из которого должен непременно следовать психологический кризис. Кстати, электронная игрушка, которая выброшена из Японии в мир и у нас известна под названием тамагочи, сделана все же не для подрыва мировой морали, но для собственного утешения. Вот уж поистине Станислав Лем может быть доволен: одна из его «Сказок Роботов», та, где Трурль или Клапаций соорудили маленький мирок под стеклянным колпаком, реализована напрямую в компьютерной игрушке, внутри которой надо выхаживать виртуального зверька. Впрочем, может, она и компьютерная, но точно не вполне игрушка.

Достаточно открыть японско-русский словарь, чтобы узнать – на поверхности вещей все просто и невинно: тама – это шарик, госи – это пальцы, вместе получается – так себе, пустячок. Но, по правилам японской поэзии, за словом написанным есть слово произнесенное, а за ним прячется в тени начертанный аналог его омофонического двойника. А тогда имеем совсем иную картинку: тама – душа, госи – приношение нескольким богам. Вместе: тама-госи – это душа, приносимая богам.

Среди последних вестей по ТВ наряду с обещаниями некоего лекаря назло всем клонировать бесплодного родителя – весть о выставке игрушек в Гонконге, где как раз случилась премьера игрушки под названием Lover.

<http://www.glazychev.ru/habitations&cities/tokio.htm>

or you may say they are carefully masked. In Las Vegas they scream, shout with laughter, turn their heads to the sound of somebody's luck when the coins fall down like a rain. Here they keep silence.

Annoying and artificial cheerfulness at the discos in Sindzuku, greedy gobbling in restaurants. In the train young people never give place to the old ones. In the newspaper they write about propagation of a special juridical term «karosi», which means death after overstrain at work as a ground for court actions. Together with downcast drunkenness it is another confirmation of overheating and superstress, which inevitably results in psychological crisis. By the way, the electronic toy that Japan put out around the world, which is known as tamagosi, is produced not to undermine the world morals but to console themselves. Stanislaw Lem can be pleased: one of his «Robots' Fairy Tales», where Trurl and Klapaci created a small world under the bell glass, is realized directly in a computer toy, inside of which one should bring up a virtual animal. It is not quite a toy, though it is a computer one.

It is enough just to open a Japanese-Russian dictionary to find out (on the surface everything is simple and harmless): tama is a small ball, gosi is fingers, together it makes a mere trifle. But according to the rules of Japanese poetry a written word is followed by a pronounced word, behind which there is its homophonic double's inscribed analog. Then we have quite a different image: tama is a soul, gosi is a sacrifice to several gods. Together tamagosi means a soul sacrificed to gods.

Among the latest TV news, together with a healer's promise to clone a childless parent, there is news about exhibition of toys in Hong-Kong with a new production of a toy called Lover.

<http://www.glazychev.ru/habitations&cities/tokio.htm>

фото
Петер Фойстель
photo
Peter Feustel

Японский дневник. 1969

текст, подбор
иллюстраций и фото
Люциан Антипин

В середине шестидесятых годов прошлого столетия в СССР как результат «хрущевской оттепели» прокатилась волна образования городов-побратимов в разных странах мира с целью установления деловых, культурных, спортивных и др. связей. Нашему обществу, изолированному на долгие годы «железным занавесом», интересно было знать, как и чем живет остальной окружающий мир, увидеть, оценить его самим, а не через профильтрованные СМИ. Не знаю, каким образом происходил отбор какой-то страны и какого-то города, но стало известно, что наш Иркутск побратался с японским городом Канадзавой, а Братск и Шелехов – с другими японскими городами. В первую очередь, конечно, устанавливали дружеские связи официальные делегации и лица, а потом дошла очередь до туристических групп и делегаций. Эти делегации формировались в основном по профессиональному принципу, с учетом которого составлялся и маршрут пребывания в стране.

Одной из первых групп, направившихся в Японию, была немногочисленная по нынешним меркам (18 человек) делегация иркутских архитекторов, «разбавленная» для равновесия инженерами-строителями, которая в феврале далекого 1969 года отправилась в загадочную Страну восходящего солнца. Руководил делегацией известный в Иркутске партийно-хозяйственный работник Зверев Александр Михайлович. Маршрут и сроки пребывания в Японии нам были известны, город Канадзава значился в конце списка, а прежде мы должны были посетить Токио, Симуду, Атами, Киото, проездом – Нагою и несколько мелких поселений.

Самолетом – до Хабаровска, поездом – до Находки, не заезжая во Владивосток. В Находке нас поджидал теплоход «Байкал», названный как будто в честь нашей делегации. Через сутки, переплыв Японское море и поднырнув под «железный занавес», мы оказались в Сангарском

проливе, разделяющем острова Хоккайдо и Хонсю. Отсюда по-настоящему началось наше знакомство с Японией.

Для начала в порту Хаодате, это на Хоккайдо, сдали японским медикам нашего судового врача, свалившегося с приступом аппендицита, что сразу же на несколько часов сбило наш график, и в порт Иокогамы «Байкал» пришел, не встреченный оркестром и цветами (возможно, этого и не предусматривалось этикетом). К тому же, Японское море, а затем и Тихий океан встретили нас штормом – и почти все мы пострадали от морской болезни, а потому самочувствие и настроение были не самыми «заграничными».

Разместились в автобусе, следующем в Токио, познакомились с нашим японским гидом. Катакуро-сан, очень интеллигентный очкастый японец, окончивший два университета и прекрасно говорящий по-русски, сразу обрушил на нас массу информации, что в сочетании с мелькавшей за окнами автобуса бесконечной инфраструктурой «Большого Токио» превратило наши головы в гудящие, плохо воспринимающие действительность элементы человеческого тела.

Поселились на Гиндзе, главной улице города, в отеле «Гиндза-Токю», поблизости от театра Кабуки. Трехдневное пребывание в Токио до предела насыщено посещением различных объектов, поездкой на новостройки и домостроительный комбинат, стоянием в автомобильных пробках (что для нас было тогда в диковинку), привыканием к японской кухне и левостороннему уличному движению. Основную информацию о городе получали из окна автобуса, от переводчика и от немногочисленных пеших прогулок по городским улицам. Поразило однообразие улиц: толпы одинаковых лиц, одинаково одетых, неразговорчивых, ничего не замечающих вокруг. Многие в белых марлевых повязках на лицах, как у нас в больницах во время гриппозных эпидемий. И в то же время эта толпа очень дисциплинированная – никто не перейдет улицу на красный свет, даже если на ней нет автомобилей и полицейского.

Катакуро-сан согласился поломать официальный маршрут и вместо корпорации «Сони» несколько архитекторов поехали в Дом архитектора. Незапланированная встреча в Доме с оказавшимися там в то время немногочисленными коллегами прошла в разговорах на русско-японско-английском языке и жестах, вполне удовлетворивших обе стороны. Союз архитекторов Японии образован в 1964 году и пока немногочислен, так как в него могут вступить только архитекторы, имеющие свои творческие мастерские. В Японии считают самыми большими архитекторами современности Кензо Танге и Маякаву, хотя Рен Судзуки, присутствовавший, с этим не согласен и считает себя тоже великим зодчим. Высоко ценится творчество Корбюзье, считается самой продвинутой промышленная архитектура СССР и у архитектора Нерви. В конце встречи мы настолько освоились, что один из нас, Володя Колпиков, разыскал по телефону самого Кензо Танге и попросил его о встрече, на что маэстро с большим сожалением не согласился, сославшись на лекции в университете.

Ночная Гиндза поразила обвалом сверкающей, движущейся, завлекающей рекламы, отсутствием автомобильного движения, зазывалами в различные увеселительные заведения.

Олимпийский комплекс, построенный к Олимпиаде-64 и знакомый нам по литературе, запомнился безлюдным, будничным и малогостеприимным. Аскетические конструкции

зданий, доведенные до высокохудожественного совершенства, отсутствие какого-либо декора наводят на мысли: так вот он какой – Кензо Танге.

Театр Кабуки, куда нас в один из вечеров затащил Катакуро-сан на какой-то спектакль, настолько самобытен и непонятен не японцу, что, промучившись полтора часа над созерцанием сцен из жизни самураев, мы с облегчением отбыли на отдых в свой отель.

Далее наш маршрут пролегал через многочисленные поселения к старой столице Японии городу Киото. В этом двухдневном автобусном маршруте через Симоду, Хеду, Атами мы ближе познакомимся с бытом и национальным характером японцев. Жили в гостиницах с бумажными стенами с полным отсутствием мебели в комнатах, спали на татами, водные процедуры принимали в вертикальных ваннах, ели то, что едят сами японцы. И даже носили кимоно. Правда, смотреть друг на друга без смеха было невозможно. Представьте себе группу людей, рост которых от 160 до 190 см, одетых в одежды одного размера, одного цвета и покроя. Трагикомические сцены происходили регулярно, даже в ресторане, когда тот же Володя Колпиков, запутавшись в складках кимоно, упал на столик с ресторанной едой. Хохотали даже всегда невозмутимые японки-прислужницы.

В Хеде, где знаменитая экспедиция адмирала Путятина восстанавливала русские фрегаты, разбитые землетрясениями и цунами, до сих пор помнят их и чтят память о русских моряках, из поколения в поколение передается легенда о тех временах. Наша делегация посетила кладбище, где похоронены русские моряки, погибшие во время цунами и от болезней. Могилы тщательно ухожены, власти выделяют средства на их охрану и реставрацию.

И вот мы в Киото. Население города – 1,35 миллиона человек; до 1968 года – столица Японии. Изобилие национальных сокровищ, около 1600 буддийских храмов. Город от войны не пострадал. В отличие от Токио имеет регуляр-

ную планировку, большое количество зеленых массивов и внутренних водоемов. Конечно, обязательным посещением для нас стал Дворец международных конференций, построенный в 1963 году архитектором Сатю Отани. Типичная послевоенная новояпонская архитектура: монолитный без отделки железобетон, стеклянные стены и великолепное использование особенностей ландшафта с включением его в интерьеры здания. Во Дворце 6 залов, большой – вместимостью на 3000 мест – снабжен системой синхронного перевода на 6 языков, в том числе и на русский.

Затем программа наша включала посещение многочисленных буддийских храмов и, конечно, Сада камней Риоандзи.

Скорым поездом (скорость более 200 км/час) отправляемся в конечный и основной пункт нашего пребывания в Японии – город Канадзаву. Поезд действительно

скорый – кресла установлены, как в самолете: все пассажиры сидят лицом вперед, не хватает только привязных ремней, окна не открываются, трудно ходить, особенно когда поезд идет на поворотах.

И вот Канадзава. Сначала не понимаешь, где находишься: нет площади, нет неба, нет зданий, образующих площадь, а только кабины лифтов, как в вестибюлях зданий. Как впоследствии оказалось, вокзал расположен под зданием гостиницы, и прибывшие пассажиры могут сразу попасть на нужный им этаж или в вестибюль гостиницы. Нас встречают цветами и подарками (про музыку не помню).

Отчетливо наблюдается какое-то замешательство среди японцев – похоже, нас пересчитывают, так как оказалась пара лишних подарков и букетов. А с нашей стороны их не получили мы – я и Ира Дагданова: нас приняли за японцев, сопровождающих этих русских.

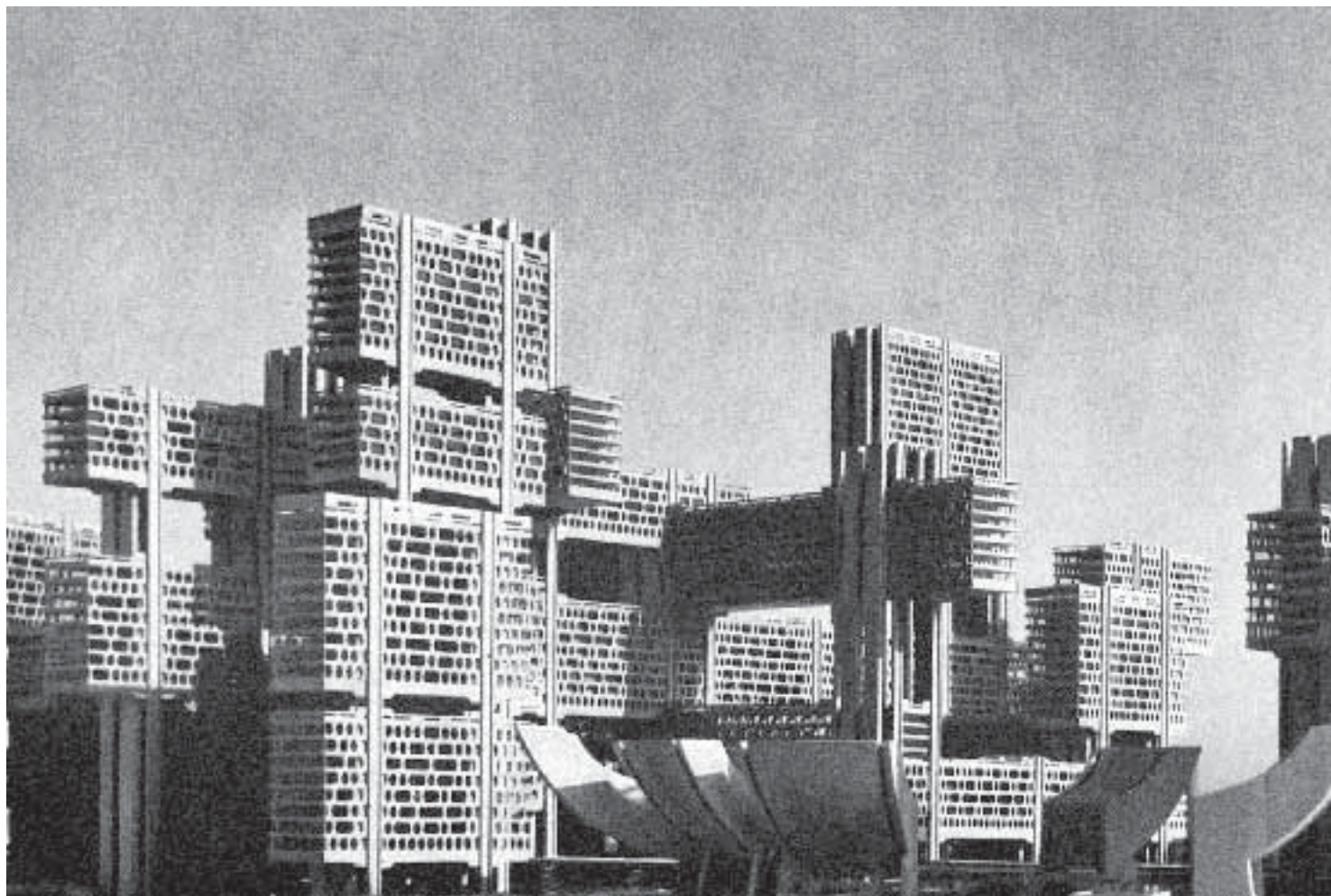
Утро следующего дня началось с приема у мэра – господина Мори. Впоследствии Мори-сан часто приезжал в Иркутск и Шелехов во главе японских делегаций.

Запомнились многочисленные поездки по городским достопримечательностям – на телецентр, ткацкую фабрику, в школу, в клубы, приглашения в частные дома, рестораны, магазины, городской парк. Два дня пребывания в городе слились в один длинный праздничный променад. Канадзавцы прослышали о приезде русских и относились к нам более открыто, приветливо и доброжелательно, чем в других городах. В Клубе дружбы, куда нас пригласили в последний вечер пребывания в Канадзаве, перед нами выступали артисты, школьники, спортсмены. Большинство присутствующих японцев свободно говорили по-русски, так что создавалось впечатление, что мы находимся не в Японии, а как бы в Улан-Удэ.

По просьбе японцев и мы вынуждены были спеть «Славное море – священный Байкал». Очень старались, должно быть, всем понравилось, особенно баритон Володи Колпикова.

Вечер закончился поездкой в ресторан – конечно, с водкой, саке, пивом, музыкой и танцами. Все как у нас, только босиком.

Обратно в Токио возвращались таким же экспрессом и, переночевав в гостинице на Гиндзе, поутру выехали в Иокогаму, где нас уже поджидал теплоход «Байкал», вернувшийся из круиза по Малайзии.

Планирование новой столицы Республики Казахстан

New Capital Planning of Republic of Kazakhstan

Концепция проекта (проект: 1998-2001 гг.)

Правительство Казахстана организовало международный конкурс, целью которого стал новый Генеральный план и проект планировки Астаны, новой столицы страны. 6 октября 1998 г. правительство объявило, что японскому архитектору Кишо Курокава присуждена первая премия. Здесь приведены основные положения конкурса:

1) *Краткое содержание Международного конкурса на Генеральный план и проект планировки центра города новой столицы Казахстана.*

1.1. В 1997 году правительством Казахстана было решено перенести столицу из Алма-Аты в Астану (прежнее название Акмола) и обосновать там новую столицу.

1.2. В апреле 1998 года правительство Казахстана предложило всемирноизвестным архитекторам и градостроителям участвовать в архитектурном конкурсе на проект новой столицы.

1.3. Пятьдесят архитекторов и градостроителей были приглашены участвовать в конкурсе на проект новой столицы Казахстана.

1.4. В результате 27 команд приняли участие в конкурсе и представили их предложения до 20 августа.

1.5. Жюри начало свою работу 16 сентября, и все предложения в анонимном порядке были выставлены в фойе Международного Дворца Съездов Астаны. Жюри экспертов начало работу 20 сентября, и три высшие награды были распределены до 30 сентября.

1.6. Финальное заседание жюри, включая президента Казахстана, премьер-министра и экспертов, прошло во Дворце Съездов, и 6 октября Кишо Курокава был присужден первый приз.

1.7. Церемония награждения состоялась 28 октября 1998 года.

2) *Основные положения программы для новой столицы*
Таковы были необходимые требования для Международного конкурса на проект новой столицы:

2.1. Город Акмола, в хрущевский период развитый как сельскохозяйственный центр по производству пшеницы, был выбран в качестве места для новой столицы. В настоящее время [в 1998 г.] там проживают 300 000 человек, но к 2005 году ожидается, что население возрастет до 600 000, а к 2030 году оно достигнет 1 миллиона. Новая столица Астана не только будет использовать существующую городскую инфраструктуру Акмолы, но и возведет новый город относительно старого.

2.2. Несколько причин для создания новой столицы.

Во-первых, для того чтобы заявить о независимости Республики Казахстан.

Во-вторых, Алма-Ата, нынешняя столица, расположена на границе государства; необходимо, чтобы новая столица располагалась в центре страны и ядре ее транспортной инфраструктуры.

В-третьих, создание нового города XXI века – это способ заявить Казахстан как новую независимую страну мирового значения.

К 2030 году население новой столицы достигнет одного миллиона человек. У правительства есть пятилетний план

Design: 1998 – 2001

Design Concept

The Government of Kazakhstan organized an international nominated competition for the master plan and design of the New City of Astana, its new capital. On the 6th of October 1998, the Government declared that the Japanese architect Kisho Kurokawa was awarded the First Prize. Here is the outline:

1) *Summary of the International Nominated Competition for the Master Plan and Design of the city center of the new capital in Kazakhstan*

1.1. In 1997, the Government of Kazakhstan decided to transfer its capital from Almaty to Astana (former name: Akmola), and settle a new capital there.

1.2. In April 1998, the Government of Kazakhstan asked architects and city planners of international renown to participate in the design competition of the new capital.

1.3. Fifty architects and city planners were invited to take part in the competition for Kazakhstan's new capital.

1.4. Finally, 27 teams participated in this competition and submitted their proposal before August 20.

1.5. The jury started on September 16, and all the proposals were displayed anonymously in the lobby of Astana International Convention Center. The jury of experts begun on September 20, and the top three prizes were decided before September 30.

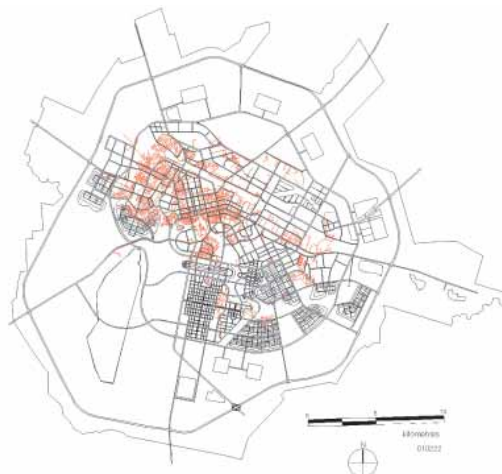
1.6. The final jury, including Kazakhstan's President, Prime Minister, and experts, was held in the Convention Center. On October 6, Kisho Kurokawa was awarded the First Prize.

1.7. The awards ceremony is planned around October 28, 1998.

2) *Outline of the Program for the new capital*

These were the requirements of the International Competition for the Design of its new capital:

2.1. The town of Akmola, developed during the Khroutchev era as a wheat production center, was chosen as the site for the new capital. At present, it is a city of 300,000 inhabitants, but the population is expected to reach 600,000 by the year 2005, and one million by the year 2030.

текст

Кишо Курокава

text

Kisho Kurokawa

развития инфраструктур, таких как аэропорт, жилье, транспортная система и др.

3) Основная идея проектного предложения Курокавы Курокава с 1960-х годов выступает за Смену Парадигм: от эпохи законов машин – к эпохе законов жизни. Его работа – это воплощение Метаболизма и Симбиоза, которые являются двумя наиболее важными концепциями эпохи законов жизни.

3.1. Предложение Метаболического Города (города роста и перемен)

После того как новая столица пойдет по пути быстрого роста, план Курокавы предлагает линейную систему зонирования (Linear Land Use) вместо радиальной модели, которая предполагает ядро в центре города. Линейная система зонирования основана на уравновешенной композиции функции в городе на каждой стадии его развития.

3.2. Предложение Генеральной системы

Традиционные генеральные планы всегда придавали огромное значение процессу завершения идеальной формы. В отличие от традиционной идеи этих генпланов, предложение Курокавы (Генеральная Система) рассматривает вопрос о том, что будет городом XXI века. Он предлагает новую систему, которая анализирует и пересматривает ситуацию каждые пять лет и свободно трансформирует план города относительно этих изменений.

3.3. Предложение Симбиозного Города

а) Целью проектного предложения Курокавы является сохранение и реконструкция существующего города

The New capital Astana will not only use the existing urban infrastructure of Akmola, but also settle a new city adjacent to the old one.

2.2. There are several reasons for creating a new capital.

Firstly it is to appeal the independence of the Republic of Kazakhstan.

Secondly, Almaty, the current capital, is located near the country's border; the new capital needs to be situated in the middle of country and its transportation hub.

Thirdly, creating a new-type city of the 21st Century is a way to appeal Kazakhstan as a new independent country worldwide.

By the year 2030, the new capital will have a population of one million inhabitants. The Government has a 5-year plan to develop infrastructures such as airport, housing, transportation systems, etc.

3) Summary of Kurokawa's Proposal

Kurokawa, since the 1960's, pleaded for the Paradigm Shift from the age of the machine principle to the age of life principle. His work is the embodiment of Metabolism and Symbiosis, which are the two most important concepts of the age of life principle.

3.1. Proposal of the Metabolic City (city of growth and change)

Since the new capital will go through rapid growth, Kurokawa's plan proposes a Linear Zoning System (Linear Land Use) instead of the Radius Pattern, which has a core at the center of the city. The Linear Zoning System is based on

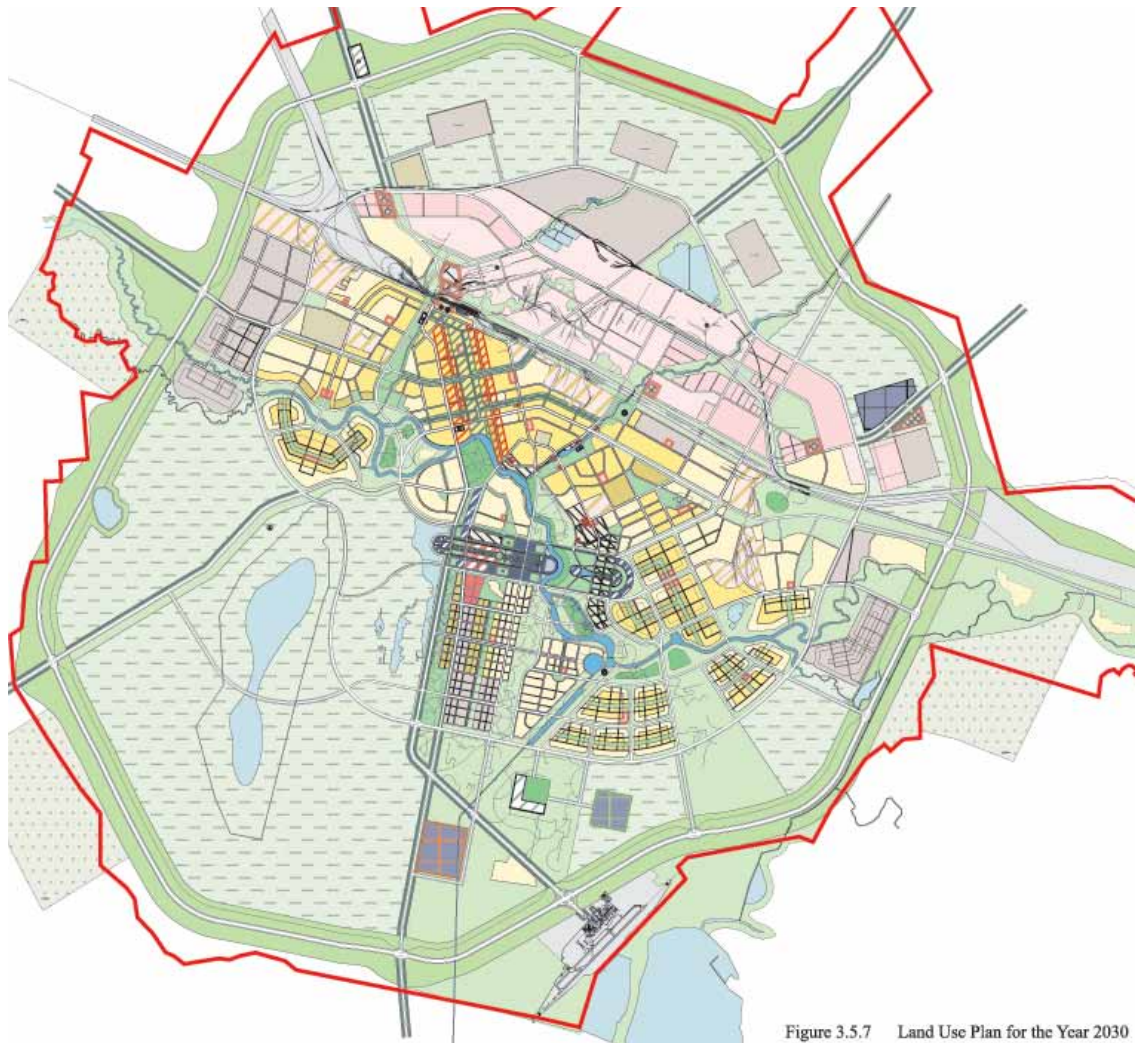

Figure 3.5.7 Land Use Plan for the Year 2030

(население его равно примерно 300000 человек) и создание нового города на южной и восточной сторонах реки Ишим, делая возможным симбиоз прошлого и будущего.

б) Предлагается расположить жилье группами по обоим берегам реки, что будет напоминать о симбиозе города и реки.

с) Предлагается создать Train City (Бизнес-Сити), в котором существующий железнодорожный вокзал будет преобразован. Лес, который тянется от Train City до существующего парка, будет составлять центральную городскую ось, осуществляя тем самым симбиоз между городом и лесом.

д) Существующий город – это смесь разнообразных городских функций (таких как жилье, деловая жизнь, культура, отдых и развлечения, образование), намеревающаяся преобразоваться в Симбиозный город.

е) Бизнес-Сити и Capitol (Правительственный Сити) будут возведены на южной стороне реки Ишим. Треугольная форма сгруппированного нового городского центра позволит вплести лес и жить в симбиозе с ним.

ф) Президентский блок, в состав которого входят Верховный Суд, Национальная Гостиница и Дом Президента, представляет собой архитектуру абстрактного симбиоза. Эти здания имеют геометрические формы, кажущиеся еще более простыми на большом расстоянии, но в то же самое время каждая форма несет в себе всю значимость исторических символов Казахстана. Такое предложение направлено на создание симбиоза местного и всемирного в пределах города и его архитектуры.

3.4. Защита от бедствий

а) Для предотвращения наводнений реки Ишим после таяния снегов будет построен большой пруд для поддержания стабильного уровня воды. В то же самое время искусственные земли и небесные сады защитят новые деловые районы города и президентский блок.

б) Кольцевые дороги вокруг жилых районов подняты на 3 метра над землей и представляют собой искусственную насыпь. Поэтому есть возможность защитить жилые территории от наводнений даже при существующем уровне земли.

3.5. Эко-Медиа-Сити

а) К югу от города планируется разбить обширный лес, для того чтобы защитить город от пыли во время сезонов ветров.

б) Созданный руками человека лес (Эко-Лес) даст толчок к развитию Эко-промышленности, биотехнологий и Эко-Медиа индустрии.

с) Чтобы заявить Астану устойчиво-развивающимся городом XXI века, будет осуществляться система вторичной переработки сырья – например вторичная переработка мусора, использование дождевой воды.

4) Стадии реализации проекта

4.1. Команда архитекторов во главе с Кишо Курокавой, команды местных архитекторов и экспертов, базирующихся в Астане, сформируют единую команду для разработки Генерального плана и проекта детальной планировки нового города.

4.2. Первой стадией является подготовка городской инфраструктуры и главных городских ресурсов, таких как жилье, аэропорт, железнодорожный вокзал и бизнес-центр. На второй стадии частные инвесторы, включая инвесторов из зарубежных стран, начнут строительство в жилых секторах и центральной части города.

4.3. К 2030 году население новой столицы достигнет одного миллиона человек.

a well-balanced composition of each function of the city at every stage of its growth.

3.2 Proposal of the Master System

The traditional master plans have always given a great importance to the process of finalizing the ideal form. In contrast with the traditional idea of these master plans, Kurokawa's proposal (Master System) is treating the question of what would be the city of 21st century. He proposes a new system that analyzes and reviews the situation every five years, and modifies the plan in a flexible way.

3.3 Proposal of the Symbiotic City

a) Kurokawa's proposal aims to preserve and redevelop the existing city (its population is approximately 30,0000), and create a new city at the south and the east sides of the Ishim River, enabling the Symbiosis of the History and the Future.

b) It proposes to cluster the new housings at both sides of the river, which will feature the symbiosis of the river and the city.

c) It proposes a Train City (Business City), in which the existing train station will be redeveloped. A forest, extending from this Train City to the existing park, will constitute the city's central axis, realizing the symbiosis between the forest and the city.

d) The existing city is a compound of various functions of the city such as housing, business, culture, leisure, and education, aiming to shift into a Symbiotic City.

e) The Business City and the Capitol (Government City) will be developed in the south side of the Ishim River. The triangular shape of the new city center cluster will enable to interweave and live in symbiosis with the forest.

f) The presidential offices, which are the Supreme Court, the National Guesthouse, and the Presidential House, constitute the architecture of Abstract Symbiosis. These buildings have geometric forms simplified to their greatest extent, but at the same time, each form has all the significance of the Kazakhstan's historical symbols. This proposal aims to create the symbiosis of the Local and the Universal within the city and its architecture.

3.4 Protection against disasters

a) A big balancing pond will be constructed in order to protect against floods due to snow broth of the Ishim River. At the same time, artificial lands and sky gardens will protect the new city's business area and the presidential offices.

b) The ring roads surrounding the housing area are 3 meter high above from the surface, and constitute a bank. Therefore, it is possible to protect the housing area against floods even with the current land level.

3.5 Eco-Media City

a) A large-scale forest is to be formed in the South of the city, in order to protect the city from dust in windy seasons.

b) The manmade forest (Eco-forest) will stimulate Eco-industry, biotechnology, and Eco-Media industry.

c) A recycling system will be implemented, such as garbage recycling and rainwater recycling, in order to challenge for a sustainable city of the 21st Century.

4. Phasing for the realization

4.1. Kisho Kurokawa architect and associates and local teams of architects and experts based in Astana will form a joint team for the master plan and design of the new city.

4.2 The first stage will consist of preparing the city's infrastructure and the main facilities such as housing, the airport, the station and the business center. In the second stage, private investors including investors from foreign countries will begin the construction in the housing area and the city center.

4.3 The new capital aims to reach 1 million inhabitants by the year 2030.

Корейская жилищная политика

текст

А. Ланьков,

Корея: будни и

праздники. Ч.1.

– СПб.: Петербургское

востоковедение.

– 2004 г.

АРЕНДА ЖИЛЬЯ

В современной Корее существуют два основных вида оплаты арендуемого жилья. Первый из них именуется чонсе («полная оплата»), второй – волсье («помесячная оплата»). Способ чонсе имеет, пожалуй, несколько большее распространение. По данным Переписи населения и жилых помещений 1995 г., по этому способу было арендовано 63,5% всех сдаваемых в наем жилых помещений. Вдобавок, наиболее дорогие виды жилья, в том числе и почти все «апатхы», сдаются в наем практически исключительно таким образом. Кроме того, по способу чонсе сдаются в большинстве случаев и помещения нежилого назначения: магазины, кафе, рестораны, мастерские и т. п.

Сама система чонсе чрезвычайно специфична для Кореи и едва ли встречается в других странах мира. В соответствии с этой системой арендатор выплачивает арендодателю – владельцу жилья – одновременно некую весьма значительную сумму, которая обычно составляет 40-50% полной рыночной стоимости арендуемого жилья. В соответствии с заключаемым при этом договором арендатор после этого имеет право жить в квартире в течение некоего установленного срока, который обычно составляет от одного до трех лет. По истечении этого срока договор может быть перезаключен на новых условиях. Если же этого не происходит и арендатор решает съехать с квартиры, то арендодатель возвращает ему всю внесенную им ранее сумму.

Смысл этой, кажущейся на первый взгляд странной, сделки заключается в том, что владелец жилья, которым в большинстве случаев является крупная строительная фирма (напомним, что таким образом сдаются в аренду, как правило, квартиры в наиболее дорогих домах современного типа) получает в свое распоряжение достаточно значительные суммы денег, которые может с выгодой инвестировать. Чаще всего получивший эти деньги домовладелец использует их для того, чтобы начать новое строительство. На первый взгляд, разумнее было бы просто продавать квартиры, однако, в силу исключительно высокой стоимости жилья быстро распродать многоквартирный дом практически невозможно, так что способ чонсе дает строительным корейским фирмам возможность в короткие сроки вернуть значительную часть вложенных в строительство средств. Арендатор, разумеется, обычно не обладает необходимой суммой денег, поэтому ему приходится частично обращаться за кредитом в банк или, чаще, к родственникам и впоследствии выплачивать с этого кредита проценты. Поэтому в большинстве случаев арендатор, проживая в квартире, все равно вынужден делать регулярные платежи, правда, уже не домовладельцу, а родственникам или банку, у которого он когда-то взял ссуду. Кроме того, не нужно забывать, что на арендатора ложится и обязанность оплачивать все амортизационные расходы и коммунальные услуги, в том числе и такие специфические, как исправная работа лифта, наличие охранника при входе в подъезд, уборка автостоянки.

Как отмечают корейские специалисты, возникновение этого, в своем роде уникального, способа сдачи жилья в аренду вызвано как экономическими, так и этнографическими причинами. С одной стороны, свою роль здесь сыграла корейская банковская система, которая находится под жестким государственным контролем и отличается крайней негибкостью. Ее деятельность скорее направлена на регулирование экономики, а не на извлечение максимальной прибыли. Взять в корейском банке кредит для какого-либо нестандартного, не учтенного многочисленными инструкциями дела даже крупному предпринимателю не так-то просто.

Даже если кредит получен, то условия его использования и выплаты жестко контролируются. Поэтому сдача квартиры способом чонсе позволяет ее владельцу получить немалую сумму, причем вполне законно, и распорядиться ею достаточно свободно. Во-вторых, традиция чонсе имеет и этнографическое объяснение, она восходит к ряду институтов, существовавших в старой Корее, и в первую очередь – к касам взаимопомощи и к цеховым союзам «ке», которые тоже представляли в кредит крупные суммы под залог недвижимости. В старые времена кореец предпочитал обращаться к помощи своего «ке», ибо взять займы у конкретного человека, богатого купца или дворянина, означало оказаться у него в зависимости (ПРИМЕЧАНИЕ: Беседа автора с профессором Ха Сон Гю 6 апреля 1994 г.).

Способ волсье существенно более привычен для иностранцев и представляет собой обычную ежемесячную плату за аренду жилья. Относительно специфической корейской особенностью является то, что арендатор обязан при заключении договора одновременно внести некоторую, довольно большую, сумму, которая примерно в 6 – 10 раз больше ежемесячной платы. Эти деньги (по-корейски их называют «гарантийные деньги» – «почжангым») являются как бы залогом, гарантирующим сохранность квартиры и ее оборудования, и возвращаются жильцу, когда он съезжает с квартиры. На условиях ежемесячной платы, как правило, можно снять только дома подешевле и похуже качеством, так как владельцы «апатхы» и хороших «ёнрип» обычно требуют внесения разовой арендной платы по способу чонсе.

Кризис 1997-1998 годов привел к заметным переменам в системе найма и сдачи жилья. Пока корейская экономика была мировые рекорды по темпам роста и инвестиции в нее давали огромные дивиденды, столь популярная в Корее система чонсе работала безукоризненно. Однако в начале 1998 года ситуация изменилась. Раньше большая часть средств, полученных от жильцов в качестве чонсе, опять направлялась в строительство, но в условиях кризиса инвестиции в эту область стали, пожалуй, самым верным способом потратить деньги: среди квартир средней и большой площади, сданных в эксплуатацию в первом квартале 1997 года, около 60% остаются непроданными. Многие из домовладельцев, которые вложили в строительство те деньги, что получили в качестве «чонсе», оказались на грани разорения. Вдобавок, после кризиса цены на жилье пошли вниз, так что у домовладельца, как правило, нет шансов на то, что ему удастся сдать жилье за прежнюю цену. Однако по истечении срока контракта всю сумму «чонсе» полагается возвращать жильцу. Ясно, что в подобной ситуации в интересах домовладельца оттянуть выплату денег на возможно более поздний срок. Не всегда источником проблем является его жадность – часто домовладелец и рад бы вернуть полученную сумму, но не может: денег у него больше нет, так как сам он или те предприятия, в которые были вложены эти средства, разорились или понесли большие убытки в ходе кризиса.

В этих условиях жильцы, которые оказались на неопределенный срок как бы прикрепленными к своему нынешнему жилью, столкнулись с немалыми финансовыми убытками, ведь в новой ситуации большинство из них за те же деньги легко могли бы снять квартиру и побольше, и поудобнее. Закономерным результатом этого стали многочисленные судебные иски, а многие корейские специалисты стали даже говорить о том, что вся система чонсе как таковая должна быть со временем ликвидирована, и что единственным способом аренды жилья в Корее, как и в других странах, должна быть ежемесячная плата.

Продажей и сдачей в аренду жилья в Корее занимаются многочисленные посреднические конторы, в своем большинстве – не очень крупные. Они собирают информацию о появляющемся жилье и за определенные комиссионные продают или сдают его в аренду. Те, кто не хочет платить комиссионные маклерам, могут дать сообщение об аренде жилья в одну из рекламных газет, которые выходят в каждом районе Сеула и других крупных городов (любопытно, что эти газеты распространяются бесплатно).

Несколько иначе обставлена сдача в аренду и продажа новых «апатхы». Еще до того как заканчивается сооружение очередного жилого микрорайона, неподалеку от него вырастает сооружение весьма специфического вида. Обычно это – весьма большой павильон, построенный из подручных материалов и пестро, броско раскрашенный. На стенах его крупными буквами или иероглифами написано название нового микрорайона и площадь тех квартир, которые там предлагаются на продажу. Это – центр продажи и аренды квартир, который принадлежит построившей «апатхы» фирме. Ввод в строй очередного микрорайона всегда сопровождается активной рекламной кампанией с использованием телевидения, газет и даже снятых специально по этому случаю киножурналов.

Выше речь у нас шла о том, как обычно снимает квартиру корейская семья. Однако зачастую какую-то крышу над головой нужно найти и молодому человеку, еще не женатому и весьма стесненному в средствах. В большинстве случаев речь идет о студенте, который учится в Сеуле или ином крупном городе, иногда – и о только что приехавших в город в поисках счастья молодом крестьянине или крестьянке, а иногда – еще о ком-либо, всех возможных ситуаций все равно не перечислишь. В этом случае посредничество тоже обычно берут на себя агентства по недвижимости. Существует два основных вида краткосрочной аренды комнат. Первый, более распространенный – это так называемый «хасук», комната с пансионом. Содержательницами таких пансионов, большинство обитателей которых составляют студенты, являются обычно пожилые тетушки, которые сдают в своем доме несколько комнат и готовят их обитателям завтраки и ужины. Второй, несколько более дешевый, но менее популярный способ – это «чачхви», комната без пансиона.

ПОКУПКА ЖИЛЬЯ

Как и любой капиталистический город, Сеул делится на районы, которые во многом отличаются по престижности и, соответственно, стоимости находящегося в них жилья, хотя в Корее социальная дифференциация в городах проявляется слабее, чем в большинстве других стран Азии. Наиболее престижными в Сеуле считаются район Мёндон (близ муниципалитета и старинных королевских дворцов) и обширные новостройки Каннама на южном берегу реки Ханган. Этот берег, на котором еще после войны были только огороды да маленькие домишки под соломенной крышей, начал застраиваться только в период «экономического чуда» и довольно быстро превратился в самый престижный район корейской столицы. Цена земли на Каннаме и особенно на Мёндоне в последние годы выросла до невероятных величин: ныне квадратный метр территории Мёндона стоит примерно 50 тысяч долларов (на Каннаме земля несколько дешевле). Однако в целом разница между ценами на жилье в разных районах столицы не очень велика. Куда более заметны контрасты между ценами на жилье в разных районах страны.

Принятое в статистике и, что для нас здесь важнее, закрепившееся в массовом корейском сознании районирование территории страны в первом приближении выглядит следующим образом: собственно Сеул, ближние пригороды (в пределах 30-40 километров), остальная часть провинции Кёнги

и «периферия», в которой выделяются несколько крупных городов и, в первую очередь, Пусан, по статусу и ценам на недвижимость довольно близкий к пригородам Сеула. Соотношение цен на жилье одинакового качества между этими 4 зонами (крупные города периферии мы здесь не берем в расчет) в середине 1990-х гг. составляло примерно 10:7:5:4. Иначе говоря, квартира в современных «апатхы» общей площадью около 35 пхён (110 кв.м), которая на окраинах Сеула стоит примерно 200 миллионов вон (250 тысяч долларов по действовавшему в 1995 г. курсу), где-нибудь в Сувоне, в 30 километрах от столицы, будет стоить 150 миллионов вон, в Ансоне или ином сравнительно отдаленном районе провинции Кёнги – около 100 миллионов вон, а в глухой провинции – «всего лишь» 80 тысяч вон (100 тысяч долларов).

Эта ценовая ситуация оказывает огромное влияние на уклад жизни современных сеульцев. Даже среди средних городских слоев, в целом достаточно обеспеченных, очень немногие молодые семьи могут рассчитывать на то, что им удастся в первые же годы своей супружеской жизни купить квартиру собственно в Сеуле. Поэтому в своем большинстве они покупают или снимают себе жилье в менее престижных и более дешевых пригородных районах. Это, в свою очередь, сказывается на всем стиле жизни молодой семьи.

Несмотря на все меры правительства, направленные на ограничение стоимости жилья, Корея – страна очень дорогой недвижимости, поэтому жилищная проблема, которая везде является одной из самых насущных в повседневной жизни, стоит там с особой остротой и доставляет людям, пожалуй, больше головной боли, чем в других местах. Проведенное в начале 1994 г. по заказу корейских правительственных организаций исследование показало, что сеульское жилье относится к числу самых дорогих в мире. По соотношению средней цены жилья и среднего уровня доходов Сеул занимает третье место в мире, уступая только Токио и Мюнхену. По данным этого исследования, средняя стоимость квартиры в корейской столице в 9,3 раза выше среднегодовой зарплаты (для сравнения – в Париже только в 4,2 раза, а в Сингапуре – в 3,9 раза).

Наверное, имеет смысл, говоря о ценах на жилье, привести несколько конкретных примеров, которые легко можно позаимствовать из сводок, постоянно публикующихся в корейских газетах. Итак, в апреле 1994 года сравнительно скромная по корейским меркам квартира площадью 24 пхёна (80 кв.м) на северной окраине Сеула стоила 81-90 млн. вон (105-120 тыс. дол.), считающаяся средней квартира на южной окраине площадью 31 пхён (105 кв.м) обходилась владельцам в 160-175 млн. вон (200-220 тыс. дол.) и, наконец, роскошная квартира в престижном районе площадью 46 пхён (150 кв.м) стоила 400-480 млн. вон (500-590 тыс. дол.). Речь здесь идет о ценах на новые квартиры, и две приводимые цифры указывают определяемый государством верхний и нижний предел той стоимости, по которой владелец может их продавать. Рыночные цены на аналогичное жилье, которые не регулируются государством, примерно в полтора раза выше.

В отличие от стран Запада, банки в Корее играют сравнительно скромную роль в финансировании жилищного строительства. Получить в банке, например, кредит на строительство дома довольно сложно, при этом банковский кредит не покрывает и половины расходов на строительство. Большую часть суммы, необходимой для покупки нового жилья, корейская семья собирает самостоятельно либо занимает у родителей и родственников.

Покупка дома или квартиры в Корее – дело дорогое, особенно если речь идет о Сеуле, так что большинство сеульцев вынуждены думать о квартире всю жизнь, хотя и по разным

причинам. То, что можно было бы назвать «квартирным жизненным циклом сеульской семьи», в наиболее типичном для среднего слоя варианте выглядит так. Сначала, после свадьбы, молодые супруги на деньги родителей, родственников и, иногда, при помощи банка снимают квартиру (обычно способом чонсе, то есть внося одновременно довольно крупную сумму, составляющую десятки тысяч долларов). Порою эта квартира может находиться на приличном расстоянии от места работы главы семьи. В 1994 г. обследование показало, что 58% корейцев с высшим образованием живут более чем в 10 км от места своей работы (для 10% это расстояние превышает 50 км).

Следующим шагом становится покупка жилья где-нибудь в ближнем пригороде. Деньги на это появляются через несколько лет, которые чаще всего проходят в переездах из одной арендованной квартиры в другую. По данным статистики, 40% городских семей совершили более 5 переездов с квартиры на квартиру до того, как смогли обзавестись собственным жильем, покупка которого в среднем происходит через 7-8 лет после свадьбы. Вот как описывается этот период жизни корейской семьи героиня рассказа «Дождь – это к богатству»: «Мой муж – государственный служащий, замужем я 13 лет, и в прошлом мае у нас был двенадцатый переезд за эти годы. Как только муж получил новое назначение, он уехал на новое место службы, а я стала собирать вещи и готовиться к переезду в найденную мужем квартиру. Дети ходили в школу и сразу же уезжать было нельзя. Родственников, которые могли бы помочь, не было, поэтому вещи, поднапрягшись, я собрала сама за неделю...». Однако и после того как семья обзаводится домом, ее кочевая жизнь не кончается. Через несколько лет, если материальные обстоятельства это позволяют, купленное поначалу жилье продается, к вырученным таким образом деньгам добавляется еще некоторая сумма – и семья переезжает в Сеул. К тому времени, впрочем, дети уже подрастают настолько, что наступает пора копить деньги для того, чтобы помочь им снять свою первую после свадьбы квартиру, так что круг, таким образом, замыкается.

Надо сказать, что полукочевое существование, которое вынуждено вести большинство городских семей, вызвало к жизни множество небольших транспортных контор, рекламными наклейками которых буквально залеплены многие районы корейских городов. Вообще, к частым переездам городской корейский быт по очевидной необходимости приспособлен неплохо. Достаточно упомянуть, что на крышах многоэтажных домов часто специально устанавливаются лебедки с грузовыми стрелами, которые позволяют поднимать платформы с вещами прямо до уровня лоджии и загружать мебель через ее широкие двери. Лебедки эти достаточно мощны, и на одну платформу вполне входит обстановка целой комнаты. Платформу загружают на земле, а потом поднимают до нужного этажа – хоть третьего, хоть пятого, и грузчики принимаются за работу.

Государство пытается по мере возможности помогать наименее обеспеченным слоям населения и ведет активное жилищное строительство. Эта политика началась в 1962 г., когда сразу после переворота, приведшего к власти генерала Пак Чжон Хи, была основана Корейская государственная строительная компания (кор. Тэхан чутхэк коньса), которая должна была заняться строительством дешевых квартир. На первых порах, в условиях нищеты и нехватки всех видов ресурсов, эти планы оставались благими пожеланиями и по-настоящему жилищное строительство началось только в конце 1960-х гг. Однако миграция крестьян в быстро растущие города во многом сводила на нет усилия правительства по решению жилищной проблемы, быстрый рост цен на жилье становился одним из важных источников напряжен-

ности в обществе. Поэтому с начала 1980-х гг. в Корее было введено новое жилищное законодательство, после принятия которого жилищная политика в этой стране приняла, как замечает профессор Ха Сон Гю, один из ведущих авторитетов в этой области, «отчасти социалистический характер».

Действительно, государство в Корее активно вмешивается в вопросы строительства и распределения жилья. С одной стороны, государство само ведет активное жилищное строительство как через принадлежащую ему Корейскую государственную строительную компанию, так и через выступающие в качестве подрядчиков негосударственные компании, а с другой – регламентирует деятельность частного капитала в этой сфере. С особой тщательностью контролируется все то, что касается строительства и распределения квартир в «апатхы», в то время как частные дома, «биллы» и небольшие «ёнрип» почти полностью выведены из сферы государственной регламентации. Официально государство определяет цены и условия получения жилой площади только в «апатхы» и сравнительно крупных (более 20 квартир) «ёнрип». Все возводимые правительством и муниципалитетами дома относятся к категории «апатхы», строительство же небольших жилых зданий осуществляется исключительно частным капиталом.

Доля государственных квартир в общем объеме вводимого жилья несколько меняется год от года, но в целом составляет примерно 30-40%. Так, в 1992 г. в Корее было сдано в эксплуатацию 194.947 государственных и 380.545 частных квартир (а также 53.176 отдельных домов). Таким образом, среди новых квартир государственные составили ровно треть. Государственные квартиры сравнительно невелики по площади – не более 25,7 пхён, а в среднем – несколько менее 20 пхён, и предназначаются они для продажи очередникам по себестоимости, которая составляет примерно 85-90% от обычной цены такой же квартиры в частном секторе. Раньше, в семидесятые годы, этот разрыв был заметно больше, ибо государство в условиях авторитарных режимов имело возможности скупать землю под застройку по дешевке (с упорствующими мелкими землевладельцами разбирались «компетентные органы»). Сейчас ситуация изменилась, и хотя административные меры воздействия на неуступчивых землевладельцев продолжают иногда применяться, в целом государство тоже стремится договориться с ними, что, разумеется, ведет к увеличению расходов на скупку земли под строительство и к его заметному удорожанию.

Тем не менее и государственные, и частные квартиры в «апатхы» продаются по регулируемым ценам, которые составляют примерно 70% от свободных рыночных. Чтобы не допустить спекуляции квартирами, правительство запрещает перепродажу государственного жилья в течение нескольких (в 1994 г. – пяти) лет после его получения, однако, по всеобщему мнению, мера эта не очень эффективна: спекулянты находят обходные пути – и перепродажа все равно происходит.

Государственное жилье, которое составляет примерно треть от вводимых в строй «апатхы», распределяется среди населения несколькими способами. Представители наиболее бедных слоев населения могут рассчитывать даже на то, что государственное жилье будет им дано в вечную аренду за почти символическую по меркам корейского рынка недвижимости плату: довольно приличная квартира общей площадью в 15-20 пхён (45-65 кв. м) обходится в 50-60 тысяч вон в месяц. Чтобы получить право на такую аренду, необходимо не обладать никакой недвижимостью и иметь доход ниже определенного минимума (в 1991 г. – ниже 46 тысяч вон на каждого члена семьи), либо относиться к какой-либо другой группе особо нуждающихся. Однако в эту сумму не включена плата за коммунальные услуги, содержание охраны и т.п. расходы, которая в современных домах может достигать значительных размеров. Поэтому часто наиболее бедные

семьи не в состоянии пользоваться этим жильем, хотя оно и обходится им очень дешево по сравнению с обычными рыночными ценами.

Второй способ, право на который имеют также только семьи с низкими доходами, не обладающие никакой недвижимостью, заключается в том, что государственное жилье предоставляется им в долгосрочную аренду. Срок этой аренды может составлять 20 лет для семей из наименее обеспеченных слоев и 5 лет – для прочих. По истечении этого срока они обязаны либо выкупить жилье, либо, если им так и не удастся накопить необходимых денег, съехать с него.

Наконец, третий способ, которым распределяется подавляющее большинство вводимых государством в эксплуатацию жилых зданий, предусматривает их простую продажу желающим по фиксированной цене. В отличие от первых двух способов (бессрочной и долгосрочной аренды), в данном случае не существует никаких ограничений по доходу. Купить государственную квартиру может любой гражданин Кореи, удовлетворяющий, однако, важному условию: ни у него самого, ни у членов его семьи не должно быть недвижимости в данном городе. Для владельцев недвижимости, вздумавших прикупить себе еще квартиру-другую, остается только один путь: покупка жилья по свободным рыночным ценам.

Кроме того, государство всячески регламентирует деятельность частного капитала в сфере жилищного строительства. Цены на жилье, даже возводимое частными фирмами, регулируются правительственными постановлениями, которые периодически пересматриваются. Государство стремится не допускать излишней концентрации недвижимости в одних руках. С этой целью последовательно проводится политика «один человек – одна квартира». Иметь несколько квартир формально не запрещено, но при этом за «лишнее» жилье приходится платить большие налоги и, кроме того, при продаже квартир в новом доме, если он построен частной фирмой, те покупатели, в семье которых уже есть квартира, обеспечиваются жильем в последнюю очередь, уже после того как удовлетворены заявки всех прочих. В государственных же домах вообще квартиру могут купить только те, кто не обладает собственным жильем. Разумеется, этот закон можно обойти, но в большинстве случаев и это не так просто. Впрочем, эти проблемы не касаются городских средних слоев, быту которых преимущественно посвящена наша книга. Им-то в своем большинстве приходится размышлять не о том, как бы купить и потом получше спрятать от налога на недвижимость несколько квартир, а о том, где бы достать денег на одну, но свою.

С начала 1980-х гг. государство перешло к прямому регулированию условий долгосрочной аренды жилья. Как и следовало ожидать, некоторые экономисты и управленцы-практики из числа особо яростных сторонников экономического либерализма и неограниченной конкуренции, шумно протестовали против этого нарушения принципов свободного рынка, но успеха не добились. Начало регулированию положил закон от 5 марта 1981 г., впоследствии неоднократно пересматривавшийся. Закон этот устанавливал условия аренды, ограничивал право разрыва арендного договора владельцем жилья, определял сроки этого договора.

Строительство жилья, как правило, ведется большими комплексами, иногда возводятся сразу целые города-спутники. Земля, которая предназначается под застройку, скупается, а в том случае, если владельцы отказываются ее продавать по предлагаемой им цене (которая всегда существенно выше рыночной), то их могут выселить и силой. Впрочем, к подобным крайностям приходится прибегать сравнительно редко: предлагаемая в таких случаях цена раза в полтора, а то и более, больше обычной, так что владельцы попавших под снос домов чаще всего считают, что им повезло. Во многих

случаях владельцы сносимых домов получают от государства в качестве компенсации квартиры в новых районах.

Если же застройку ведет частная фирма, то договариваться с владельцами ей несколько труднее, так как в ее распоряжении нет последнего аргумента в виде отряда полиции. Известны случаи, когда упрямство нескольких человек, которые вопреки очевидной материальной выгоде отказывались покидать насиженные места, срывало крупные проекты, заставляло менять место строительства или крайне затягивало его сроки. Впрочем, это бывает достаточно редко, ибо частные фирмы тоже платят неплохие компенсации. Несмотря на все правительственные меры по регулированию рынка, которые, конечно, в какой-то степени понижают доходы строительных фирм, жилищное строительство в Корее – бизнес весьма прибыльный, и все затраченные на удовлетворение недовольных землевладельцев деньги обычно возвращаются с лихвой.

Опыт, накопленный Кореей в области жилищного строительства, так же как и в области организации городской жизни, нельзя не считать положительным. Хотя жилищный вопрос в стране стоит с немалой остротой, но речь идет не о том, чтобы обеспечить каждого горожанина хотя бы временной крышей над головой или, скажем, расселить лишенные воды, канализации и электричества трущобы – обе эти проблемы в Корее уже решены, и большинство населения городов живет в домах, по своему качеству не уступающих тем, которые обычны для стран развитого Запада.

В то же время развитие корейского современного жилища интересно с той точки зрения, что оно хорошо отражает характерную для Кореи (и некоторых иных стран Дальнего Востока) особенность: стремление, если так можно выразиться, «ассимилировать» западную технологию, использовать технические достижения зарубежных стран таким образом, чтобы они не столько разрушали традиционный жизненный уклад, сколько делали его более удобным и эффективным. На смену небезопасному и неудобному традиционному ондоло, который хозяйка топила дровами с улицы или из кухни, пришел новый, для регулировки которого достаточно нажать несколько кнопок на пульте. Моясь, корейцы более не поливают себя водой из ковшика, а становятся под душ, но к ванне они так и не пристрастились. На смену высоким оградам, часто отделявшим старые деревни от окружающего мира, пришли новые, еще более высокие, которыми теперь отделены многоэтажные жилые комплексы. Спальные принадлежности корейцев, приспособленные к отапливаемому полу, были из гигиенических соображений дополнены пододеяльниками и простынями, но в целом остались неизменными. Меблировка большинства квартир также сохраняет многочисленные традиционные черты, хотя современные технологии сделали многие виды мебели дешевыми и общедоступными.

Конечно, не следует преувеличивать стабильности корейского домашнего уклада, его способности абсорбировать инновации. Молодое поколение горожан воспитывается на западной культуре и все больше смотрит на Америку – одновременно и осуждаемую как источник моральной угрозы традиционным ценностям, и восхваляемую как символ современной цивилизации, прогресса и свобод. Процесс вестернизации продолжается, и нельзя сказать, насколько далеко он пойдет через тридцать, пятьдесят или сто лет, какие из исконных традиций сумеют уцелеть, а какие будут рано или поздно отброшены. Показательно ведь, что чем выше уровень доходов или уровня образования семьи, тем менее традиционным, как правило, является их жилище.

КТ / Здание Корейской Телекоммуникационной Компании «Йои-до»

КТ / Korea Telecommunication Building Yoi-do

Вводная информация о проекте

Проектирование началось с архитектурного соревнования в 1995 г., в котором участвовали около 10 других архитектурных фирм. Мы выиграли соревнование и начали с 20 этажей и 66 166 м² (20 000 пьонгов). Позже увеличилось количество этажей (до 30) и площадь (до 99 174 м²) в результате технико-экономического обоснования, чтобы максимизировать использование земли. Однако в тот момент был кризис Международного Валютного Фонда, что привело к окончательному изменению масштабов здания и возвращению к первоначальным данным. В проектировании особое внимание было направлено на внешний вид, так как здание располагается на участке, где открывается хороший вид с парка «Йои-до» и широкой дороги.

Концепция дизайна

В основном в здании функционирует телефонный отдел «Йои-до». Некоторые помещения предназначены для сдачи в аренду, а также для оборудования ретрансляционной передачи КБС и системы глобальной сети Корейской Телекоммуникации.

Вопреки национальным традициям, модельное испытание и компьютерное моделирование были проведены на алюминиевом профиле несущей стены. Стена имеет особые характеристики: алюминиевые жалюзи длиной 1,7 м, отбрасывая тень на окна и блокируя солнечный свет для создания благоприятной рабочей обстановки, выступают в роли сильного горизонтального элемента дизайна, который уменьшает монотонность.

Кроме того, в здании предусмотрено поступление воздуха через пол для его ровного распространения. Используется доступ через пол, и этот метод кондиционирования увеличивает сохранение энергии и улучшает комфорт внутри здания, удаляя тепло, излучаемое оборудованием. В результате требуется меньше пространство на потолке, и, как видно снаружи, высота потолка уменьшена, что придает зданию яркий и ясный образ.

Ситуационный план

Въезд в подземную парковку был установлен Отделом транспортной экспертизы и Отделом градостроительства.

Архитектурным отделом были даны иррациональные указания, которые заключались в том, чтобы контуры здания соответствовали верхним частям здания Федерации Корейских Отраслей Промышленности – единственного здания, выступающего от уличной стены «Йои-до». После долгих переговоров было принято решение привести здание в соответствие с нижней частью здания Федерации Корейских Отраслей Промышленности.

Позажный план

Основная часть здания ориентирована на расположенный сзади жилой район, что отвечает цели считать вид приоритетным фактором, поскольку он должен быть в центре внимания с учетом высоты этажа. Большая часть внутренних пространств направлена на «Йои-до Плаза», а

Design Background

The project started with the design competition that about 10 other architectural firms participated in 1995. We won the competition, and originally started with 20 stories and 66,166 m² (20,000 pyong). Later it was changed to 30 stories and 99,174 m² (30,000 pyong) as a result of the feasibility study to maximize the use of the land. However, there was the IMF crisis that made a final change to the scale of the building, to return to the original. The project was carried out focusing on exterior in particular because the building is located at the site where there is a good open view from Yoi-do Park and a wide road.

Design Concept

The building mostly accommodates functions of Yoi-do Telephone Office. Some parts designed for lease, KBS relay transmit facility and KT global network system.

Aside from national customs, mock-up test and computer simulation on aluminum profile curtain wall were performed. The wall had a special feature, the aluminum louvers at the length of 1.7 m casting shadow over windows to create efficient working environment by blocking sunlight, acts as a strong horizontal design element which reduces monotonousness.

In addition, the building is designed to have air supply through floor for even distribution. Access floor is used, and this air-conditioning method enhances energy saving and indoor comfort by removing heat of equipment. As a result, less ceiling space is required, and ceiling height which is seen from outside is reduced giving the building a bright and clear image.

Site Plan

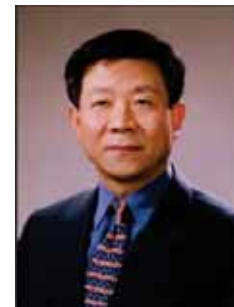
The entrance for underground parking was fixed by traffic evaluation consultation and city planning.

Irrational guideline was set by architecture consultation to match outline of the building with the upper parts of the Federation of Korean Industries' building which was the only building set back from Yoi-do street wall. After many long negotiations, the building has been decided to match with the lower part of the Federation of Korean Industries' building.

Floor Plan

The core of the building is set back toward rear apartment district reflecting the trend that view is a priority factor whereas it should be center core due to the size of a floor. More indoor spaces are arranged toward Yoi-do Plaza, and the rear core consists of the following: restrooms with high windows, visually interfering and not violating the privacy of apartment residents, an air-conditioning room with no window, and a lounge with vertical louvers to restrict visual directions.

The number of columns exposed indoor is reduced for more open view, and long spans(15.6m) were used instead. The sunken space on B1 floor is advantageous for lighting, ventilation, and emergency escape.

Йи, Кун Чанг

1976 г. – Зарегистрированный архитектор в Корейском Институте Зарегистрированных Архитекторов (КИЗА), (Reg. № 1664); 1994 г. – Член Корейского Института Архитекторов (КИА); 1995 г. – Член Архитектурного Института в Корее (АИК); 1999 г. – Вице-председатель архитекторов Азии (АРКАЗИЯ).

Yi, Kun Chang

1976. – Registered architect in Korea Institute Registered Architects(KIRA), (Reg. № 1664); 1994. – Member of Korea Institute of Architect(KIA); 1995. – Member of Architect Institute in Korea(AIK); 1999. – Vice chairman of Architect in Asia(ARCASIA)

текст
Гван-Пьо Йи, Ассоциация Архитекторов «Аум и Ли»

фото
Янг-Че Парк, Студия «Парк Янг-Че»

текст
Gwan-Pyo Yi, AUM&LEE ARCHITECTS ASSOCIATES

photo
Young-Che Park, Park Young-Che Studio

Проектные данные и список разработчиков:

Расположение:
Юйдо, Сеул, Южная Корея

Площадь участка:
6615,00 м²
Общая площадь помещений:
66 166,00 м²

Заказчик:
Корпорация КТ

Архитекторы:
Кун-Чанг Йи (Корейский Институт Зарегистрированных Архитекторов), Ассоциация Архитекторов «Аум и Ли»;
Гван-Пью Йи (Корейский Институт Зарегистрированных Архитекторов), Ассоциация Архитекторов «Аум и Ли»

Проектная команда:
Мун-Же Ли, Ассоциация Архитекторов «Аум и Ли»;
Же-Янг Ли, Ассоциация Архитекторов «Аум и Ли»;
Инженер-проектировщик строительных конструкций
Джонг-Мин Парк,
ООО «Ханкук Консалтинг»
Инженеров-Проектировщиков Строительных Конструкций»

Ландшафтный архитектор:
Чунг-Му Хух, Гана, Ландшафтный Архитектурный Дизайн

Дизайнер по свету:
Тэ-Суп Ли, ООО «Компания «Фопоко», Корея

Project Data and Credits:

Location:
YOUIDO, SEOUL, SOUTH KOREA

Site Area:
6,615.00 м²
Total floor area:
66,166.00 м²

Client:
KT Corporation

Architect:
Kun-Chang Yi (KIRA),
AUM&LEE ARCHITECTS ASSOCIATES

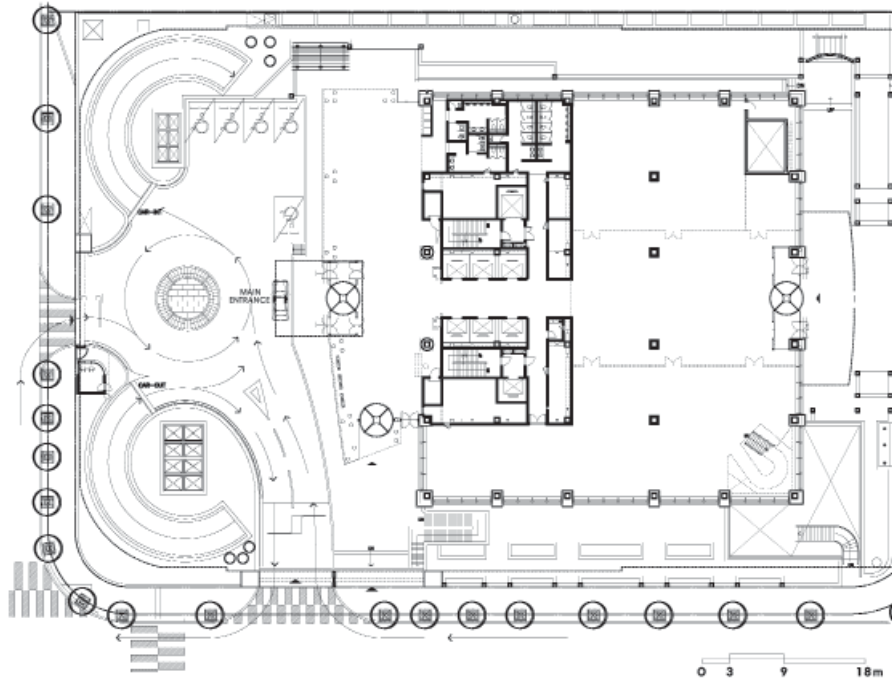
Gwan-Pyo Yi (KIRA),
AUM&LEE ARCHITECTS ASSOCIATES

Project Team:
Moon-Je Lee, AUM&LEE ARCHITECTS ASSOCIATES
Jae-Young Lee, AUM&LEE ARCHITECTS ASSOCIATES

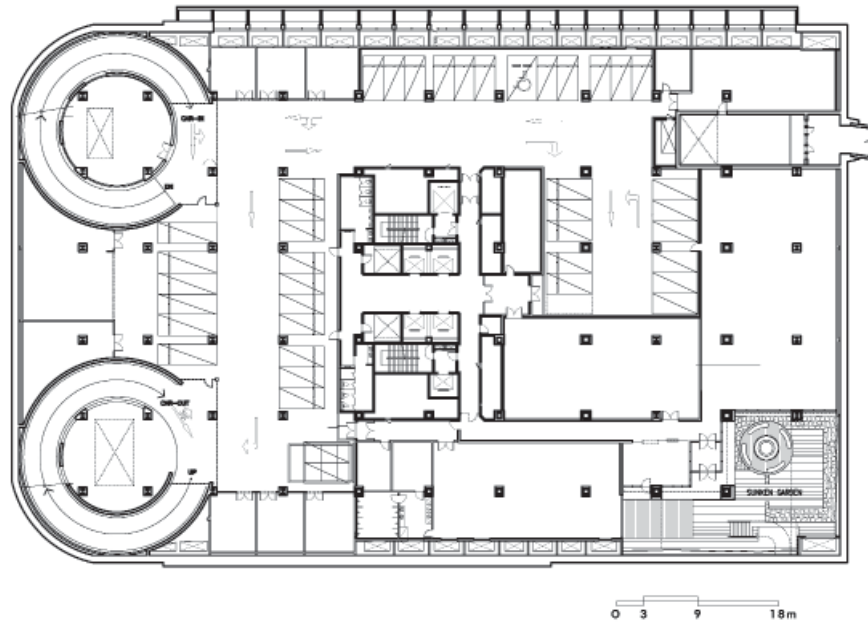
Structural Engineer:
Jeong-Min Park, HANKOOK CONSULTING STRUCTURAL ENGINEERS., LTD

Landscape Architect:
Choong-Moo Huh,
GANA Landscape Architecture Design

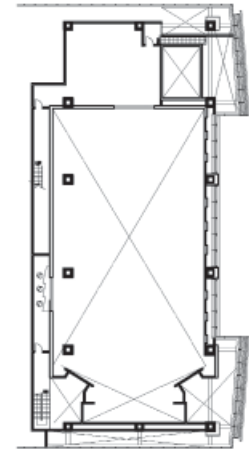
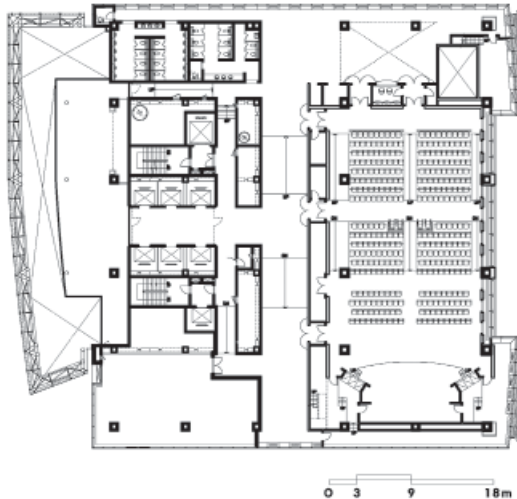
Light Designer:
Tae-Sup Lee,
FOPOCO KOREA Co., LTD

1 st floor plan

b1 floor plan

3 rd floor plan

задняя зона состоит из следующих помещений: санузлы с высокими окнами, визуально проникающие, но на самом деле не вторгающиеся в частную жизнь жителей домов; комната кондиционирования воздуха без окна; холл, где есть вертикальные жалюзи, ограничивающие прямой обзор.

Для лучшего обзора шаг внутренних колонн увеличен (15,6 м). Опущенное пространство на этаже В1 благоприятно для освещения, вентиляции и аварийного выхода.

Решение фасадов

Это массивное здание, похожее на фабрику, подходит для размещения в нем разнообразного оборудования. Но, принимая во внимание срок службы здания, возможно изменение его назначения, при этом нельзя игнорировать его хорошую узнаваемость со стороны окружения. Наружный слой представлен несущей стенкой. Вертикальные элементы используются для визуального соединения верхней и нижней частей здания и сохранения единства.

Секционный план

Высота этажа 4,5 м – для размещения Интеллектуальной Системы Здания (ИСЗ), входной этаж используется для функций обслуживания Корейской Телекоммуникационной компании. Главный холл (3-й этаж), ресторан для персонала (19-й этаж) и небесный холл (20-й этаж) расположены близко к этажам выхода, чтобы минимизировать расстояние для выхода в аварийных случаях. Метод подачи воздуха на этажи применен для сбережения электроэнергии и удобства интерьеров.

Это первый в Корее проект, использующий модельные испытания в соответствии с исследовательской работой специалистов по алюминиевым окнам как фазу перед строительством. Было использовано чистое стекло с жалюзи, которые прошли испытание под падающим под углом солнцем, несмотря на то что обычно для высотных зданий используется цветное стекло.

Elevation Plan

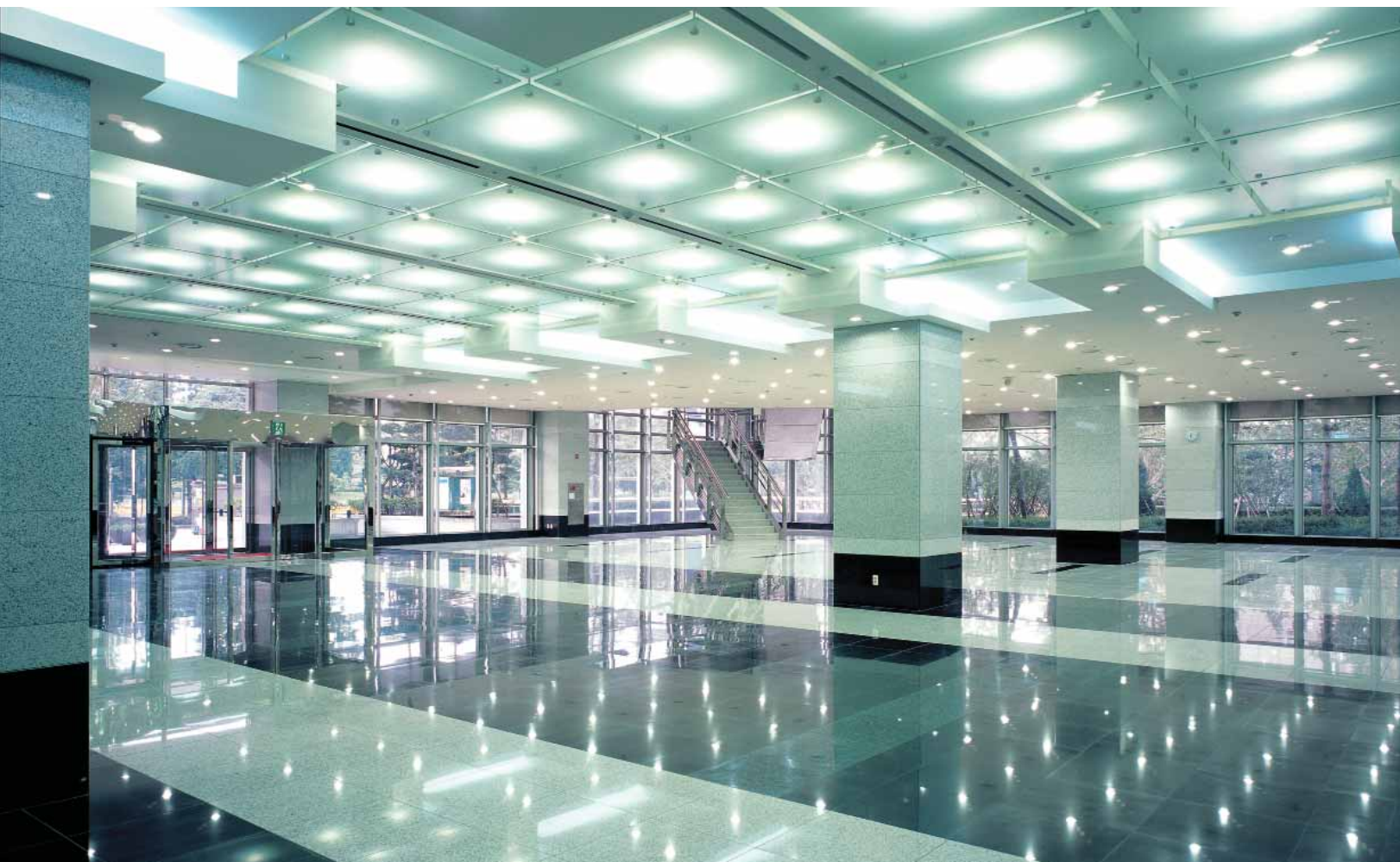
The building would have a variety of equipment and facilities placed inside so that high and massive factory-like building is suitable. But considering the life cycle of the building, the usage is possible to change, and high recognition from the surroundings cannot be ignored. The outer layer is the curtain wall, and vertical elements are used to visually connect the upper and lower parts of the building to keep unity.

Section Plan

The floor height is 4.5m to introduce the Intelligent Building System(IBS), and access floor is used to serve functions of KT. The main hall(3rd fl), a staff restaurant(19th fl) and a sky lounge(20th fl) are located close to the exit floors to minimize exit distance in case of emergency. The floor air supply method is adopted for energy saving and comfortable indoor environments.

This is the first project in Korea to perform a mock-up test according to related research development by aluminum window specialists as a phase before the construction. Clear glass is used with louvers that passed the tests of incident angle of the sun whereas colored glass is generally used for high-rise buildings.

interior view of the main lobby

Художественный музей Гьонгнам

Gyeongnam Art Museum

текст
Кун-Чанг Йи,
Ассоциация
Архитекторов
«Аум и Ли»

фото
Янг-Че Парк,
Студия «Парк
Янг-Че»

text
Kun-Chang Yi,
AUM&LEE ARCHITECTS
ASSOCIATES

photo
Young-Chea Park,
Park Young-Chea
Studio

Когда объявили, что на этот проект будет открытый конкурс, заказчик, агентство местной администрации «Объединенная музейная комиссия», предложил использовать музей как функциональное пространство для выставок и обучения посетителей. Также агентство попросило сохранить культурную самобытность и уникальное расположение в провинции Гьонгнам, на юго-востоке Корейского полуострова, рядом со старой столицей династии Шилла Гьонджу.

Во время конференций по поводу проектирования, в которых участвовали инженеры смежных дисциплин, при всеобщем согласии основное внимание было решено уделить символическим массам и фасадам, общественному интересу, экологической привлекательности, эстетике, визуальному разнообразию, экономически целесообразному при учете ограничений участка.

В связи с основными задачами были приняты следующие проектные положения: здание должно гармонировать с городской структурой и быть правильно размещено в городской среде, массив здания должен согласовываться с контуром участка, а форма – не противоречить существующим жилым и коммерческим зданиям.

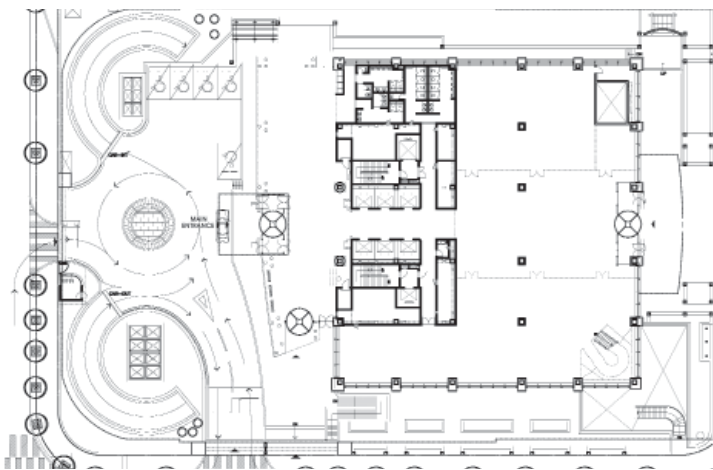
When this project is announced to the public as open competition, the client as Quosai-Local government agency named «A consolidated museum committee» requests to propose the museum to be functional spaces for exhibition and training for the public. Also requested to maintain cultural identity and unique locality of Gyeongnam province where is located South-East of Korea peninsula, old capital of Shilla dynasty, Gyeongju, near by.

Throughout the consecutive design charrette conferences among multi-disciplinary engineers, major key contents were in consensus to focus to be symbolic mass and facades, public interest, environmentally pleasing, friendly eathetics, visual diversity, economically reasonable by the consideration of site constrains.

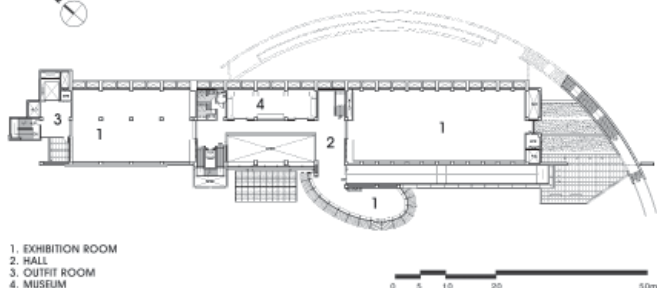
To overcome the agreed key factors, the following fundamental design contexts were introduced to harmonize with the vicinity of urban fabric, building to be layout with urban, mass of building to be accommodated site contour, shape to be compromised with the existing residences and commercial buildings.

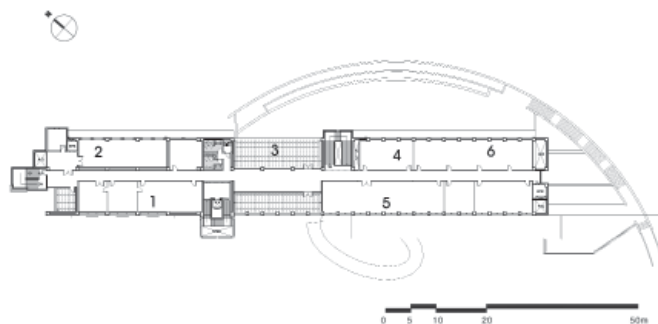
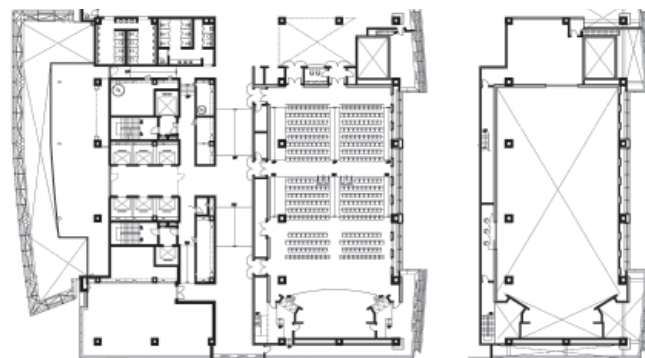

1. EXHIBITION ROOM
2. HALL
3. OUTFIT ROOM
4. MUSEUM

2ND FLOOR PLAN

1. OFFICE
2. AIR-DUCT ROOM
3. LOUNGE
4. AUDIO VISUAL ROOM
5. LIBRARY
6. ACTUAL TRAINING ROOM

4TH FLOOR PLAN

Кроме того, контраст массива должен быть укреплен по вертикали и по горизонтали, общественные пространства должны быть прозрачны благодаря свободному объему, пешеходные дорожки должны продолжаться и сочетаться с вертикальной системой, чтобы эффективно взаимодействовать с наружным пространством.

Участок открывается по всем направлениям – со слегка затрудненным доступом с запада и легким доступом со стороны главной городской транспортной сети, что уменьшает возможность транспортных пробок. Согласно указаниям, площадь у главного входа должна составлять продолжение городской оси. В открытом наружном выставочном пространстве были организованы обильные зеленые насаждения, чтобы достичь символической индивидуальности здания. Площадь приспособили для проведения различных мероприятий в сфере искусства. Обзорная башня позади здания была оборудована для визуального контакта с существующим садом и городским ландшафтом. Для посетителей и служащих были созданы независимые парковки, а для погрузки и разгрузки выставочных материалов предназначены дополнительные пространства.

В поэтажном плане были обозначены четыре главные части и определены пространства, рассчитанные на аварийные случаи.

Пространства были сконцентрированы в соответствии с частотой движения потока людей в общественной, исследовательской, административной, выставочной, демонстрационной и операционной зонах. Между всеми зонами есть буферное пространство.

На фасаде здания, в соответствии с функциями помещений, находится прямая горизонтальная форма, вносящая визуальное разнообразие. Покрытие навесными стенами по наклонной плоскости обеспечивает освещение и прозрачность музея как сосредоточения основного потока.

Для достижения уникальной индивидуальности проекта была применена круговая архитектурная форма. Кроме того, свободностоящий навес на крыше придает символический внешний вид, где все подчиняется визуальному контакту с задним двором.

В Художественном музее рассеянное освещение используется больше, чем прямое, для лучшего восприятия выстав-

Beside the above, contrast of mass by vertical and horizontal to be reinforced, the public spaces to be transparent by void space, pedestrian paths to be continued and layout of vertical conveying system to be effective with external space.

Site is given to open all direction with some in cumbersome through west and easily assessable from main urban traffic network with less possibility of traffic jam by the public.

Per all givens, theme plaza was provided to compose at main entrance as extension of urban axis, open outdoor exhibition space was installed with abundant greenery space to gain the symbolic identity of building, event plaza was provided to perform various art activities, observation tower at back of house was installed for visual contact with the existing garden and urban scenery, an independent parking lots were provided for visitors and employees and the auxiliary spaces were provided for easy loading and unloading of exhibition materials.

In floor layout, four main cores placed to facilitate by identical function of spaces with engineering consideration of disaster during emergency occasions.

Spaces were concentrated in connection with frequency of moving of flow of the users as public, research, administration, exhibition, Display, Achieving and operation zones. Each zones have its own variety with buffer space between each other.

In facade of building, while function rooms are required a lineally shape in horizontally the core absorbed visual tediousness. Wrapping curtain walls of ramp provides lightness and transparency of museum as focus of main stream.

To obtain the unique identity the circular architectural pattern was adopted. In addition, the free stand canopy at roof top provides as symbolic appearance with picture frame to be subordinated to visual contact the back yard.

An art museum generally uses indirect light rather than direct one because of displayed art works. Accordingly, an opaque material is preferable to glass. However, we placed ramp, lounge, stairs and lobbies toward the front getting direct sunlight. Unlike a typical elevation of a museum,

ленных произведений искусства. В соответствии с этим непрозрачный материал считается предпочтительнее, чем стекло. Однако мы разместили помещение с наклонной стеной, холл, лестницы и приемные так, чтобы на них попадал прямой солнечный свет. В отличие от типичных музеев, этот музей окружен стеклянной навесной стеной, чтобы создать впечатление открытости, яркости и доступности.

Кроме того, опорные офисы сконцентрированы в левой части, а выставочные пространства – в правой, что способствует хорошей циркуляции. Чем выше овальный поэтажный план, тем уже он становится, формируя трехмерный стеклянный атриум неправильной формы. Для нас это было новой попыткой спроектировать и построить здание, применяя местные технологии.

this museum was surrounded by the glass curtain wall to give openness, brightness and accessibility.

In addition, supporting offices were arranged on the left while display spaces on the right side causing clear circulation. An oval shaped floor plan gets narrower as it went up forming a three-dimensional irregular glass atrium. It was a new attempt for us to accomplish the design and construction with domestic technology.

Банк Голomt в Улан-Баторе, Монголия

Golomt Bank Ulan Bator, Mongolia

текст
Гван-Пью Йи,
Ассоциация
Архитекторов
«Аум и Ли»

text
Gwan-Pyo Yi,
AUM&LEE ARCHITECTS
ASSOCIATES

Территория Монголии в семь раз больше территории Кореи, но население менее 3 миллионов. Судя по семи визитам в Монголию – с 1996 г., за пределами г. Улан-Батор, столицы Монголии, практически нет ни людей, ни зданий, ни машин. Стране не хватает резерва с тех пор, как она несколько лет назад освободилась от коммунизма. Банк Голomt, самый большой частный банк в Монголии, был спроектирован г-ном Ганболтом, президентом Монгольской Архитектурной Ассоциации. Шестиэтажное здание банка имело типичный авторитарный вид, его можно было легко заметить в коммунистической стране, в то время как офисное здание сзади выглядело гладким, с навесной стеной, полностью покрытой стеклом.

Здание банка было белым и старомодным, в то время как административное здание было черным и эпохальным. Оба выглядели как два совершенно разных здания из-за сильного контраста в цвете. Президент банка попросил нас принять участие в проектировании и изменить фасады и пространства перед завершением строительства. Учитывая фасад здания банка, административное здание было изменено, чтобы хорошо сочеталось с впереди стоящим банком, и в нем появилось много этажей с похожими окнами и перемычками. Эти здания видны с центральной площади Улан-Батора в Монголии.

The land of Mongolia is seven times as large as that of Korea, but the population is less than 3 million. According to 7 years of visits to Mongolia since 1996, there are almost no people, buildings or cars outside Ulan Bator, the capital of Mongolia. The country lacks in fund since it has freed from a communist country just a few years ago. Golomt Bank, the largest private bank in Mongolia, had been designed by Mr. Ganbolt, the President of Mongolian Architecture Association. The bank building of six floors had a typical authoritative elevation which was easily observed in a communist nation, while the office building in the back was a slick-tech one with an all-glass curtain wall.

The bank building was old-fashioned and white while the administration building was epochal and black. The two looked like totally different buildings due to strong contrast of colors. The president of the bank asked us to join the design, and alter the elevations and spaces programs before the end of the construction. Given the elevation of the bank building, the administration building was changed to get along well with the front bank and to appear to have many floors by similar looking windows and spandrels. These buildings are seen from the central plaza of Ulan Bator, Mongolia.

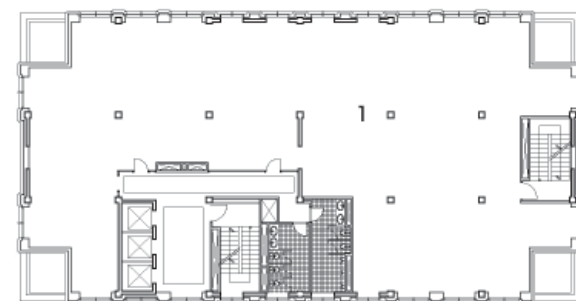
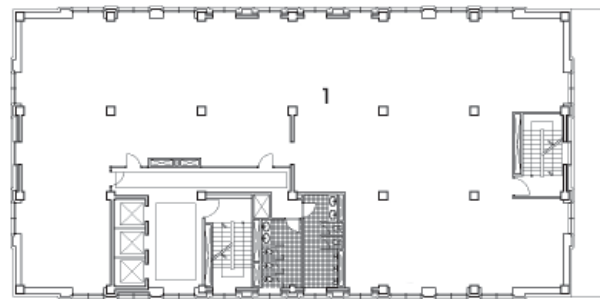
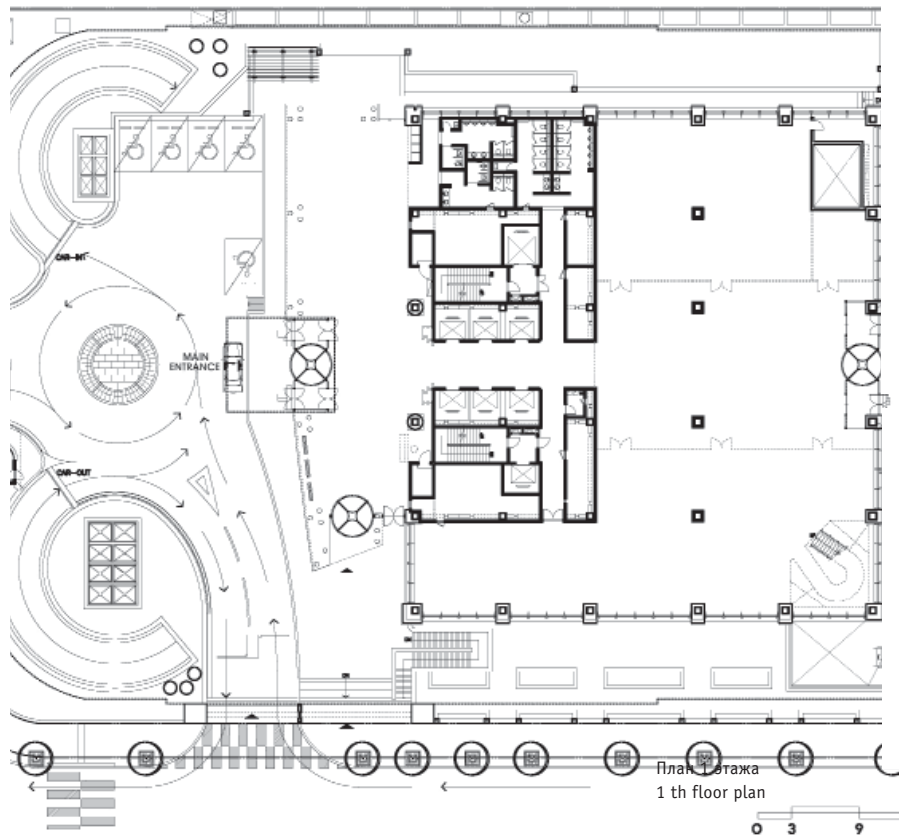
Проектные данные и список разработчиков:

Расположение:
г. Улан-Батор, Монголия
Площадь участка:
12 667,00 м²
Общая площадь помещений:
11 975,04 м²
Заказчик:
Банк Голomt
Архитекторы:
Кун-Чанг Йи (Корейский
Институт Зарегистрирован-
ных Архитекторов),
Ассоциация Архитекторов
«Аум и Ли»;
Гван-Пью Йи (Корейский
Институт Зарегистрирован-
ных Архитекторов),
Ассоциация Архитекторов
«Аум и Ли»

Project Data and Credits:

Location:
Ulan Bator, Mongolia
Site Area:
12 667,00 м²
Total floor area:
11 975,04 м²
Client:
GOLOMT BANK
Architect:
Kun-Chang Yi (KIRA),
AUM&LEE ARCHITECTS
ASSOCIATES;
Gwan-Pyo Yi (KIRA),
AUM&LEE ARCHITECTS
ASSOCIATES

Distant view of the exterior at night

Впечатления от поездки в Монголию (лето 2006)

Impressions during a trip to Mongolia (summer 2006)

фото Даниил Середенкин

текст и фото

Клаудиа Сандерс,
(Федеральная Палата
Германских Архитекто-
ров, Берлин/
Брюссель, август
2006 г.)

text end photo

Claudia Sanders,
(Federal Chamber of
German Architects,
Berlin/Brussels, August
2006)

Имела ли я хоть какое-нибудь представление об архитектуре Монголии перед моим путешествием по Транссибирской железной дороге, которая привела меня в эту далекую азиатскую страну? Нет!

В Западной Европе Монголия главным образом известна благодаря своей истории (всегда связанной, конечно, с Чингисханом и его способностью долгое время держать половину мира в своих руках), диким лошадям, широкой сельской местности, большим стадам коз и овец, кочевникам, которые живут в традиционных юртах (по-монгольски – Гэр) по всей стране.

В целом жители Западной Германии не имели ясного представления, что происходило в этой части света, особенно до 1990 г., в то время как Восточная Германия поддерживала тесный контакт с Монголией в эпоху коммунизма. Но даже теперь, спустя много лет после «больших перемен» в нашей стране, а также в бывших восточных коммунистических странах, я обнаружила, что все еще не знаю, какова в действительности жизнь в Монголии – со всеми ее аспектами.

И все же Улан-Батор (или, как местные жители говорят, «УБ») с его смесью из бетонных блоков и социалистической архитектуры, его пригородных Гэр-кварталов и небольшого числа все еще существующих буддистских храмов не был для меня неожиданностью. В какой-то степени мы ожидали подобный «меланж» в стране, которая, из расчета на монгольского жителя, является номером один в мире в получении иностранной помощи и которая подвергалась влиянию множества других стран.

УБ – столица с бешеным темпом жизни и числом жителей около 1 миллиона (более 1/3 всех жителей Монголии), что создает впечатление желанной цели всех слоев населения, в равной степени как для туристов, так и для бизнесменов.

Несмотря на то что здесь вы можете купить бельгийские вафли, ирландское и германское пиво, итальянскую еду, австрийский кофе и одежду всемирно известных дизайнеров, посмотреть 50 телевизионных каналов, посетить интернет-кафе и прокатиться на джипе «Хаммер», жизнь в УБ – это не только развлечение. Как иностранец вы не можете здесь хорошо ориентироваться, так как в городе очень мало знаков (а за городом их совсем нет), лето жаркое и пыльное, зима ужасно холодная, вы трясетесь по колдобинам плохих дорог и тротуаров. Круглый год здесь стоит копать от электростанции и выхлопов от растущего числа машин...

УБ окружен Гэр-кварталами, которые состоят из гравийных дорог, участков земли с построенными на них одним или двумя Гэрами, разделенными деревянными перегородками, очень скудного дорожного освещения (если вообще таковое имеется) и насосных станций, где приобретается вода для ежедневного использования. В наших глазах такая жизнь может вызвать жалость, но это будет чересчур опрометчивое суждение. Многие кочевники, которые переезжают в УБ с надеждой на «лучший» и более легкий быт, не могут и/или не хотят оставлять свою кочевую жизнь и получают удовольствие от проживания в Гэре. Тем не менее, если они смогут себе это позволить, большинство из них переедут в жилое здание.

Исторически сложилось мнение, что монголы, будучи кочевыми людьми, не были заинтересованы в строительстве

Did I have any idea about architecture in Mongolia before my trip with the Trans-Siberian Railway, which guided me also to this far away Asian country? No!

In Western Europe Mongolia is mostly known for its history (always connected with – of course – Dschingis Khan and his ability to hold half of the world in his hands for a long time), for wild horses, vast country-side, huge flocks of goats and sheep, nomads, who live in traditional tents (Mongolian: Ger) all over the country.

In general we West-Germans hadn't had a clue what was going on on that side of the world, especially before 1990, while East-Germany kept a close contact to Mongolia over the communist-area. But even now, so many years after «the big move» in our as well as in the eastern former communist-countries, I found out, I still didn't know how life with all its aspects would be in reality in Mongolia.

Still Ulaanbaatar (or «You Bee», so UB as they call it...) with its mixture of concrete blocks and its socialistic architecture, its suburban Ger-quarters and its small number of still existing historical Buddhist temples didn't come as a big surprise. Somehow we expected a «melange» like that in a country which is, counted per Mongolian citizen, worldwide number one in receiving foreign aid, and which has been influenced by many countries.

UB is a crazy capital with nearly 1 million citizens (more than 1/3 of Mongolia's residents) and it gives the impression of being a «hip» target for all kind of people – tourists and business men alike.

Though you can get Belgian «waffles», Irish and German beer, Italian food, Austrian coffee and world famous designer-ware, 50 TV-Channels, Internet-Cafes and «Hummer» cross-country vehicles, living in UB is not only fun : as a foreigner you can't orientate as there is very little sign-posting in the city (none at all in the country side) for example, the summers are hot and dusty, the winters are freezing cold, you stumble and bump over badly maintained pavements and roads. All over the year there is the smut from the power station and the exhaust fumes from a rising number of cars...

UB is surrounded by Ger-quarters, which are composed of gravel roads, pieces of land with 1 or 2 Gers build on them, divided by board partition, very little street light (if any) and pump-stations, where one has to buy the water for daily use. For our eyes this kind of living might be pitied, but that would be judging to quick. Many nomads, who move into UB with the expectation of a «better» and easier

городских центров. Мало что известно о «монгольской» архитектуре, так как большинство исторических артефактов были классифицированы как «заимствованная» архитектура.

После разрушения первой «столицы» Кара-Корум (также спроектированной и построенной иностранными зодчими) в 1371 г. столица Монголии того времени была стационарной или кочевой более 300 лет и состояла из Гэр-дворцов, которые, как оказалось, лучше сохранялись при экстремальном климате, так как были прочными. Сам Гэр, как предполагается, имеет более чем 2000-летнюю историю развития в Азии.

Что-то вроде монастырской архитектуры под китайско-тибетским влиянием получило свое развитие с XVII по XIX век. К концу этого периода были построены более 300 зданий по всей стране. К сожалению, большинство из них были разрушены во время и после Культурной Революции в 1924 г.

Архитектура Монголии (а точнее Улан-Батора) в XVII-XX веке испытывала китайское и русское влияния и состояла в основном из строений от жилых домов и складов, сделанных из кирпича и дерева (иногда с орнаментами в русском стиле), до зданий, имеющих сильное влияние социалистической эпохи, вплоть до 1990 г.

Сегодня на признаки строительства можно наткнуться повсюду. УБ – быстро растущий город, здесь есть много компаний из зарубежных стран, которые работают вместе с местными фирмами во всех сферах. Вновь разработаны и построены жилые и офисные здания: иногда это практически небоскребы, иногда это металлические светящиеся здания зелено-золотистого цвета, иногда это странная смесь исторических и новых архитектурных стилей и форм, но очень редко эта архитектура имеет «признак» собственно монгольской архитектуры.

А какова архитектура за пределами УБ? Здесь, пожалуй, нельзя найти большое количество объектов, заслуживающих внимания, так как кроме столицы в Монголии всего 2-3 крупных города (с населением от 30 до 80 тысяч жителей), которые состоят из серых домов, огороженных заборами частных владений, небольших рынков, иногда здесь есть небольшой храм или спортивная площадка. В других местах страна усеяна Гэрами, построенными кочевниками, которые перемещаются по стране со своим скотом. Для туристов строят все больше и больше туристических баз с Гэрами на короткий летний период с мая по сентябрь. Гэры здесь на любой вкус – от очень простых до роскошных – в зависимости от бюджета туриста.

В заключение можно сказать, что «монгольская архитектура» – это не повод для приезда в эту красивую страну. То, что привлекает, – это простор, чувство свободы, которое все еще можно ощутить на природе, культура, буддизм, традиции, честность и дружелюбие людей, спокойствие и природная сила, которую они излучают, и – снова и снова – прекрасная природа, которая делает Монголию таким местом, которое стоит увидеть и ощутить. Она приглашает вас вернуться...

life can't or/and won't abandon their nomadic habitation and enjoy living in a Ger. Nevertheless, if they can ever afford it, most of them will move into a domestic building.

Historically considered, the Mongolians as nomadic people haven't been interested in building up urban centers. There is not much knowledge about «Mongolian» architecture as most historical artifacts have been classified as «imported» architecture.

After the destruction of the first built «capital» Kara-Korum (designed and built also by foreign builders) in 1371 the capital of that-time Mongolia was immobile/nomadic for more than 300 and was established in Ger-palaces, which proved to be of better use within the extreme climate as firm houses. The Ger itself is supposed to have a more than 2000 year old history of development in Asia.

A kind of cloister-architecture under Chinese-Tibetan influence has been developed from the 17th to the 19th century with – by the end – more than 300 buildings all over the country. Sadly most of them have been destroyed in and after the Cultural Revolution in 1924.

Architecture in Mongolia (read: Ulaanbaatar) in the 19th and 20th century consisted mainly in Chinese and Russian influences from residential buildings and store-houses made by brick and wood – sometimes in ornamented Russian style – up to buildings strongly affected by the socialistic area until 1990.

Today one hits the signs of construction sides everywhere. UB is a booming city and there are many companies from foreign countries that work together with local firms in all kind of fields. Newly developed and built residential and office buildings, sometimes nearly skyscraper-high, sometimes green-golden metallised and shining, sometimes with a strange mixture of historical and new architectural styles and forms but very seldom with the «signature» of Mongolia's own architecture.

And what about architecture outside UB? Well, there is not much noteworthy, as Mongolia only has another two to three bigger cities (with 30.000 to 80.000 residents) consisting of grey houses, fenced properties, small market halls, sometimes a little temple or a sports ground. Otherwise the vast country is spotted with Gers, built up by nomads who travel the country with their livestock. For tourists they have also built up more and more Tourist-Ger-Camps over the short summer period from May to September, which are available in a wide range from very simple to over-luxurious – depending on the budget.

As a conclusion one could say that «Mongolian» architecture is not a reason to come to this beautiful country. It's the vastness, the kind of freedom one can still feel in the nature, the culture, the Buddhist religion, the traditions, the honesty and friendliness of the people, the calmness and the natural strength they radiate and – again and again – the wonderful nature which makes Mongolia such a worthy place to see and to experience. It invites you to return...

Сад четырех сезонов Four Seasons Gardens

текст и фото

Светлана Середёнкина

text and photo

Svetlana Seredenkina

Улан-Батор (до 1924 г. Урга) – столица Монголии с 1912 г. Город расположен на высоте 1351 м над уровнем моря, на берегу реки Туул, которая берет начало с Хэнтэйского хребта. Со всех сторон город окружен горами: Богд-Хаарн, Баянзурхэ, Сонгино-Хайран и Чингэлтэй. Население – 808,4 тыс.чел (2003 г.). Площадь города 1359 кв.км.

Самые первые исторические справки об Урге, относящиеся к 1649 году, можно найти в монгольской хронике «Эрденийн ерикхе», в которой говорится об основании в долине реки Туул Икхе-кюрена («великого монастыря»). С 1778 года вокруг монастыря стала концентрироваться мирская жизнь, и был основан город, который стал официальной резиденцией китайского императорского наместника Внешней Монголии. Урга была крупным центром буддизма и считалась третьим городом ламаистского мира после Лхасы и Ташилунпо в Тибете. В 1912 году Урга была официально объявлена столицей автономной Монголии. В ноябре 1924 года Великий Государственный Хурал Монголии переименовал Ургу в Улан-Батор и провозгласил ее столицей Монгольской Народной Республики.

Избитое «...Монголия – не заграница» уже не актуально. По крайней мере, для меня. К такому выводу я пришла, посетив в июле Улан-Батор. Приехав как раз после окончания празднеств по случаю 800-летия Великой Монголии, когда всю предыдущую неделю в стране правительство объявило празднично-выходной, а в понедельник народ буднично потянулся на свои рабочие места, я, разместившись в квартире одного из знакомых, отправилась на осмотр города. Пешком, зато в сопровождении местного добровольца, сотрудника Петербургского банка «Менатеп». Личность незаурядная, можно сказать, ходячая энциклопедия, к тому же был моим личным переводчиком. Узнав, что я – архитектор, понял направленность профессионального интереса.

Ориентироваться в Улан-Баторе было легко. Вся деловая жизнь сконцентрирована вдоль протянувшейся на тридцать километров с севера на юг главной магистрали – проспекта Мира. Если убрать рекламные вывески, никогда не скажешь, что это – Монголия. Стереотипное мышление, наряду с полным незнанием страны, рисует в воображении бескрайние степи и ряды войлочных юрт, что и должно олицетворять собой азиатскую страну. Ну и, наверное, пятиэтажные панельные дома, столь щедро настроенные во времена развитого социализма в дружественных СССР странах (90 % жилых домов в городе были построены при содействии СССР).

Сегодняшний Улан-Батор больше похож на европейский город с многоэтажными зданиями из стекла и бетона, неоновыми вывесками, весьма плотным потоком дорогостоящих автомобилей, молодежью с сотовыми телефонами, высококачественным сервисом в гостиницах и большим количеством банков, мебельных и деловых центров, торговых комплексов, ночных клубов и дискотек. Говорить об архитектурном облике Улан-Батора сложно. Здесь можно увидеть все: современные здания, построенные в последние годы китайцами, корейцами и японцами (эти три страны по объему инвестиций оттеснили Россию на 4-е место), дома, построенные при социализме в стиле сталинского ампира, хрущевские пятиэтажки, девятиэтажки времен Брежнева, частные деревянные дома, юрты в центре

Ulan Bator (Urga until 1924) has been the capital of Mongolia since 1912. The city is located 1,351 m. above the sea level, on the bank of Tuul River, which begins from the Hentei mountain rang. The city is surrounded with mountains: Bogd-Haarn, Bayanzurhe, Songino-Hairan and Chingeltei. Its population is 808.4 thousand people (2003). The city area is 1,359 sq.m.

The first historical references about Urga related to 1649 can be found in Mongolian chronicle «Erdeniin Erikhe» with the information on Ikhe-Kuren («the Great Monastery») founded in the valley of Tuul River. Since 1778 a temporal life started concentrating around the Monastery. The city founded here became an official residence of Chinese empire governor of the External Mongolia. Urga was a big Buddhist center and the third city of Lamaism world after Lhasa and Tashilunpo in Tibet. In 1912 Urga was officially declared the capital of autonomous Mongolia. In November 1924 The Great State Hural of Mongolia renamed Urga into Ulan Bator and proclaimed it the capital of the Mongolian People's Republic.

The trite expression «...Mongolia is not a foreign country» is irrelevant now. At least for me. I made such conclusion after visiting Ulan Bator in July. I came there just after celebrations of Great Mongolia's 800th anniversary with holidays during the whole previous week organized by the government. On Monday citizens started their working day. Lodged in my friend's apartment I started to view the city. I went on foot accompanied by a local volunteer, an employee of St. Petersburg Bank «Menatep». An outstanding personality and a walking encyclopedia, he was my interpreter as well. He understood my professional interest of an architect.

It was easy to orient myself in Ulan Bator. All business life concentrates along the principal highway from north to south 30 kilometers long, Peace Avenue. Taking away all commercials one never can say it is Mongolia. Stereotype thinking together with ignorance of the country fancies vast steppe and rows of felt jurts embodying an Asian country. And probably five-storied panel houses lavishly built in the times of socialism in the countries friendly to the USSR. (90% of residential houses in the city were built with the USSR's assistance).

Today's Ulan Bator looks more like a European city, with many-storied glass and concrete buildings, neon signs, dense streams of expensive automobiles, young people with cellular phones, high-quality service in hotels and a number of banks, furniture and business centers, supermarkets, nightclubs and discos. It is difficult to speak about architectural look of Ulan Bator. Here one can see everything: modern buildings recently constructed by Chinese, Koreans and Japanese (these three countries pushed Russia to the 4th place according to the volume of investments), houses built during socialism in Stalin's empire style, Khrushchev's five-storied houses, Brezhnev's nine-storied houses, private wooden houses, souvenir shops in the form of jurts in the center of the city to attract tourists and yurt settlements in the suburbs. Oriental flavor is made by Buddhist temple complexes, the main of which is the Buddhist temple Gandantegchinlin and Buddha Park.

города в виде сувенирных магазинчиков для привлечения туристов и юрточные поселки на окраинах города. Восточный колорит придают буддийские храмовые комплексы, среди которых самый главный в стране – буддийский монастырь Гандантэгчинлин и Будда-парк.

Получив не без помощи моего волонтера автомобиль с водителем в полное распоряжение и за чисто символическую плату, целый день осматривала достопримечательности города, а также те его районы, которые были мне интересны. В первую очередь микрорайон «Москва». Это название я прочитала из окна купе, подъезжая к вокзалу. Естественный интерес, что это и почему так называется.

По статистике, в Улан-Баторе проживает почти 50% всего населения Монголии. Одним из направлений государственной политики страны является обеспечение граждан жильем и уменьшение количества юрточных поселков, а также формирование благоприятной среды для проживания горожан. Основываясь на перспективах развития Монголии до 2020 года, Улан-Батор разработал генеральный план столицы с учетом правительственной программы «40 тысяч квартир», в связи с чем в городе будут построены несколько новых жилых районов.

Заказы на участие в этой программе сделали Южная Корея, Малайзия, Япония, поступили также предложения из Турции и некоторых европейских стран. Россия не осталась в стороне, и строительство российской компанией «Зарубежстрой» микрорайона «Москва» в дистрикте Сонгинохайрхан входит в программу «40 тысяч квартир».

22-23 июня 2006 года Монголию посетила делегация правительства Москвы во главе с мэром Ю.М. Лужковым, принявшая участие в церемонии открытия первой очереди микрорайона «Москва» в Улан-Баторе и заложившая памятную капсулу под сооружение второй очереди московского жилкомплекса. Кроме того, по генплану рядом с микрорайоном «Москва» предусмотрен поселок, застроенный коттеджами для госслужащих.

Первая же очередь представляет собой каре из шести 9-этажных домов с подземной автостоянкой внутри двора, на крыше которой разместились детская площадка. 540 квартир уже были сданы в эксплуатацию, в последнем доме, в один из двух подъездов которого мне удалось попасть, завершались отделочные работы.

My volunteer helped me get an automobile with a driver to see the sights of the city and its interesting districts for the whole day and for a very small fare. First of all I saw «Moscow» microdistrict. I saw this name through the window of my train approaching the station and got interested what it was and why it was called so.

According to statistics, almost 50% of Mongolia's population live in Ulan Bator. One of the state policy objectives is to provide citizens with housing, to decrease the number of jurt settlements and to form the environment favorable for living. Basing on prospects of Mongolia's development till 2020, Ulan Bator has worked out a master plan of the capital taking into account the government program «40 Thousand Apartments» to build several new residential districts in the city.

South Korea, Malaysia, Japan, Turkey and several European countries have submitted their applications to take part in this program. Russia does not stand aside. Russian Company «Zarubezhstroy» is building «Moscow» microdistrict in Songinohairhan district, which is included in the program «40 Thousand Apartments».

On June 22-23, 2006 the delegation of Moscow government headed by the mayor Yu. Luzhkov visited Mongolia. They took part in the opening ceremony of the first phase of «Moscow» microdistrict in Ulan Bator and put a memorable capsule under the construction of the second phase of the district. Besides, according to the master plan, «Moscow» microdistrict will be surrounded by the settlement with cottages for state employees.

The first phase looks like a caret of six 9-storied houses with underground car parking inside the yard with children's playground on the roof. 540 apartment units were already put into use. In the last house, in one of the two entrances, which I was lucky to visit, the finishing work was coming to the end.

There are five apartment units on the floor with one, two and three rooms. The areas correspond to the soviet Construction Norms and Regulations, the kitchen is combined with the sitting-room. The apartment units are fully decorated, with laminate on the floor, electricity and sanitary ware, the lavatories are tiled, the rooms are wallpapered. In a world, just to bring some furniture in and to

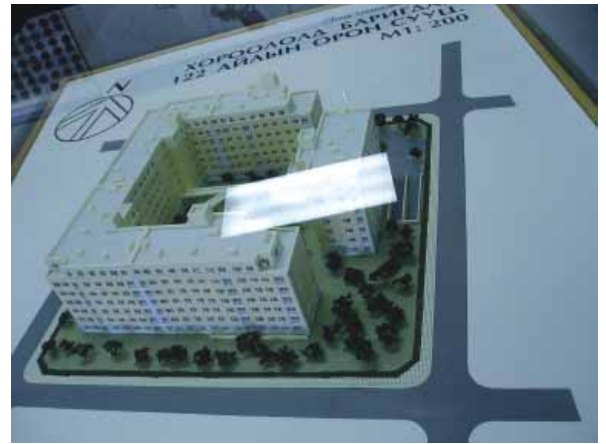
Первая очередь строительства м/р «Москва»

Интерьер одной из типовых квартир комплекса: кухня-гостиная, ванная, санузел

Планировка одной из типовых квартир

Макет первой очереди строительства

На этаже пять квартир, одно-, двух- и трехкомнатные. Площади помещений соответствуют советским СНиПам, кухня объединена с гостиной. В квартирах выполнена полная отделка, на полах – ламинат, в наличии электрика и сантехника, санузлы облицованы плиткой, комнаты оклеены обоями. Одним словом, завози мебель и живи-радуйся. Стоит это удовольствие 350 \$/м².

И никому не приходит в голову ломать перегородки или тут же делать «евроремонт». В Монголии, как и в любой цивилизованной стране мира, не понимают того, как можно купить квартиру в новом доме, а потом ее сразу ремонтировать, иначе жить там нельзя.

После «Москвы» я отправилась в «Japantown», который недавно получил свое новое название «Сад четырех сезонов». Как объяснил управляющий компанией г-н Бортголжин: «Это сделано по двум причинам, во-первых, район имеет большую площадь озеленения, более 60% территории, на которой будут разбиты сады, прекрасные в любое время года из-за определенного подбора растений, во-вторых, нам не хотелось, чтобы у людей сложилось впечатление, что здесь проживают только японцы. Наш городок открыт для всех наций, и любой желающий может купить себе здесь дом или квартиру».

24 января 2003 года японская корпорация «Суруга» учредила Монгольскую корпорацию с целью осуществить проект «Японский город», самый большой и современный район (площадью около 90 га) в Улан-Баторе. Поскольку «Японский Город» станет главным районом столицы, для него отвели соответствующую площадку:

- в 2-х километрах к югу от площади Сухбатар, центральной точки Улан-Батора;
- у подножия горы Богд, почитаемой монгольскими жителями;

live happily. The price of this pleasure is 350 \$ per square meter.

Nobody would break the partitions or repair the apartment directly after buying it. In Mongolia, like in any civilized country, people do not understand why it is necessary to repair the apartment, because otherwise it is impossible to live in.

After «Moscow» I visited «Japan Town», which has recently got a new name, «Four Seasons Garden». The manager of the company, Mr. Bortgolzhin explained this name: «There are two reasons: firstly the district has a large green area, more than 60% of the territory, there will be gardens beautiful in any season of the year because of special selection of plants. Secondly we do not want people to think that only Japanese live here. Our small town is open for all nations and anyone can buy a house or an apartment here».

On January 24th, 2003 the Suruga Corporation of Japan co-established the Mongol Corporation to carry out the Japanese Town project, the largest and the most modern district (about 90 hectares) in Ulan Bator. As Japan Town will become the premier district of the capital it will be specially located:

- two kilometers south from Sukhbaatar Square, the central point of Ulan Bator;
- at the foot of the Bogd Mountain, revered by the Mongolian people;
- next to the banks of the River Tuul;
- 300 m. from the Central Stadium.

As planned in 2004, the development will consist of 19 seven-storied buildings containing 2246 apartment units, a six-storied multi-functional building containing 165 apartment units and 3 high-rise buildings (18, 23 and 30 stories) containing 495 apartment units. The develop-

Интерьер одной из типовых квартир в комплексе «Сад четырех сезонов»: гостевой санузел, кухня-столовая, гостиная

- рядом с берегами реки Туул;
- в 300 м от Центрального Стадиона.

По проекту 2004 г. застройка включает в себя 19 семизэтажных зданий, вмещающих 2246 квартир, шестиэтажное многофункциональное здание на 165 квартир и 3 высотных здания (18, 23 и 30-этажные), вмещающих 495 квартир. Кроме того, застройка имеет также удивительно живописный жилой массив, вмещающий: 237 стандартных одноквартирных домов, 39 домов класса люкс, 91 дом с террасой. Все эти дома имеют небольшие земельные участки. В дополнение к жилью появятся: школа, больница, торговый центр, спортивный клуб с теннисными кортами, кинотеатр и 30-этажное офисное здание. Все эти великолепные новые постройки создадут первый «Город с Высоким Уровнем Жизни» в Улан-Баторе. В этом районе, создаваемом японскими и монгольскими инженерами, будут использованы японские высокие технологии и самое лучшее оборудование. «В «Японском Городе» вас ждет новый мир и новая жизнь, которую вы не сможете ощутить больше нигде в Улан-Баторе», – примерно так рассказывала о новом районе очаровательная сотрудница монгольской корпорации в офисе компании, где, между прочим, представлен полный проект застройки – с макетами, планами этажей всех зданий и, самое удивительное, типовой трехкомнатной квартирой общей площадью 93 м². Да, получается дом в доме. Вы заходите в офис компании – и тут же можете посетить квартиру, и даже потрогать все руками, и посидеть в кресле. Для начала, правда, придется по-японски снять обувь и надеть специальные тапочки. Причем «экскурсовод» чуть ли не переобувает вас, и все это с низкими японскими поклонами.

Квартира достойна отдельного повествования. Довольно просторный холл с гостевым санузлом, встроенными шкафами и кладовкой для велосипедов. Из него можно попасть в зону кухни, объединенной с гостиной, или сразу пройти в зону отдыха оной. Две небольшие спальни, одна с гардеробной, и ванная комната. Что меня всегда поражает, так это отношение иностранцев к ванным, которые достойны названия комнат не только из-за площади этих помещений, но и из-за их отделки и декора. Все очень функционально, рационально и красиво.

Теперь самое главное для нас – цена квадратного метра. Надеюсь, вы сидите. Так вот, если вы готовы выложить 640 \$ за квадратный метр квартирной счастья в «Японском городе», то вас ждут в любое время, без выходных. Умножьте на 93 м² и сравните с ценами на недвижимость в Иркутске!... И еще одно дополнение. В эту стоимость входит полная отделка квартиры: паркетный пол, обшивка стен панелями из венге, керамическая плитка, встроенные светильники, также кухня с набором бытовой техники, включая плиту, вытяжку, холодильник, посудомоечную и стиральную машины, и полный набор сантехники (причем один из унитазов-моноблоков с электронной крышкой биде вы получаете просто в подарок), встроенные шкафы и оборудование гардеробной комнаты. При желании можно сразу заказать мебель, шторы и т.д. – естественно, за дополнительную плату.

Первая очередь строительства состоит из семизэтажных домов с квартирами 10 различных типов, площадью от 84 до 141 м². В каждом доме предусматривается 5 лифтов, работающих круглосуточно, и подземная стоянка на 73 автомобиля. На момент моего посещения офиса компании 122 квартиры, то есть весь первый дом, были уже проданы, о чем наглядно было представлено на стенде, украшенном розами. Каждая роза – проданная квартира.

Строительные работы по созданию Японского Города корпорация «Суруга» планирует проводить более 10 лет, начиная с 2005 г.

ment also has a wonderfully landscaped housing estate, containing: 237 standard houses with one apartment unit, 39 highly luxurious houses, 91 terraced houses. All these houses have small pieces of land. In addition to these homes there will be: a school, hospital, shopping mall, sports club with tennis courts, cinema and a 30-storied office building. All these magnificent new constructions will establish the first «High-life Town» in Ulan Bator. This district being built by Japanese and Mongolian engineers will utilize Japanese high technology and the best equipment available. «A new world and a new life that you won't be able to experience anywhere else in Ulan Bator is waiting for you in Japan Town» – these are the words about the new district said by a nice employee of the Mongolian Corporation in the Company's office. By the way, in that office we could see the full development plan – with mockups, floor plans of all the buildings, and striking standard three-room apartment with 93 sq.m of total area. A house in a house. You enter the Company's office and get an opportunity to visit the apartment, even to touch everything and to sit in an armchair. But first you should take off your shoes and put on special slippers as Japanese do. The guide helps you do it making low Japanese bows.

The apartment deserves special narration. There is quite a spacious entry with guests' lavatory, fitted wardrobes and a stockroom for bicycles. Then you get into the kitchen combined with the sitting room or directly go to its recreation space. There are two small bedrooms, one with a cloakroom, and a bathroom. The way foreigners organize their bathrooms always strikes me. They can be called rooms not only because of their area, but also because of their decorating and finishing. Everything is functional, rational and beautiful.

Now let's turn to the main thing – the price per one square meter. It may surprise you much. If you want to pay 640\$ per one square meter of happiness in Japan Town, you are welcome any time, seven days a week. Multiply it by 93 sq.m. and compare it with the price for real estate in Irkutsk!... And one more thing. This price includes full finishing of the apartment: parquet floor, wenge wainscot, ceramic tile, in-built lights, kitchen equipped with a stove, air funnel, refrigerator, dish washing and washing machines, complete sanitary ware with one of monoblock closet basins with electric lid and bidet as a present, fitted cupboards and cloakroom equipment. You may order furniture, curtains etc. at extra cost.

Phase 1 development consists of seven-storied houses with 10 various types of apartment unit ranging from 84

Корпорация «Суруга» имеет 32-летний опыт в строительстве жилых массивов, домов класса люкс для частного владения, офисных зданий, торговых центров и общественных зданий, таких как спортивные центры, школы и больницы. Нужно также отметить, что корпорация участвовала наряду с другими компаниями в строительстве Йокогамского Международного Стадиона, на котором проводилась финальная игра Чемпионата мира по футболу ФИФА 2002 г. В связи с этим, корпорация имеет более чем достаточные возможности для постройки «Японского Города», самого большого и высококачественного района в Монголии. Или как на прощание сказала «экскурсовод»: «Здесь вырастет «Сад четырех сезонов» для Вашей новой жизни и нового мира» – после знакомства с которым мне, почему-то, захотелось изменить место жительства.

Как было сказано выше, не только Япония готова строить жилые районы в Улан-Баторе. В строительстве жилищных комплексов заинтересованы и бизнесмены из США, предложившие внести для начала 150 млн.\$ в программу «40 тысяч квартир». Также Южная Корея предложила участвовать в совместном проекте по строительству жилого комплекса, и сейчас проводятся строительные работы на жилом комплексе «Улиастай таун» на средства частного инвестора.

Мой осмотр города тем временем продолжался, и следующим местом остановки стал корейский жилой комплекс «Royal Castle», одной из достопримечательностей которого является соседство Чингисхан-отеля.

«Royal Castle» – это группа жилых домов, составляющих с корейским бизнес-центром единый ансамбль. Тринадцатитажные дома, замкнутые в дворовое пространство, имеют в своей структуре салон красоты, супермаркет, фитнес-центр с бассейном, услуги которого для жителей комплекса бесплатны, и пропуском туда служит электронная карта-ключ от входной двери вашей квартиры. Естественно, есть здесь и подземная автостоянка, въезд в которую венчает стеклянная пирамида вкупе с мраморными статуями.

Дома имеют по два подъезда, на лестничную клетку – две квартиры. Уровень технической оснащенности комплекса говорит сам за себя, здесь интегрирована система – «умный дом». И сразу, что бросилось в глаза или, вернее в уши, очень качественная звукоизоляция, по крайней мере, за те дни, что я прожила в одной из квартир этого комплекса, я ни разу не слышала соседей.

Здесь квартиры уже иные, чем в «японском городе». Хотя отделкой они несколько похожи, но вот планировка... Квартира имеет холл, две кухни, одна рассчитана на прислугу, как, впрочем, и одна из комнат, столовая, гостиная, две спальни, каждая со своим санузлом, гардеробная и кабинет, во всех коридорах и холлах доста-

sq.m. to 141 sq.m. Each building has five 24 hour elevators and underground parking for 73 vehicles. At the moment of my visit to the Company's office 122 apartments, that is the whole first building, were already sold. It was represented in a stand, where each rose symbolized a sold apartment.

The construction work of Japan Town is going to take place over 10 years, starting in 2005.

The Suruga Corporation has 32 years of construction experience, including apartment blocks, highly luxurious houses for private ownership, office buildings, trade centers and public facilities such as sport centers, schools and hospitals. It should also be mentioned that the Corporation participated alongside other companies in building Yokohama International Stadium used for the FIFA Football World Cup 2002 final game. Therefore, the Corporation has more than sufficient ability to build Japan Town, the biggest and highest quality district in Mongolia. As the guide said in the end of excursion: «Here Japan Town will grow for your new life and new world», after which I had an instant thought to change my place of residence.

As mentioned above, not only Japan is ready to build residential districts in Ulan Bator. Businessmen from the USA are also interested in building residential complexes here. As a beginning they suggested investing 150 million USD into the «40 Thousand Apartments» program. Besides, South Korea proposed their participation in a common project on building residential complex. Now the «Uliastai Town» residential complex is under construction on the means of a private investor.

My sightseeing went on, and the next stop was Korean residential complex «Royal Castle», which is located very close to Genghis Khan Hotel.

«Royal Castle» is a group of residential buildings that together with Korean Business Center form a single ensemble. 13-storied houses enclosed in yard space contain a beauty shop, supermarket, fitness center with a swimming pool free of charge for the dwellers of the complex, that can use the center with their electronic keycard to their apartments. There is also an underground parking with a glass pyramid and marble statues at the entrance.

The houses have two entries and two apartments on a staircase. The level of technical equipment of the complex speaks for itself, it has an integrated system «clever houses». And the first thing that caught my eye or rather my ear was a high-quality acoustic insulation. At least during my lodging in one of the apartments of that complex I never heard my neighbors.

Here the apartments differ from those in Japanese Town. Their finishings are alike, but as for lay-out... The apartment has an entrance, two kitchens, one of which is for servants, as well as one of the rooms, a dining room, a

Интерьер квартиры в комплексе «Royal Castle»: ванная комната, кухня, столовая

точное количество встроенных шкафов. Общая площадь квартиры – более 200 м². Набор сантехники тоже впечатляет: унитаза-биде, душевые кабины с парогенераторами и гидромассажная ванна. Одна из ванных комнат имеет окно. Все общественные зоны квартиры имеют террасы или балконы. Очень стильный минималистский интерьер. Мне не удалось узнать стоимость жилья такого класса, но вот аренда этой квартиры – 4000 \$ в месяц. Наверное, такой комфорт того стоит.

Сразу могу сказать, что недвижимости такого уровня в Иркутске просто нет и, судя по всему, не скоро будет. Ведь речь здесь идет не об единичной квартире с хорошей отделкой в многоэтажном доме, повторяюсь, это – группа жилых домов, где все квартиры аналогичны, различия лишь только в их общих площадях, причем в большую сторону.

И уезжать домой из этой квартиры, где меня ждал ремонт собственной, мне не хотелось. Как и покидать Улан-Батор, где я провела всего три дня, но куда очень хочу вернуться, в «Сад четырех сезонов» для Вашей новой жизни и нового мира».

sitting room, two bedrooms, each with a lavatory, a cloak-room and a study. There is enough number of in-built wardrobes in every corridor and entrances. The total area of the apartment is more than 200 sq.m. The sanitary ware is also impressive: lavatory basins and bidets, shower cabins with steam generators and a hydromassage bath. One of the bathrooms has a window. All public areas have terraces and balconies. The minimalist interior is very stylish. I failed to find out the price for an apartment of such type, but its rent is 4000 \$ per month. Probably such comfort is worth it.

There is no landed estate of such level in Irkutsk, and probably it won't appear soon. I do not mean a single apartment with good finishing in a high-rise building, I mean a group of residential buildings with all apartments being analogous, differing only in total areas.

I did not want to leave that apartment in Ulan Bator for my new one in Irkutsk that I had bought before my trip and that needed to be repaired. I did not want to leave Ulan Bator either, where I had spent only three days, but I wish to return very much to the «Four Seasons Gardens» «for your new life and new world».

Жилой комплекс
«Royal Castle»

Спорткомплекс в Пекине

Место:
Китай, Пекин

Архитектор:
Пьер де Мюрон и Жак Герцог
(Herzog & de Meuron)

Стадион без стадиона. Уже строится каркас, но самого здания не будет. Несущие структуры опираются друг на друга и сплетаются наподобие гигантского птичьего гнезда. Китайцы уверены, что подготовка к Олимпиаде-2008 должна проходить именно в таком духе: радикально и просто «Спорткомплекс по-пекински прячет пешеходов под открытым небом» – <http://www.membrana.ru/articles/global/2006/06/23/164200.html>

Гигантский красный стол

Место:
Китай, Шанхай

Архитектор:
Энтони Бечу (Anthony Bechu)

Гигантский красный стол – это часть CELAP (China Executive Leadership Academy, Pudong). Как-то незаметно на берегу Янцзы вырос гигантский красный стол. За два года вырос. И внес существенные изменения во внешний облик Шанхая, его суперсовременного района Пудонг. Заметьте: под этим красным столом с начала 2005 года учатся будущие китайские лидеры. Но почему именно стол? Почему красный?

«Китай растит юных коммунистов под красным столом» – <http://www.membrana.ru/articles/global/2005/08/25/185200.html>

Сайт архитектора – <http://www.anthonybechu.com>

Фотографии – http://www.constructalia.com/es_ES/gallery_detalle.jsp?idProyec=415952

Пекинский Олимпийский «Зеленый» конгресс-центр

Место:
Китай, Пекин

Архитектурная мастерская:
RMJM
Официальный сайт мастерской – www.rmjm.com

Самой большой трудностью в проектировании было требование заказчиков включить в дизайн мотивы архитектуры эпохи династии Цинь. «Зеленый» конгресс-центр для Пекина» – http://archi.ru/foreign/news/news_current.html?nid=1984&fl=1&sl=2
RMJM – http://archi.ru/foreign/guide/workshop_current.html?wid=86&fl=2&sl=2